

Роберт ГОВАРД

ВОИН СНЕГОВ

Сага ледяных пещер

УДК 820(73)
ББК 84 (7США)
Г 57

Говард Р. И.

Г57

Воин снегов: Сага ледяных пещер: Повести и рассказы. / Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1998.— 448 с.

ISBN 5-7906-0090-5

Роман мэтра фэнтэзи Роберта Говарда «Воин снегов» переносит читателя в Хайборийский мир времен заката цивилизации. Лишь один человек, избранник Ледяных Богов, вскормленный волками, способен встать на пути жаждущих крови варваров и спасти мир, оказавшийся на краю гибели...

ББК 84 (7США)

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора.*

Издательство выражает благодарность David Wynn за предоставленные редкие прижизненные издания Роберта И. Говарда и архивные материалы

© Ken Kelly, 1982

© «Северо-Запад», подготовка текста, серийное оформление, 1998

ISBN 5-7906-0090-5

Глава первая СЫН ДЕЛРИНА

авным-давно, много веков тому назад, в шатре из конских шкур посреди заснеженных равнин Ванахейма у Гудрун Златокудрой, супруги Делрина Отважного, родился младенец. Когда над ледяной пустыней раздался первый крик новорожденного, Делрин поднял дитя могучей рукой и внимательно осмотрел — нет ли каких не-

достатков. Так было заведено среди ваниров и их братьев айсиров. Увидев, что у младенца искривлена левая нога, он нахмурился.

По обычаям, дошедшим с незапамятных времен, лишь здоровые дети оставались в живых. Однако Делрин вопросительно посмотрел на жену, ибо последнее слово оставалось за ней. Еще не оправившаяся от родов Гудрун резким движением головы отбросила назад густые блестящие волосы и хрипло сказала:

— У меня уже есть четверо здоровых сыновей. Зачем им вместо брата хромой лягушонок?

Делрин вышел из шатра навстречу холодному серому рассвету, держа перед собой голого младенца. Пар от дыхания замерзал в его бороде, под ногами хрустел наст. На рукоятки меча лежал иней, а морозный воздух проникал сквозь одежду из шкур и кольчугу.

Он отнес ребенка далеко в затянутую туманом ледяную пустыню и положил на снег; тело младенца посинело от холодного ветра, гнавшего мрачные тучи за горизонт. Делрин взялся за рукоять меча, но тут раздался протяжный вой громадных серых волков. Он повернулся и быстро зашагал назад, словно темный призрак среди нескончаемых сумерек, а позади него слышались торжествующие голоса волчьей стаи.

Однако еще до рассвета, когда лучи солнца еще не пробились сквозь ледяной туман и низко висящие облака, заливая снежную пустыню ослепительным светом, в шатер Делрина вошел старый седобородый Браги, человек со странной душой и странным выражением поблекших глаз.

— Когда я возвращался через холодную пустыню в сером свете зари, я видел, как ты оставил на снегу младенца,— промолвил старый Браги.— Я слышал вой волков, когда ты пошел прочь, а чуть позже — быстрые шаги по снежному насту. Их зеленые глаза светились во мраке, а красные языки свешивались меж белых клыков. Они подошли к лежавшему на снегу младенцу, обнюхали его, но не причинили вреда. Клянусь ледяной кровью Имира, они были словно дьяволы, а огромная серая волчица легла рядом с младенцем и дала ему свои соски. Малыш вцепился в ее серую жесткую шерсть и начал сосать подобно волчонку. Меня объял страх, и я убежал. Однако мой рассказ — истинная правда.

Делрин и его братья отправились в пустыню и нашли то место, где был оставлен младенец. Однако ребенок исчез, а снег вокруг был испещрен следами волчьих лап. Крови на снегу не было. Волчьи следы вели на запад, в край вечного льда и снега. И еще долго в покрытых конскими шкурами шатрах Ванахейма и Асгарда возле мерцающих

очагов рассказывали историю о пятом сыне Делрина, человечьем ребенке, которого забрали волки.

Этим ребенком был я — тот, кого теперь называют Джеймс Эллисон и кто живет ныне в ином, куда более мягком, времени и климате. Не могу сказать, откуда у меня эти знания. Каким образом события дня вчерашнего, дней прошедших и давно минувших лет остаются навсегда в той части нашего сознания, которую мы называем памятью? Благодаря чему мы можем вновь вызывать их к жизни с помощью речи и письма? Вы просто знаете об этом, и все; что ж, я тоже просто *знаю*. Как вы помните прошедшие дни, так я помню прошедшие жизни. Воспоминания о ваших прошедших днях не прерываются разделяющими их ночами; точно так же воспоминания о моих жизнях не прерываются ночами сна куда более глубокого, именуемого нами смертью. Десять тысяч раз я погружался в подобный сон и десять тысяч раз пробуждался, как буду пробуждаться снова и снова в течение долгих веков, пока не прекратит существование сама породившая меня планета, разорвав наконец цепь оболочек из плоти, крови и кости, одна за другой вмещавших мою бессмертную душу.

Впрочем, даже гибель планеты не сможет уничтожить эту душу, каким бы ни был конец — безмолвный космический холод под мер-

твым ледяным солнцем или испепеляющее буйство вселенского пожара. Даже если Земля лопнет, словно сверкающий пузырь, парящий в безграничной бездне, это не уничтожит *жизни*. Порой перед моим мысленным взором предстает картина ужасной и вместе с тем чудесной катастрофы, которая не в состоянии уничтожить мою душу, но может швырнуть ее в невообразимые бездны, в немыслимые океаны солнц и звезд, лежащих вне человеческого понимания, продолжив нескончаемую цепь меняющихся обличей в прекрасных, таинственных мирах, в бескрайних просторах Вселенной.

Но я не жажду погружаться в эти загадочные глубины. Я — человек Земли. Из праха я возник и в прах обращаюсь не один, но миллионы раз, вновь воскресая в новом, пышущем молодостью теле, словно в свежей одежде. Я не пытаюсь заглядывать за горизонт породившей меня планеты. Мои ноги ступают по ее травам и лужам; ее роса в моих волосах, а золотые лучи ее солнца греют мои обнаженные плечи; под моими ладонями теплая земля пульсирует жизненной силой, давшей начало роду человеческому, мои руки обнимают живые стволы деревьев, которые такие же дети земли, как и я, и речь их листьев не менее осмысленна, чем моя.

О, я побывал в обличье многих людей, во многих землях! Лежа в ожидании смерти,

которая освободит меня от разбитого, нездорового тела, я не вижу выпцветших стен, покрытого паутиной потолка, дешевых репродукций, выдаваемых за картины; они не ограничивают моего поля зрения, так же как и дома, дубовые рощи и холмы вокруг; даже горизонт не является для меня границей. Я вижу пылающие закаты, знакомые мне с давних времен, далекие страны, бескрайние бурные моря — белые утесы на фоне чистой холодной голубизны, окутанные у подножий искрящейся пеной, и парящих с криками чаек. Я вижу великолепие, гордость и славу, блеск солнца на золотых доспехах, ломающиеся копья, развернутые алые паруса и темные глаза любивших меня женщин.

О, я вижу всех, кем я был когда-то! Смелчаков и трусов, сильных и слабых, добрых и жестоких, любящих, ненавидящих, жаждущих, пьяных и обжирающихся, сражающихся, предающих, самодовольных — множество тел, рождавшихся с одной и той же не знающей покоя душой, что обретается теперь в хрупкой и болезненной оболочке, которую люди называют Джеймс Эллисон.

Кем только я не был — королем, воином, рабом... Я умирал при Марафоне, при Арбеле, при Каннах, при Шалоне, при Клонтарфе, при Гастингсе, при Айзенкуре, при Аустерлице, при Сая-Хасинто и при Геттисберге. Я был безымянным рыжеволосым вождем, ска-

кавшим на полудиком коне, когда мы принесли бронзу в Западную Европу; я носил копье и щит в македонской фаланге, когда равнины Индии дрожали от топота конницы Александра; я натягивал тетиву лука в Пуатье, когда свистящие тучи наших стрел обрушивались на французских рыцарей; и я слышал скрип кожи, звон шпор и пение ночных всадников, когда мы гнали мычащие стада длиннорогих быков по покрытой туманом тропе, которую люди называют Чисхольм, чтобы основать новую молодую империю кожи, мяса и стали.

Нет такого, чего бы я не мог рассказать вам об этой планете и о бурлящей на ней жизни! Я бы мог опровергнуть любые хроники и саги и посрамить историков и философов!

Но лучше я вернусь в те времена, о которых они не имеют ни малейшего представления. Я расскажу вам о вскормленном волками сыне Делрина и Гудрун Златокудрой.

О да, эта история не нова. У любого народа есть легенды о младенце, приникшем к соскам волчицы. Это мифы всех арийских народов, а от них легенду позаимствовали иные расы.

Всем этим легендам положила начало история сына Делрина и Гудрун. На самом деле Ромул вскормила обычная проститутка, это его сыновья придумали красивую сказку о волчице. Однако молоко серой

волчицы действительно было единственной пищей, которую знал во младенчестве сын Делрина.

У меня никогда не было человеческого имени, хотя за годы моей жизни разные племена называли меня по-разному. Я был Сильным. Именно это означали многие мои имена, на каком бы языке они ни звучали. Я помню, что племя айсиров называло меня Гор и поскольку это имя ничем не хуже других, я буду называть сына Делрина и Гудрун именно так.

Глава вторая ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОРА

первых годах моей жизни я помню весьма смутно. Самые яркие впечатления той поры — бесконечные просторы льда и снега, холодный ветер и хрустальные ночи, освещенные тусклым светом мерцающих в тумане звезд.

Думаю, даже в те дикие времена никакой другой младенец не пережил бы и

одной ночи в этой промерзшей пустыне. Я выжил.

Помню кислый запах теплого меха волчицы, прикосновение ее языка, легкие уколы клыков. Острый вкус молока, лившегося в мой рот из ее сосков, и другой, куда более горячей жидкости, хлеставшей из разорванных жил свежеебитой добычи. Вкус сладкого мяса, сдираемого с еще трепещущего тела, прежде чем холод превратит тушу в изломанную статую из алого мрамора.

Далеко не все наши жертвы носили на себе собственные шкуры. Я уже сказал, что ни один младенец не выжил бы в тех условиях, в которых проходило мое детство. Теперь, в свете познаний нынешнего времени, я понимаю, что во мне было нечто такое, что отличало меня от племени ваниров, из которого я был родом. Волки это явно почувствовали, иначе сожрали бы меня на месте. Моя душа хранила в себе наследие древних времен, когда обезьяноподобные предки человека совокуплялись с таинственными существами, лишь внешне похожими на людей.

Порой мне кажется, что мой отец поступил правильно, бросив мое нагое тело в ледяные сугробы, и что ошибка его заключалась скорее в том, что он остановил уже взявшуюся за меч руку, когда я криком ответил на вой приближающейся волчьей стаи.

С первых проблесков сознания я понимал, что я не такой, как кормившая меня волчица,

как мои проворные серые братья и сестры. Белый пушок, покрывавший мои детские руки и ноги, был тоньше шерстки новорожденного щенка, так что я инстинктивно кутался в полу-сгнившие шкуры давно съеденной добычи. Волчата, с которыми я недавно играл, вскоре уже носились по ледяным просторам на своих мощных ногах — такие же отважные и яростные убийцы, как и их предки, — я же продолжал неуклюже ползать по нашему логову, не в силах присоединиться к остальным.

Не могу сказать, сколько зим миновало, прежде чем я начал с трудом вставать на ноги, поняв, что могу без посторонней помощи стоять на задних лапах и даже бегать в этом странном вертикальном положении. Кривая левая нога, обрекая меня на жизнь в ледяной пустыне, постепенно распрямилась — то ли от суровых условий, то ли оттого, что на нее не приходилась тяжесть тела, пока удлинялись и отвердевали мои младенческие кости. Со временем я носился по тундре столь же проворно и неутомимо, как и мои братья по стае, лишь легкий изгиб у лодыжки напоминал о моем прежнем уродстве.

Именно тогда я начал ощущать некое родство со странной двуногой добычей, на которую мы иногда охотились. Прежде, видя лишь растерзанную и изуродованную жертву, я не придавал особого значения тому, какую трапезу я делю со своими собратьями. Для меня она ничем не отличалась от туши лося или оленя.

Однако однажды, преследуя дичь вместе со стаей, я впервые увидел другого живого человека — одинокого и полумертвого от усталости охотника, отбившегося от своих спутников во время снежной бури. Я остановился, зачарованно глядя на то, как отважно он защищался. У него не было ни клыков, ни когтей, ни рогов или копыт — так же, как у меня. Однако, когда стая окружила его, он согнул кривую палку, которая была у него с собой, и с резким звуком отпустил привязанную к ней туго натянутую веревку. Ближайший к нему волк взвыл и высоко подпрыгнул — из его сердца торчала деревянная стрела. Охотник в мгновение ока достал из висевшего за спиной мешка еще одну стрелу, приложил к своей палке и выпустил ее прямо в горло второго серого брата... Затем стая сбила его с ног.

Какое-то время он отчаянно отбивался от рычащих убийц, и я увидел, что мое первое впечатление оказалось ошибочным — одна его лапа была вооружена длинным острым когтем. Молниеносный удар этого серебристо-серого когтя разорвал живот волка, вцепившегося ему в горло. Затем человек перестал сопротивляться.

Несмотря на голод, я продолжал наблюдать, как мои братья дерутся над дымящейся тушей. Кривая палка и вылетающие из нее стрелы были недоступны моему пониманию. Серебристо-серый коготь отвалился от чело-

вечей лапы. С любопытством разглядывая его, я заметил, что серебристое острие снабжено костяной ручкой, которую я мог сжимать в руке, точно так же, как это делал охотник.

Стоя с ножом в руке и глядя на стаю, сражающуюся за наиболее лакомые куски мяса, столь похожего на мое собственное, я вдруг понял, что я вовсе не какой-то смехотворный уродец, которого лишь из удивительной для волков жалости терпят мои ловкие и сильные собратья. Теперь я знал, что я человек. По крайней мере внешне.

Вместе с новым для меня знанием пришло странное беспокойство. Если я человек, то почему не живу среди людей, почему я брат тем, кому человек — враг?

Мучившая меня тайна всецело овладела мною. Я бродил неподалеку от человеческих костров, зачарованно наблюдая за непонятными действиями людей и слушая издаваемые ими бессвязные звуки. В безлунные ночи, когда вокруг все было окутано мраком, я проникал в их поселения. В то время как мои серые братья держались в безопасном отдалении, я незамеченным крался позади странствующих или охотников, разглядывая их оружие, шкуры, в которые они закутывали свои безволосые тела, и дьявольское пламя, с которым они делились мясом.

Времена года сменяли друг друга, и лишь мимолетная оттепель предшествовала смер-

тоносному холоду новой зимы. Я все меньше времени проводил в стае и все больше размышлял о людях и их обычаях. Я понял, что их повизгивание и ворчание — это речь, намного более сложная, чем у моих братьев-волков. После долгих упражнений я обнаружил, что могу воспроизводить некоторые из этих звуков собственным горлом и что пылающий дьявол называется «огонь», а кривая палка, выбрасывающая острые стрелы — «лук». Серебристо-серый коготь назывался «нож», а его старший брат, который был длиннее и острее любого клыка или когтя — «меч». Больше всего я мечтал о том, чтобы обладать мечом.

Наступил день, когда солнце превратилось в холодный красный диск на фоне низких облаков собирающейся снежной бури. Мои серые братья укрылись в своих логовах, а я, юный дикарь, проживший на свете чуть больше десяти зим, бродя под свинцовым небом, стал свидетелем никогда прежде не виданной сцены.

Посреди предгрозовой ледяной пустыни сражались люди. Я понятия не имел, в чем причина конфликта, но дикая ярость их схватки заставила подпрыгнуть в груди мое юное сердце. Кровь застучала в жилах, и я скрежетал зубами, дрожа от нестерпимого желания самому броситься в гущу сражения. Лишь какой-то инстинкт удерживал меня. Крики и предсмертные вопли сражавшихся заглушали

рычание и вой, срывающиеся с моих покрытых пеной губ.

В одной группе было человек двадцать, в другой — вполтину меньше. Благодаря бешеной отваге одного из воинов меньшая группа отчаянно сопротивлялась. Несмотря на угрозу приближавшей бури, я не отрывал глаз от могучей фигуры, что на голову возвышалась над остальными. Окровавленный меч, длиной почти в мой рост, в его громадных руках сеял вокруг смерть. Рядом с ним сражались другие. С лязгом сталкивались клинки, пока смерть не объявляла кровавый конец очередной рукопашной схватке.

Столь яростная битва не могла продолжаться долго. Один за другим соратники высокого воина падали под вражескими мечами. Какое-то мгновение он сражался в одиночестве, окруженный четырьмя оставшимися в живых врагами. Одного из них он разрубил от плеча до живота, но прежде чем он успел выдернуть меч, подоспели другие. Мне не удавалось уследить за тем, что последовало далее. Сталь со звоном ударялась о сталь, вспарывая плоть и извергая фонтаны крови, яростные крики внезапно сменялись стонами и затихали. А потом не осталось никого, кроме высокого воина с окровавленной гривой светлых волос.

Он медленно опустился на колени и огляделся. Снег был испещрен алыми пятнами, и кровь, струившаяся из его ран, добавляла

к ним новые. Голова воина опустилась на грудь.

Изуродованные тела убитых начали покрываться инеем, когда я наконец решился покинуть свое укрытие. Объятый благоговейным страхом, я пробрался среди мертвецов к сгорбившейся неподвижной фигуре. Судя по нараставшему завыванию ветра, снежная буря должна была вскоре похоронить и убийц и убитых. Однако мне во что бы то ни стало хотелось завладеть громадным мечом.

Я думал, что воин мертв, но, когда я потянулся к мечу, его глаза внезапно открылись. Я отскочил. Огромный клинок в окровавленном кулаке угрожающе поднялся.

— Айсирский пес... — прорычал воин и замолк. Глаза умирающего удивленно разглядели меня.

Ледяные иглы покалывали мое тело, поднимавшийся ветер уносил облачка пара от нашего дыхания. Я стоял перед ним — высокий худой юноша, выросший среди волков и потому казавшийся старше своих лет. Ветер развеивал мои длинные, белые как снег волосы. К моему телу были привязаны бесформенные куски кожи и шкур — грубое подобие того, что я видел у охотников.

Я глухо заворчал и, увидев, что он не поднимается, шагнул вперед.

— Меч! — проскрежетал я и зарычал, словно волк, требующий кусок мяса у слабого собрата.

Взгляд воина упал на мою искривленную ногу. Я снова зарычал, а на лице его отразилось неопишемое изумление.

— Ради Имира! — выдохнул он. — Ты?!

Сквозь завывающий ветер послышались голоса других людей. Мне был нужен меч, и немедленно.

Неожиданно метнувшись вперед, я увернулся от его неуклюжего замаха и ухватился за рукоятку меча. Он яростно взревел и, шатаясь, поднялся, но я не отпускал руку. Моя сила и ловкость застали воина врасплох, и я вонзил зубы в его предплечье. Но даже смертельно раненный, он был сильнее меня и умел драться. Удар кулака, обрушившийся на мою голову, едва не расколол мне череп. Я продолжал висеть на его руке, вонзив зубы в чужую плоть и уклоняясь от попыток схватить меня.

Он выпустил меч из обездвиженной руки и перехватил его в другую. Ошеломленный от сыпавшихся на меня ударов, я все-таки вспомнил о ноже, воткнутом в мои шкуры. Когда, продолжая держать меня прокушенной рукой, воин замахнулся мечом, я быстро выхватил нож и вонзил его в горло противника.

Кровь заглушила его предсмертный крик. Даже за мгновение до смерти ему еще хватило сил опустить занесенный меч, но, скользкий от крови, я вывернулся из-под его руки, и тяжелая рукоять меча ударила меня по голове, а лезвие рассекло плечо.

Мертвый гигант рухнул на меня. От боли все плыло у меня перед глазами. Торжествующий, я вырвал меч из его кулака и направился прочь со своим трофеем. Однако мне удалось сделать лишь несколько шагов.

Новые фигуры преградили мне путь. Еще один отряд воинов стремительно ворвался на залитую кровью снежную поляну. Они изумленно уставились на меня и на тело гиганта. Зарывав, я, шатаясь, двинулся к воинам, намереваясь прорваться сквозь их строй и скрыться в снежной буре.

Но ноги не держали меня. Чернота поглотила мое сознание, и я даже не почувствовал, как мое тело ударилось об утоптаный снег.

* * *

Несколько дней я провалялся без сознания. Удар, нанесенный умирающим воином, разнес бы вдребезги череп любого. Кожа на моей голове была рассечена до кости. Прошли дни, прежде чем я смог нормально видеть и стоять, без кружащихся перед глазами искр и черных вихрей.

Любой другой наверняка умер бы. Однако я был не таким, как все.

Я пришел в себя в лагере айсиров. Они обработали мои раны и дали мне еды. Айсиры относились ко мне со смешанным чувством уважения и страха, ведь я убил Делрина Отважного.

Со временем я начал понимать, что ваниры и айсиры воюют. Племя айсиров, в которое я попал, лишь недавно пришло в Ванахейм. Им пришлось пережить множество кровавых стычек, ибо от потери или приобретения охотничьих угодий в этой ледяной пустыне зависела их жизнь. Вождем ванирских воинов был Делрин Отважный. Отряд айсиров застиг Делрина врасплох, когда тот возвращался с другой битвы. На глазах айсиров я убил их самого свирепого врага.

Сначала их удивляли мои странные привычки, незнание их языка и обычаев. Однако рана на моей голове лишь чудом не оказалась смертельной, и вскоре айсиры предположили, что удар попросту лишил меня рассудка. Во всем остальном они полагали, что я юноша из другого клана айсиров и вся моя родня погибла в том сражении с Делрином. Позднее им предстояло узнать, что это не так. Пока же они заботились обо мне, как заботились бы о любом герое своего народа, покалеченном в бою.

Несмотря на смерть Делрина, война с айсирами продолжалась, и вскоре племя было вынуждено отступить в снежные равнины Асгарда. Я ушел вместе с ними, хотя в любой момент мог ускользнуть и вернуться к своей стае. Однако, одержимый навязчивой идеей о жизни среди людей, я постепенно отдалялся от своих серых братьев. Судьба дала мне шанс вернуться к людям. Теперь я мог узнать, дей-

ствительно ли я человек, или же дикий уродец, лишь внешне напоминающий человека.

У меня не было имени, и айсиры называли меня Гор, что означало Сильный. Я и в самом деле был сильным: мои мышцы были выкованы безжалостной дикой природой, к тому же я обладал мгновенной реакцией голодного волка. И хотя я неумело обращался с оружием, даже самый отважный из айсиров не осмеливался испытать на себе мой вспыльчивый нрав. Все они были дикими воинами, но даже самый слабый из них мог бы противостоять десятерым из времен Джеймса Эллисона. Однако в то время как они росли в шатрах из конских шкур и были вскормлены молоком матери, я ползал голышом в снегу, дерясь за кусок добычи со своими желтоглазыми братьями.

Несмотря на всю странность людских обычаев, я учился быстро. Свирепые нравы айсиров казались мне крайне мягкими по сравнению с законом «убей или будешь убит» — единственным, который я знал. Однако мне хотелось стать таким, как они, и я заставлял себя учить их язык и бессмысленные обычаи. Если бы я попал в племя ваниров, меня бы наверняка узнали. Однако эти люди пришли издалека, из тех мест, где никто не слышал истории о пятом сыне Делрина, выросшем в волчьей стае.

Четыре с лишним года пролетели незаметно. Все это время я жил среди айсиров,

и людские обычаи становились мне все ближе. К тому времени, когда зажили шрамы от ударов Делрина, я уже мог свободно говорить на их языке, есть обожженное на огне мясо, носить их тесную одежду и спать в шатре, не боясь задохнуться. Однако страх перед огнем покидал меня слишком медленно, и многие, замечая это, мрачно хмурились.

Никто не оспаривал того, что меч Делрина принадлежит мне. Меч был моим по закону войны. Я убил бы любого, кто попытался бы отобрать у меня мой трофей. Меч был огромен, и хотя у меня хватало сил, чтобы его поднять, делал я это неуклюже и неумело. Впрочем, айсиры приписали мою неловкость перенесенной ране. Они терпеливо учили меня пользоваться мечом и ножом, секирой, щитом, луком и стрелами. Благодаря природной силе и звериной ловкости на обучение этим искусствам мне потребовалось значительно меньше времени, чем любому другому юноше. Вскоре я уже превосходил своих учителей во владении мечом и мог послать стрелу в глаз бегущего оленя.

Однако, несмотря на все уважение, которое вызывали моя сила и ловкость, я знал, что остаюсь чужаком среди людей, точно так же, как я был чужим в стае. Во мне была некая странность, которую ничто не могло скрыть. Айсиры пожимали плечами и говорили, что я, должно быть, так и не излечился от безумия.

Те, кто помнил мой дикий вид в первые месяцы, хмуро поглядывали на мою искривленную лодыжку и на белые волосы, что покрывали мое тело более густо, чем у них, но в страхе перед моим гневом держали свои подозрения при себе.

Наконец айсиры вновь начали бросать жадные взгляды на земли ваниров. Вновь затрубил рог войны, и племя, в котором я жил, последовало его зову. Я с радостью отправился вместе с ними. Жизнь в селении стала утрачивать былой интерес, и мне хотелось новых впечатлений.

Как и прежде, на границе Асгарда и Ванахейма разыгрались смертельные битвы и поединки. В наших войнах не было больших сражений — армия на армию, не было пылающих городов, королей и генералов, командующих войсками, — лишь дикая ярость дравшихся за обладание куском ледяной пустыни. Мы сражались не за богатства и не за идеалы, а за наши животы и нашу жизнь.

На этот раз удача сопутствовала айсирам. Многие говорили, что главной тому причиной был Гор, белоголовый берсерк, чья дерзкая отвага и могучий клинок прокладывали кровавые просеки в рядах ваниров. Может быть, это и так, но я знал, что моя удаль в бою и жажда убивать почти не поколебали стену, отделявшую меня от моих товарищей-айсиров.

Солнце уже опускалось за обледеневший горизонт, когда мы настигли горстку ваниров. Старые и немощные, они представляли собой

жалкое зрелище и вряд ли заслуживали того, чтобы тупить о них клинки. Я занес меч над седобородым стариком, слишком дряхлым для того, чтобы сражаться. В глаза мне бросились шрамы от старых ран на его лысом черепе и его взгляд — взгляд человека, ожидающего смерти. Я понял, что он обречен, и остановил клинок.

— Меч,— прохрипел седобородый.— Откуда он у тебя?

— Я взял его у вождя ваниров еще пять лет назад,— рассмеялся я.— И заплатил ему ножом в горло.

— Кто ты? — спросил он, странно глядя на меня.

— Меня зовут Гор.

— Но ты не айсир! — закричал старик, глядя мимо меня.— Я видел, как тебя еще младенцем оставили на снегу. Тебя выкормили волки, и ты — исчадие зла. Я знаю: ты — пятый сын Делрина, и на твоих руках — кровь твоего отца!

— Было бы хуже, если бы моя кровь осталась на его руках,— усмехнулся я.— Говори, старик. Откуда ты все это знаешь?

— Я Браги,— прошептал он.— Из клана ваниров, в котором ты родился. Твоя мать — Гудрун Златокудрая, а твой отец — Делрин Отважный. Ты их пятый сын. Ты родился с кривой ногой, и Гудрун велела Делрину оставить тебя на снегу, сказав, что у нее уже есть четверо сильных сыновей с прекрасными стройными ногами. Да проклянет Имир день твоего рождения, ибо ты принес смерть

Делрину, а теперь обратился против своего же собственного народа!

— У меня нет народа! — зарычал я. — А что стало с остальными сыновьями Гудрун?

— Они — гордость их матери. Раки Быстрый, Сигизмунд Медведь, Обри Хитрый и Элвин Молчаливый. Услышь же их имена и трепещи, ибо они отомстят за своего отца и окрасят снега Ванахейма кровью айсиров!

Я рассмеялся и приставил острие меча к его горлу.

— Это я, Гор Сильный, жажду отомстить, Браги! Отомстить своим братьям, которые заняли мое место у костра! Отомстить своей матери, обрекшей на смерть собственное дитя! Боги благосклонны ко мне, иначе они бы не позволили мне убить Делрина. Пусть же Гудрун и ее сыновья остерегаются мести Гора! Это их преступление сделало меня тем, кем я стал!

— Ты исчадие зла! — из последних сил выругался Браги. — Твоя кровь и твоя душа пропитаны злом — я вижу его! Я видел его еще в тот день, когда убегал от волков, кормящих человеческое дитя!

— А что ты еще видишь, старик?

— Я вижу смерть, — прошептал Браги.

— Вот и правильно, — сказал я и вонзил в него клинок.

Глава третья МЕСТЬ ГОРА

Т

от морозный день был успешным для племени айсиров. Вечером они собрались вокруг костров, поджаривая сочные куски мяса и празднуя победу. Я сидел один в своей палатке из конских шкур.

Слова умирающего Браги продолжали звучать в моих ушах. «Услышь их имена и трепещи!» Я и в самом деле

трепетал, но не от страха — от ярости. Снова и снова повторял я имена моих ненавистных братьев: Раки Быстрый, Сигизмунд Медведь, Обри Хитрый, Элвин Молчаливый. И была еще Гудрун, по велению которой меня оставили на промерзшем снегу в ожидании волчьих клыков. Гудрун Златокудрая! Я поклялся, что недалек тот день, когда ее золотые кудри смешаются с кровью!

Не раз в эту ночь меня охватывали столь сильные приступы безумия, что я хватался за меч Делрина, выбирался из палатки и глядел в морозную черноту, прислушиваясь к завыванию ветра. Я дрожал от завладевшей мною жажды крови. Свирепое желание отомстить было подобно пламени, сжигавшему мои внутренности.

Однако ненависть не лишила меня рассудка. Для того чтобы месть свершилась, предстояло узнать, какое именно племя ваниров возглавляют мои сородичи и где именно в Ванахейме находится их лагерь.

Одержимый жаждой мести, я мог слепо кинуться вперед и убить десятки ваниров, но меня самого могли прикончить, прежде чем я бы отыскал своих братьев и мать.

Сидя в темной палатке, я решил, что мне следует применить тактику, которую использовали волки, — пробраться мимо стражи ваниров, прячась в тени неподалеку от их костров. Рано или поздно я выясню все, что мне необходимо.

Незадолго до того, как лагеря айсиров коснулись первые рассветные лучи, я проскользнул мимо стражи. Я прополз на животе через хрупкий от мороза кустарник, и ни одна веточка не выдала меня своим хрустом.

Когда над ледяной пустыней поднялся окутанный туманом диск солнца, от лагеря айсиров меня уже отделяло несколько миль. Сделав короткую остановку под прикрытием низкорослых кустов, я вытащил из сумки кусок сушеной оленины.

Я был уверен, что айсиры не обратят внимания на мое исчезновение. Большинство из них до сих пор считали меня безумцем. Но когда им потребуется моя помощь, они наверняка вновь примут меня с распростертыми объятиями. В их смертельной войне с ванирами не обойтись без великого меча Делрина!

Почти две недели я вел жизнь волка. Если голод становился невыносим, я охотился. Я мог загнать оленя до смерти. Не зря же я был вскормлен не знающими усталости дьяволами северной пустыни!

Я направлялся на север, туда, где, по моему мнению, находилось главное поселение ваниров. Несколько раз я замечал отряды ваниров, но избегал их, хотя держал в руке могучий меч Делрина. Расправиться с племенем я всегда успею. Сначала нужно заплатить мои личные кровавые долги!

Я снова и снова повторял имена моих братьев и матери. Раки Быстрый, Сигизмунд Мед-

ведь, Обри Хитрый, Элвин Молчаливый и Гудрун Златокудрая.

Их имена продолжали звучать у меня в голове, даже когда я спал. Иногда во сне я вскакивал и судорожно хватался за меч Делрина. Какое-то мгновение мне казалось, что они рядом и ожидают моего нападения. Потом я снова засыпал, но имена, словно некое злое заклинание, отдавались бесконечным эхом в моем мозгу.

Я ночевал в укрытии из камней, или под низкими деревьями, или даже на голом льду, под снегом, тяжело падавшим с беззвездного неба. Накидка из звериных шкур прикрывала мои спину и живот. Оленья шкура покрывала ступни. Больше на мне ничего не было, если не считать кожаный пояс, на котором висели ножны для меча и нож с костяной ручкой, и небольшой, но мощный лук и несколько стрел. Иногда я просыпался, погребенный под снегом, но тотчас отряхивался, словно волк, и продолжал путь.

Однажды утром, через три недели после того, как я покинул лагерь айсиров, я заметил дымок, поднимающийся над небольшой лиственной рощей.

Спрятаться было практически негде, и я пополз по промерзшей каменистой земле, дюйм за дюймом приближаясь к лиственницам.

Мне потребовалось почти полчаса, чтобы добраться до рощи, но я не опоздал. Небольшой отряд ваниров — как я понял, оставший от более многочисленной группы, — располо-

жившись возле маленького костра, обгладывал кости какого-то животного.

— Проклятие! — воскликнул один из них. — Раки с нас головы снимет!

Я затрепетал, услышав это имя, но не издал ни звука. Моя рука инстинктивно сжала рукоять жаждавшего крови меча Делрина.

Другой ванир швырнул кость за спину, пожал плечами и прорычал:

— Пусть себе бесится. Мы отстали — что подделаешь? Не беспокойся. У Раки и его братьев каждый воин на счету.

Он наклонился над костром.

— Проклятый Гор! Он поможет айсирам загнать нас в Край Смерти, где вечная ночь и нет даже мха для пропитания!

Притаившись лишь в нескольких ярдах от них, я вздрогнул, услышав собственное имя. В устах этого ванира оно звучало несколько странно.

Еще один воин, ругаясь, поднялся от костра.

— Гор — такой же человек из плоти и крови, как и все мы! Мы прогоним айсиров обратно в Асгард. И пусть радуются, если, конечно, останутся живы!

Вскоре они встали, закидали костер снегом и направились на северо-восток. Подобно голодному волку, я последовал за ними. Один воин обернулся, пристально всматриваясь вдаль, но я успел лечь, распростершись на льду. Он посмотрел куда-то прямо надо мной, затем пожал плечами и пошел дальше.

Их было пятеро, но я не сомневался, что мог убить всех, если бы застал их врасплох. Впрочем, это не входило в мои планы.

Они должны привести меня к Раки — Раки Быстрому, Сигизмунду Медведю, Обри Хитрому, Элвину Молчаливому и к Гудрун Златокудрой.

Пятеро ваниров двигались осторожно, не спеша. Похоже, они не слишком торопились воссоединиться со своими товарищами. Я дрожал от нетерпения, но не мог заставить их шагать быстрее, оставаясь незамеченным.

Им потребовалось почти три дня, чтобы добраться до своего главного лагеря. Все это время я, голодный и усталый, следовал за ними по пятам. Когда они ели, я, с горящими от ярости глазами, прятался в темноте, чувствуя, как бурчит у меня в брюхе. Они казались встревоженными и подавленными, словно ощущали, что за ними следят, но никто из них меня так и не заметил. Я полз по ледяной пустыне, словно волк — словно тень волка. Иногда мне попадалась мелкая дичь, но, несмотря на дикий голод, я не обращал на нее внимания. У меня не было времени охотиться. Мною руководила лишь одна цель, и ничто, кроме самой смерти, не могло меня удержать.

Наконец ваниры достигли границ главного лагеря. После коротких переговоров стражники пропустили их, и они скрылись из виду.

Час, а может, и больше, я наблюдал за лагерьем, спрятавшись за деревьями. Наконец я решил обойти лагерь кругом, что было непростой задачей, поскольку многочисленные часовые бдительно охраняли все подступы. Однако долгие годы, проведенные в волчьей стае, не прошли даром; я прокрался вдоль всей границы лагеря, и ни один часовой меня не заметил.

Это было стойбище большого клана, явно готовившегося к войне. Казалось, все только и делали, что точили мечи и стрелы, чинили и укрепляли тяжелые кожаные щиты.

У меня не раз была возможность перерезать горло часовому, но я держал себя в руках, хотя меня так и подмывало выхватить нож. Убийство стражника подняло бы на ноги весь лагерь, а этого мне вовсе не хотелось.

Ранним утром я наконец нашел то, что искал: большой шатер из оленьих шкур, охранявшийся двумя рослыми воинами, которые, положив руки на рукояти мечей, то и дело бросали по сторонам подозрительные взгляды. Время от времени к шатру подходили ваниры — судя по всему, вожди низшего ранга, — и после испытующих взглядов часовых их пропускали. Одного из посетителей впустили лишь после того, как он оставил у порога шатра меч, нож и стрелы. Он обругал стражников, но подчинился.

В шатре явно составлялись военные планы, и это могло означать лишь одно: там находи-

лись мои ненавистные братья. Сердце бешено колотилось, но мне удавалось сдерживать себя.

Позади большого шатра находился другой, поменьше. Почти наверняка там обитала Гудрун Златокудрая.

Солнце уже поднялось, когда из шатра вышел один из братьев. Я не сомневался, что это Раки Быстрый. Я слышал, что он удивительно похож на Делрина, доблесть которого стала легендой. Раки был громадного роста, в шесть футов с лишним, мускулистый, но стройный, светловолосый, с голубыми глазами. Он был вооружен чудовищных размеров мечом, и я заметил, что его щит сделан не из кожи, а из кованого металла — редкость для тех краев.

Обливаясь потом, я схватился за рукоять легендарного меча Делрина. Я вовсе не боялся этого самодовольного гиганта — меня лишь переполняла, сжигала изнутри ненависть.

Однако я заставил себя не двигаться с места. Я был уверен, что смогу убить Раки в открытом поединке, но в шатре наверняка находились еще трое сыновей Делрина, а в маленьком шатре позади, вероятно, и сама Гудрун.

Я хотел довести дело до конца. Чтобы добиться успеха, нужно было выбрать подходящее время и место.

Пройдясь вокруг и обменявшись несколькими словами с часовыми, Раки вернулся в шатер.

Весь день в шатер приходили посетители. Я подозревал, что готовится большое наступление

на айсиров. Сыновья Делрина тщательно планировали свои действия. Я чувствовал, что скоро начнется настоящая война, конечная цель которой — полное уничтожение противника.

За день я сумел хорошо разглядеть остальных братьев: Сигизмунда Медведя, который был ниже ростом и более коренастый, чем Раки, с бочкообразным телом, толстой шеей и непропорционально маленькой головой; Обри Хитрого, худощавого и стройного, с коварным блеском в глазах и, казалось, навеки застывшим на лице презрительным выражением; Элвина Молчаливого, еще одного гиганта, загадочный взгляд которого был устремлен куда-то вдаль. С его плотно сжатых губ лишь изредка срывались какие-либо слова.

После полудня из-за шатра появилась высокая амазонка и заговорила с часовыми. Я сразу же понял, что это Гудрун Златокудрая. Ее густые, заплетенные в косы волосы ярко сверкали в лучах полуденного солнца, и, будь я в состоянии трезво рассуждать, я бы отметил, что она весьма привлекательная женщина.

Однако я смотрел на нее с ненавистью, которую невозможно выразить никакими словами. Мне даже показалось, что она и в самом деле ощутила ее испепеляющий жар: Гудрун повернулась и, нахмурившись, поглядела на кусты, в которых я прятался. Один из часовых что-то сказал и направился было в мою сторону, но она покачала головой и велела ему вернуться.

Я отвел взгляд, опасаясь, что, если я и дальше буду смотреть на нее, Гудрун и в самом деле прикажет часовым обшарить кусты, служившие мне укрытием.

Когда на лагерь опустились сумерки, у меня уже был готов план. Я намеревался подождать до полуночи. Избавиться от двух часовых не составляло труда. Убрав их, я проберусь в большой шатер, держа наготове меч Делрина...

Я решил, что будет проще сражаться внутри, а не снаружи шатра. Во-первых, мне давала преимущество неожиданность нападения, и, кроме того, в шатре у моих противников будет меньше места для маневра. Снаружи меня бы сразу окружили и атаковали со всех сторон. Если я сумею убить часовых и пробраться в шатер, не разбудив братьев, у меня будет значительно больше шансов.

Кроме того, я предполагал, что звон клинков и крики хотя бы частично приглушат стены шатра. Шум, возникший снаружи, поднял бы на ноги весь лагерь.

Хотя я и не испытывал страха, я прекрасно сознавал, что сыновья Делрина Отважного будут сражаться отчаянно и насмерть. Единственное, чего я опасался — если это можно было назвать опасением, — что меня могут ранить до того, как я успею отомстить. Мысль об этом не оставляла меня. Поэтому я решил, что атака должна быть быстрой, беспощадной и действенной. Стражники не должны издать ни звука,

лагерь нельзя потревожить. Я должен напасть быстро и бесшумно, словно сама Смерть.

Тянулись часы. Над горизонтом взошел полумесяц, но вскоре его скрыли густые облака. В наступившей темноте раздавались лишь неустанные шаги часовых. Где-то поблизости в кустах послышался крик снежной совы.

Дюйм за дюймом, фут за футом, я наконец выполз из-за деревьев, издавая не больше шума, чем упавшая на промерзшую землю тень. Ни один волк не мог бы подобраться к добыче тише, чем я.

Наконец я оказался на расстоянии удара меча от ближайшего стражника. Оставив сверкающий меч Делрина в ножнах, я вытащил свой нож с костяной ручкой и стал ждать.

Ничего не подозревающий часовой подошел ко мне на два фута, остановился, повернулся и двинулся назад. Я сорвался с места, словно выпущенная из лука стрела. Зажав рот часовому одной рукой, другой я полоснул лезвием ножа поперек его горла, перерезав артерию. Даже истекая кровью, он пытался сопротивляться, но тщетно. Лишь смерть могла разжать мой захват. Когда тело часового обмякло, я опустил его на промерзшую землю и, словно смертоносная ночная змея, метнулся сквозь темноту ко второму стражнику.

Он стоял неподвижно, глядя во тьму, когда мой нож вонзился ему в горло. Он дернулся, пытаясь выхватить меч, но ему удалось вытащить его из ножен не более чем на дюйм.

Я направился к шатру сыновей Делрина.

Остановившись у полога, я прислушался. Из шатра раздавался густой храп. Я заставил себя подождать целых пять минут, но никаких звуков, кроме храпа, не услышал. Вытащив тяжелый меч Делрина, я шагнул в шатер и замер, давая глазам привыкнуть к темноте. Несмотря на кромешный мрак, вскоре я смог различить туманные очертания четырех спящих фигур.

Подняв меч над головой, я подкрался к ближайшему ложу из шкур. Некое таинственное чувство опасности, видимо, все же возникло у спящего, и он неожиданно с недовольным ворчанием сел. Судя по всему, это был Сигизмунд Медведь.

Не теряя ни секунды, я бросился к нему. Легендарный меч Делрина описал в воздухе дугу и опустился, разрубив череп, грудную клетку и позвоночник. Сигизмунд Медведь опрокинулся на спину, разрезанный пополам, словно расщепленное молнией дерево.

Я едва успел выдернуть меч из его тела, как кто-то вскочил с соседней груди шкур. Это был Раки, и я понял, почему его называли Быстрым. Видимо, он спал с мечом в руке, поскольку клинок просвистел в полудюйме от моего лица.

Он уверенно наступал, но удача была на моей стороне. Собираясь нанести удар, он поскользнулся на одном из меховых одеял и на мгновение потерял равновесие. Только это мне и было нужно. Меч Делрина устре-

мился вперед и наполовину ушел в грудь Раки. К моему изумлению, он удержал свой меч и снова замахнулся. Однако это было лишь последним инстинктивным движением умирающего.

Ко мне приближались еще две фигуры, и я понял, что нельзя терять ни секунды. Чудовищным усилием я выдернул меч Делрина из груди Раки и повернулся навстречу Обри Хитрому и Элвину Молчаливому.

Когда Раки рухнул наземь, гигант Элвин прыгнул вперед, метя мне в голову. Я почувствовал, как острие его клинка рассекло кожу на моем черепе, и рассмеялся.

Знаменитый меч Делрина словно ожил в моей руке, нанося и отражая удары, и, хотя Элвин сражался весьма искусно, его движения казались неуклюжими.

Пока мы сражались, Обри Хитрый кружил рядом с кинжалом в руке. Один раз я ощутил, как его нож рассек мне левое предплечье, но не придал этому значения.

Элвин яростно замахнулся своим громадным мечом. Это было последнее, что он успел сделать. Ему не хватило лишь каких-то долей секунды. Меч его отца Делрина свистнул в воздухе, и голова Элвина покатилась по земле.

Широко улыбаясь, я повернулся к Обри. Быстро спрятав нож, он отступил назад и схватил не меч, как я ожидал, а лук. В мое правое плечо уже вонзилась стрела, и я понял, что,

прежде чем я успею добраться до брата, за ней последуют другие. Подняв меч Делрина обеими руками, я изо всех сил швырнул его в противника. Удар тяжелого клинка сбил Обри с ног как раз в тот момент, когда еще одна стрела свистнула рядом с моей головой. Прежде чем Обри успел вытащить нож, я прыгнул вперед и обеими руками схватил его за горло. Сжимая шею брата, я видел, как дико сверкают в темноте его выпученные глаза. Хрустнули кости, вывалился язык. Кровь хлынула изо рта Обри, и он обмяк.

Отшвырнув в сторону труп, я подобрал меч Делрина, быстро подошел к пологу шатра и прислушался. Тишина. Я оказался прав, предположив, что стены из конских шкур заглушат шум боя.

Кровь текла по моей голове, руке и плечу, но я не обращал на это внимания.

Выскользнув наружу, я поспешил сквозь тьму к маленькому шатру.

Когда я приблизился к пологу шатра, до моих ушей донесся звук тяжелого, ровного дыхания. Не колеблясь, я шагнул внутрь. Теперь глаза мои привыкли к темноте, и я без труда различил внушительные очертания лежавшей на шкурах в задней части палатки фигуры.

Вытащив нож, я взял его за лезвие, тщательно рассчитал удар и с размаху опустил ручку ножа на висок Гудрун. Она лишь дернулась, но не издала ни звука. Дыхание ее стало хриплым и прерывистым.

Надеясь, что стукнул не слишком сильно, я перебросил ее через плечо, словно тушу оленя, и поспешно вышел из шатра.

Двадцать минут спустя я был уже далеко от лагеря, среди низких деревьев, что покрывали большую часть местности. Несмотря на свой груз, я шагал быстро, остановившись лишь однажды, чтобы запихнуть кусок кроличьей шкуры в рот женщины. Если она придет в себя и попытается кричать, кляп заглушит крики, превратив их лишь в жалкие стоны.

По моим предположениям, до того, как в лагере обнаружат трупы и поднимут тревогу, оставалось еще несколько часов. Однако я не мог быть в этом уверен. Я не знал, поставлены ли часовые на всю ночь или их сменяют. В худшем случае у меня оставалось лишь несколько минут.

Вокруг по-прежнему было тихо. Не слышно ни звука, если не считать редких криков ночной совы или топота лапок какого-то мелкого зверька.

Несмотря на раны и груз, который мне приходилось тащить, я даже не запыхался.

Сбросив Гудрун на обледеневшую землю, я вытер кровь с лица, затем наклонился, вырвал кляп из ее рта и сорвал с нее всю одежду.

Наконец она пошевелилась, застонала и открыла глаза. Я улыбнулся, глядя ей прямо в лицо. Несмотря на измазанное кровью лицо, она меня сразу же узнала и, сердито заворчав, села.

— Ну, старая ведьма,— сказал я, пнув ее ногой,— твой хромо́й лягушонок прискакал обратно, чтобы слегка позабавиться!

Пошатываясь, она встала и бросилась на меня с кулаками. Уклонившись, я выставил ногу, и она рухнула наземь.

— Лягушата никогда ни о чем не забывают,— сказал я,— так же как и Гор Сильный, которого ты бросила на съедение волкам!

Она снова села, яростно глядя на меня.

— Жаль, что они тебя не сожрали! Мне нужно было самой задушить тебя! Дай мне нож, и увидим, кто из нас достанется волкам!

— Я не сражаюсь с женщинами,— ответил я.— Кроме того, в отношении тебя у меня другие планы!

Она ухмыльнулась:

— Ты боишься сразиться со мной?

Я пожал плечами и рассмеялся:

— Спроси своих четверых сыновей, боится ли сражаться Гор Сильный. Они лежат в своем шатре и крепко спят — но уже больше не храпят!

Я увидел, как побелело ее лицо. Она молчала.

— Ну, хватит,— прорычал я.— Вставай, ведьма, и иди.

Она без слов поднялась и пошла босиком по льду. Она шаталась, и я видел, что она уже начинает синеть от холода.

Когда мы дошли до середины широкой, открытой всем ветрам равнины, я протянул руку и одним ударом сбил ее с ног.

Дрожа от холода, она продолжала, не отрываясь, смотреть на меня.

— Тебе скоро будет тепло, Гудрун Златокудрая,— заверил я.— Тепло — в голодных волчьих брюхах стаи!

Она ничего не сказала, и я пошел прочь. Добравшись до опушки леса, я остановился и поднял голову. Из моего горла вырвался протяжный, жуткий вой охотящегося волка. Я трижды повторил свой зов, затем присел и стал ждать.

Вскоре в ночном воздухе раздался ответный вой. По звуку я понял, что стая проголодалась. Волки приближались быстро.

Гудрун удалось подняться на колени. Она стояла неподвижно, словно статуя, высеченная из голубого камня.

Появилась стая — поджарые ночные охотники с вывалившимися языками и горящими желто-зелеными глазами. Их серые шкуры выглядели свалывшимися. Видимо, охота в последнее время была неудачной.

Не обращая на меня внимания, волки направились прямо к Гудрун, которая продолжала неподвижно стоять на коленях.

Мне показалось, что она уже замерзла насмерть, но, когда вожак прыгнул, намереваясь вцепиться ей в горло, она уклонилась, схватила волка за задние лапы и начала размахивать им, словно дубиной.

Несмотря на неукротимую ненависть к ней, меня на мгновение восхитила отвага этой обреченной женщины.

Однако ее поступок отсрочил смерть лишь на несколько минут. Вожак вырвался из замерзающих рук Гудрун, и стоя окружила ее плотным кольцом.

Но она продолжала бороться. Упав под тяжестью изголодавшихся серых хищников, она вонзила зубы в горло одного из волков.

Это было последнее, что она успела сделать. Мгновение спустя Гудрун уже рвали на куски.

Я сидел, глядя, как рычат и дерутся волки над своей добычей. Через несколько минут на льду не осталось ничего, кроме кровавых пятен и нескольких крупных костей.

Собравшись вместе, волки повернулись в мою сторону, присели на задние лапы, протяжно взвыли и умчались в ночь.

На снегу лежали сверкающие волосы Гудрун, смешанные с застывающей кровью и остатками мозга. Могучие челюсти голодных зверей раздробили череп Гудрун на мелкие кусочки.

Я оплатил свой кровавый долг.

Издалека донесся приглушенный, но все нарастающий гул множества голосов.

Я понял, что плоды моих ночных деяний обнаружены.

Глава четвертая ПРОРОЧЕСТВО ЛЕДЯНОЙ БОГИНИ

Я

долго стоял среди елей, прислушиваясь к приближавшимся голосам ваниров, а потом смотрел, как появившиеся из-за деревьев воины собрались вокруг обглоданных костей своей бывшей предводительницы. Другой бы на моем месте уже давно сбежал, но меня охватило какое-то странное спокойствие. Моя собственная

жизнь меня более не заботила. После того как я отомстил, мне казалось, что больше не для чего жить. Возможно, силы покидали мое тело из-за ран, погружая меня в состояние полнейшего безразличия.

Жесты, которыми обменивались воины, стали менее возбужденными, и мне показалось, что в их голосах слышится страх. Я был готов сразиться с ними всеми насмерть, если меня обнаружат. Но вместо того, чтобы идти по моему следу, они собрали останки Гудрун и, завернув их в шкуры, поспешили обратно в лагерь. Я понял, что наполнило страхом их сердца, — они увидели мои следы среди волчьих и поняли своими варварскими, полными предрассудков душами, что в их лагерь проник один из «пустынных оборотней» — чудовище, чье человеческое тело и душа превращаются в волчье, когда зимняя луна освещает снег своими лучами.

Когда они ушли, я повернулся и, придерживаясь волчьих следов, направился в сторону лесистых холмов. Однако слабость нарастала, и вскоре я свернул в сторону и нашел небольшую пещеру под склоном низкого холма. Когда-то она служила убежищем диким зверям, но запах был слабым, и я понял, что ее прежние обитатели давно ушли. Торчавшая в правом плече стрела мешала мне, и я выдернул ее. Стрела не была зазубрена и вышла легко. Какое-то время я смотрел на струившуюся по руке темную кровь, затем, чувствуя все усиливавшееся головокружение, лег прямо на землю и вскоре заснул.

Не знаю, сколько прошло времени, когда я проснулся. У входа в пещеру стоял большой серый волк и глядел на меня желтыми глазами. Я с трудом сел и заворчал. Видимо, его привлекла моя кровь — небольшая лужица натекла на землю из моей раны. Он не нападал — то ли чувствовал мое родство с ним, то ли насытился мясом Гудрун. Наконец волк повернулся и ушел. Рана перестала кровоточить, но сильно болела; меня била дрожь, голова кружилась. Не думаю, что в этот момент я вообще ощущал себя человеком — поскольку человек в подобных обстоятельствах вернулся бы к племени айсиров за помощью, а я вел себя как волк. Ваниры были правы, считая, что имеют дело с пустынным оборотнем.

Я снова заснул. Не знаю, сколько я проспал, но мне снился сон — если это на самом деле был сон.

Мне казалось, будто я проснулся ночью. Воздух был неподвижен, и в ушах раздавался странный звон — вызванный не лихорадкой от потери крови, а словно создаваемый множеством крошечных ледяных кристаллов. В устье пещеры струился туманный свет. Я осторожно поднялся и выбрался наружу.

Мне казалось, что свет исходит от высокой белой фигуры — ростом вдвое выше любого воина, — которая стояла на краю небольшой поляны перед моей пещерой. Это была женщина неопишуемой красоты, с холодно-спокойным лицом, окутанным туманной переливаю-

щейся вуалью, состоявшей отчасти из снежинок, отчасти из ее длинных серебристых волос. Она заговорила, и голос ее был подобен шепоту ветра среди ледяных колонн под сводами пещер.

— Будь проклят человек по имени Гор, — сказала она, и мне показалось, будто ее глаза вспыхнули, словно острия серебряных кинжалов. — Будь проклят убийца собственной матери!

Какое-то мгновение мне казалось, что у нее лицо Гудрун, но затем я понял, что это не так, ибо лицо этого прекрасного и ужасного создания было подобно лицу любой айсирской или ванирской женщины. Одна за другой передо мной представляли женщины, которых я знал, хотя ни одна из них не походила на стоявшее передо мной странное прекрасное существо. И я понял, что это Итиллин, Ледяная Богиня, о которой шепотом рассказывают люди северных племен, сбившись в кучу вокруг костра холодной северной ночью. Итиллин, первая дочь Ледяных Богов, которые породили Морозных Исполинов, положивших начало айсирам и ванирам!

На мгновение меня охватил страх, но затем, зарывчав словно волк, я выхватил меч и нож.

— Хочешь отомстить за Гудрун? — крикнул я. — Так я и твоё мясо брошу зверям!

— Глупец! — Голос Итиллин был подобен завыванию ветра среди голых ледяных скал. — Ты не можешь убить меня, как и я тебя. Ледяные Боги решили иначе. Они повелели пред-

сказать тебе твою судьбу. Но прежде чем я произнесу пророчество, услышь мое проклятие за смерть Гудрун, которая поклонялась мне. Опасности и раздоры станут уделом всей твоей жизни, и у тебя никогда не будет собственных детей, которые помогли бы тебе в старости или продолжили бы твой род!

Я хрипло рассмеялся — ибо что же еще, кроме опасности и раздоров, знали подобные мне волки? А что касается династий, какое дело волку до человеческих забот?

— Раз ты слишком слаба, чтобы убить меня, — крикнул я, — объяви же мне пророчество богов!

— Смертный идиот! — Глаза Итиллин напоминали искры замерзшего пламени, на мгновение вспыхнувшие ослепительным огнем. — Не искушай меня пренебречь их решением. Слушай же: Ледяные Боги избрали тебя себе в помощь в борьбе против богов Юга и их поклонников, поскольку ты единственный, кто пережил испытание холодом. Ты — и волк и человек, ты спасешь цивилизацию от гибели и отдашь ее в руки айсирского вождя и его племени. Они сполна отблагодарят Ледяных Богов.

Так говорят боги. Однако к их пророчеству я добавляю свое проклятие: страдания и бездетность в наказание за убийство отца, матери и братьев. Никогда ты, наполовину зверь — наполовину человек, не найдешь мира ни в одной волчьей стае и ни в одном из человеческих племен.

— Ледяная ведьма,— зарычал я,— я не прошу ни благодарностей, ни проклятий — ни от тебя, ни от тех, кто стоит над тобой!

Я бросился к ней с мечом, но она рассмеялась и начала медленно расплываться в воздухе, а когда я ударил мечом по ее исчезающей фигуре, мое тело охватил холод, и я потерял сознание.

Я проснулся в пещере. Мне казалось, что прошел по меньшей мере день. Плечо страшно болело, но рана уже начала затягиваться и не воспалилась. Я все еще обладал живучестью дикого зверя.

Снаружи слышались человеческие голоса.

Я вскочил, обнажив зубы в беззвучном рыке, и выглянул из пещеры. Из-за деревьев приближались ванирские воины — видимо, они шли по моему следу. Я понял, что днем они не так боятся. оборотня — или, что более вероятно, стражник, который рассказывал обо мне накануне, убедил остальных, что во мне нет ничего сверхъестественного.

Я выскочил из пещеры, и их стрелы засвистели рядом со мной. Однако, несмотря на слабость во мне оставалось от волка еще слишком много, и вскоре я оставил их далеко позади.

Много дней я жил в лесу, питаюсь мелкой дичью, которую ловил голыми руками. По мере того как заживали раны, ко мне возвращалось прежнее человеческое любопытство, и я снова оказался в окрестностях лагеря ваниров. Я намеревался обойти лагерь, разведать обста-

новку, а затем двинуться в путь в поисках племени айсиров.

Помню, однажды ночью, когда на небе светила полная луна, я вышел на ту равнину, где когда-то скормил волкам свою мать Гудрун. В небе мерцало северное сияние, и было светло почти как днем. Снег теперь лежал лишь небольшими островками — бульшая его часть растаяла под лучами весеннего солнца. Холодный ночной ветер завывал в редких кустах и шевелил мою бороду. Меня охватило какое-то странное чувство, я ощутил, как волосы поднимаются у меня на загривке...

Мои чуткие ноздри уловили человеческий запах. Я присел, повернулся и заметил медленно приближавшийся силуэт. Это был человек — вероятно, воин из племени ваниров. Меня он не видел. Я медленно вытащил меч и замер, в то время как он продолжал приближаться. Вскоре воин был уже совсем рядом — так близко, что я мог броситься вперед и прикончить его в мгновение ока, что я и собирался сделать. Однако, стоило мне сжать рукоять меча, человек заговорил:

— Эй, Ледяная Богиня — я здесь! Но где же могучий воин, которого ты мне обещала? Похоже, ты подшутила надо мной. С твоего разрешения, я лучше вернусь в теплую постель.

Он усмехнулся и повернул было назад; однако, узнав в нем молодого воина из племени айсиров, я шагнул вперед и крикнул:

— Хьялмар!

Он резко обернулся, успев наполовину вытащить меч. Я не спеша на его глазах убрал свой меч в ножны. Увидев это, он, слегка поколебавшись, убрал свой, подошел ближе и с недоверием уставился на меня.

— Гор! — наконец воскликнул он. — Тебя тоже послала сюда Ледяная Богиня?

— Я пришел из пустыни, — сказал я, избегая отвечать на этот вопрос. — Что еще за Ледяная Богиня?

— Она явилась ко мне сегодня ночью, во сне! Она сказала, чтобы я пришел сюда и что здесь я встречу того, кто поведет наше племя к победам, каких еще не знало ни одно племя Нордхейма, и что он сделает меня вождем южного народа. Я в ужасе проснулся, но рассмеялся, поняв, что это лишь сон. Однако я не мог заснуть, так что в конце концов оделся и пришел сюда... Гор, что все это значит?

— Это значит, что ты еще не до конца проснулся, — сказал я спокойно, несмотря на непонятный страх, охвативший меня при его словах. — Как ты смог уйти так далеко от лагеря за одну ночь? И разве ты не знаешь, что рядом расположился большой лагерь ваниров?

— Ха! Располагался, ты хочешь сказать. — В глазах Хьялмара вспыхнули искры, и он рассмеялся, откинув назад голову. — Их лагерь теперь наш, а ваниры стали падалью для воронов. Когда мы обнаружили, что ты исчез, я во главе небольшого отряда отправился на поиски. Ты хитрый волк, Гор, но мне часто приходи-

лось выслеживать зверей, и я не терял твоего следа, пока мы не оказались так близко от ваниров, что увидели дым их костров. Ночью я подобрался поближе и услышал разговор двух стражников. Они были напуганы: всех их вождей убил пустынный оборотень, и в лагере никак не могли решить, выслеживать его или же отойти от границы в сторону Ванахейма. Я увел свой отряд, а на следующий день мы вернулись всем племенем. Мы захватили ваниров врасплох. Знатная была битва! Мы убили всех, за исключением женщин и около десятка воинов, кровь которых завтра окрасит алтари Ледяных Богов. — Он снова рассмеялся, затем опять озадаченно посмотрел на меня. — Что все это значит, Гор? Тебе тоже приснилась Ледяная Богиня?

— Идем в лагерь, — сказал я.

Я долго спал в шатре Хьялмара, меня никто не беспокоил. Продолжавшееся много дней веселье по случаю победы над ванирами наконец завершилось, и весь лагерь погрузился в сон.

Многие удивились, увидев меня на следующий день, поскольку считали, что я погиб или присоединился к ванирам. Однако они еще больше удивились, когда Хьялмар рассказал им о том, что ему приснилось.

— Ледяная Богиня вернула нам Гора Сильного, — сказал он, — чтобы он повел нас к победам, которых еще не знало ни одно племя Нордхейма.

Большинство с радостью восприняли эту весть, но вождь Харольф и его приемный сын Хетлунд, командующий воинами племени, еще до конца дня потребовали, чтобы Хьялмар и я предстали перед советом племени, который собрался на площадке в центре лагеря, окруженной шатрами. Воины сидели на земле, Харольф и Хетлунд восседали перед своим шатром в креслах из резного дерева, а главный жрец Тьярвакка расположился в кресле из слоновой кости — трофее, добытом у одного из южных ванирских племен.

— Что это за разговоры о Горе и о Ледяной Богине, Хьялмар? — поднимаясь, взревел Харольф. — Пусть об этом знают все. То, что я слышал, пахнет мятежом.

— Я знаю лишь то, что сказала мне Ледяная Богиня, — ответил Хьялмар, и еще раз поведал о своем сне и о том, как он отправился ночью в ледяную пустыню и встретил меня.

— Итиллин не говорила со мной! — закричал Тьярвакка, потрясая посохом. — Зачем ей разговаривать с этим юным выскочкой? Не верь ему, великий вождь, это заговор, чтобы свергнуть тебя с трона.

— Заговор трусов! — проревел Харольф, вытаскивая громадный топор. — Если ты и в самом деле намерен занять мое место, Хьялмар, давай решим это сейчас, как подобает воинам.

— Я не затеваю никаких заговоров, — сказал Хьялмар, — но и не позволю никому назы-

вать меня трусом. Если желаешь драться — пусть так и будет!

Харольф ухмыльнулся, и я понял, что он уже обрек на смерть Хьялмара, который, хоть и был искусным воином, все же оставался не более чем юношей. Хьялмар происходил из рода, который прежде правил племенем, и я решил, что Харольф видит в нем соперника. Впрочем, к тому не было никаких причин, ведь лишь грубая сила правила племенами айсиров, а Харольф был могучим воином, вышедшим победителем из сотни сражений.

Хоть я и был волком, но внезапно почувствовал, что не могу позволить убить Хьялмара, давшего мне убежище в своем шатре, ибо даже волк будет сражаться за своих друзей.

— Никакого заговора нет, — сказал я. — Ледяная Богиня явилась и ко мне.

— Ха! — зарычал Харольф, переводя взгляд на меня. — Значит, ты хочешь сказать...

— Давайте проверим! — крикнул Тьярвакка. — Приведите сюда одного из ванирских пленников.

Харольф мгновение колебался, затем кивнул. Тут же из соседнего шатра вывели связанного воина — рослого юношу с отважным, яростным взглядом и ярко-рыжими волосами — явно чистокровного ванира, в котором не было ни капли крови светловолосых айсиров. С вызывающим видом он встал перед собравшимися.

— Прикажи убить его, вождь Харольф, — сказал Тьярвакка. — Затем я прочитаю посла-

ние богов по его внутренностям, и мы узнаем, правда история о Ледяной Богине или нет.

Харольф дал знак, и Хетлунд, служивший его оружием, улыбаясь, шагнул вперед с кинжалом в руке. Однако воин-ванир крикнул:

— Айсирские псы! Такова ваша хваленая отвага? Если вы настоящие мужчины, дайте мне меч и позвольте сразиться, хотя бы даже против вас всех.

— Да — пусть сразится! — крикнул Хьялмар, и многие воины, воодушевленные смелостью пленника, поддержали его одобрительными возгласами. Даже Хетлунд, слыша эти крики, вопросительно поглядел на вождя, однако Харольф, нахмурившись, покачал головой.

— Визгливый щенок, — проворчал Хетлунд, — сейчас я тебя успокою! — И вонзил кинжал в грудь ванирского воина. Тьярвакка тут же подбежал к телу. Не обращая внимания на негодующие возгласы многих, он вспорол живот погибшего и начал копаться во внутренностях. Мгновение спустя он выпрямился, с его узловатых рук стекала темная кровь.

— Ложь! — завопил он. — Ледяные Боги сказали, что история, которую мы только что слышали, — ложь. Это заговор трусов. Убейте этих двоих! Нет, принесите их в жертву вместе с ванирами. Такова воля Ледяной Богини!..

Именно эти слова заставили меня выхватить меч, ибо я ненавидел Ледяных Богов, а Ледяную Богиню в особенности. Прежде чем вопль Тьярвакки успел оборваться, кровь уже хлестала из

его перерубленной шеи, а голова катилась по земле.

Поднялся дикий шум. Харольф, рыча, бросился на меня вместе с полудюжиной прикрывавших его стражников. Я едва успел отразить удар, и лезвие его топора пронеслось мимо моего уха. Одним ударом я отсек руку, которой он пытался прикрыться, и мой клинок врезался между шеей и плечом, глубоко погружившись в грудную клетку и перебив позвоночник и грудину. Он захрипел, содрогаясь в конвульсиях, поток крови хлынул на землю. Мой меч крепко застрял в его теле, и мне пришлось отпустить рукоять, чтобы уклониться от копья нападающего стражника. Затем я увидел, как из груди стражника выскочил стальной клинок длиной в ладонь, и он упал, пронзенный мечом воина-айсира.

Я выдернул свой меч из тела, глядя, как воины-айсиры рубят на куски стражников Харольфа — тех, кто еще не бросил оружие. Хьялмар прикончил Хетлунда, его мозги растекались по земле из расколотого черепа. Воины торжествующе закричали.

— Хьялмар! Гор!

Хьялмар встал на кресло Тьярвакки и поднял окровавленный меч, обращаясь к соплеменникам. Мне показалось, что Ледяные Боги и в самом деле жили среди нас, а не только в снах, — происшедшее было подобно чуду. Я услышал, как Хьялмар напоминает воинам о снах, посланных ему Ледяной Богиней, о ее предсказаниях

будущих побед. Воины радостно вопили, то и дело стуча мечами о щиты. Хьялмар уже стал их вождем; что же касается Харольфа, то многие ненавидели его за жестокость и были рады, что его наконец прикончили.

— А что с пленниками-ванирами? — спросил я во время короткого затишья.

— Как бы ты поступил с ними, старый волк? — спросил в ответ Хьялмар.

Я попросил, чтобы их вывели вперед и развязали. Над лагерем воцарилась тишина. Мне нравились эти рыжеволосые воины. Здесь, среди айсиров, они были такими же чужими, как и я среди людей.

— Что вы предпочитаете, ваниры? — спросил я. — Сражаться с нами насмерть оружием, которое мы вам дадим, или присоединиться к нам и разделить с нами победы, которых не знало еще ни одно племя Нордхейма?

Все до одного предпочли присоединиться к нам, и вновь раздалась одобрительные возгласы, хоть и не столь громкие, как прежде, ибо ваниры и айсиры издавна враждовали. Однако они были хорошими воинами и вскоре стали личными телохранителями Хьялмара, которого провозгласили вождем.

Итак, Хьялмар стал вождем большого племени айсиров, а я — его правой рукой. С тех пор наши взоры были обращены на юг, в сторону цивилизованных стран Хайбории, о которых мы мало знали, но которые мечтали завоевать.

Глава пятая НЕМЕДИЙЦЫ

С

нежный верблюд был нагружен сверх меры. Два огромных белых горба почти скрывались под беспорядочно наваленной грудой парчи, бархата и шелка. Пятеро воинов в замысловатых доспехах, совершенно не подходивших для местного климата, шли рядом с животным, таща на спинах тюки. Видимо, это были уце-

тюки. Видимо, это были уцелевшие после какого-то бедствия. Позади первого верблюда шел второй, волоча за собой сани, на которых сидели три маленькие фигурки, закутанные во множество шкур. Мой отряд, отправившийся на поиски пропитания, похоже, мог вернуться с лучшей добычей, чем предполагал.

Нас было восемь, но, поскольку чужаки были одеты в тяжелые кольчуги с разукрашенными металлическими и, на наш взгляд, примитивными пластинами на груди, спине, руках и ногах, мы были уверены в своих силах.

Под прикрытием заснеженного холма я вытащил лук и выстрелил, целясь в самого дальнего воина, но в этот миг первый верблюд повернул голову и получил стрелу прямо в левый глаз. Животное дернулось, ноги его подкосились; он упал на колени, а затем завалился на бок. Я выругался, жалея о потере столь ценного трофея. Из-под ткани послышался звон металла, и на фоне белого снега блеснуло золото, тускло-желтое в пасмурном утреннем свете. В отношении всего, что касалось золота, я был всего лишь волком, для которого оно не имело никакого значения. Я вложил в лук новую стрелу, и черно-красное древко затрепетало в горле чужака, который побежал к упавшему животному. Двое других метнулись к саням, в то время как Одерик, один из наших ваниров, презрев лук, взревел и, по колено проваливаясь в снег, бросился вперед. Размахивая топо-

ром, он вызывал ближайшего воина на поединок. Лишь когда вражеские стрелы усеяли его голову и тело так густо, что почти скрыли из виду, Одерик издал удивленный вопль и, раскинув руки и ноги, рухнул посреди кровавого пятна на истоптанном снегу.

Никто из ваниров или айсиров не стал больше выставлять себя в качестве мишени, и, поскольку чужакам негде было спрятаться, для нас не представляло никакого труда быстро уничтожить их.

Гутрик, ванирский воин, уже собирался броситься к саням и прикончить сидевших в них людей, но я остановил его, приставив меч плашмя к его груди.

Трое в санях не шевелились, лишь плотнее прижались друг к другу. Мы — семеро одетых в шкуры дикарей, сплошные бороды, волосы и бронза — медленно приближались, высоко поднимая ноги над окровавленным снегом.

В санях поднялась невысокая фигура — мальчик, светловолосый и бледнокожий. Черты его лица ничуть не сочетались с богатством одежды, в которой, на мой взгляд, преобладал восточный колорит. Он подбежал к одному из мертвых воинов и попытался вырвать у него из руки меч, но Нальд рассмеялся и схватил мальчишку за шиворот. Тот, отбиваясь руками и ногами, сдвинул рогатый шлем Нальда набок, воин взревел и изо всех сил шлепнул мальчишку по заднице.

Я подошел к саням и откинул шкуры. Под ними жались друг к другу мальчик помладше

и девушка — очень красивая, золотоволосая и голубоглазая, тринадцати-четырнадцати зим.

Меня, как волка, совершенно не интересовало золото, но женщины меня интересовали. Взяв девушку за длинные косы, я поднял ее на ноги. Она была в богатом платье из красного и синего бархата, подбитом горностаем и окаймленном лентой цвета сапфира. В то время как остальные с восхищенными возгласами разглядывали сокровища, я отвел девушку в сторону, чтобы разглядеть получше.

Она говорила на языке, подобном нашему, но я не мог понять ни слова.

— Говори медленнее, — сказал я.

Она тяжело дышала, видимо, испугалась меня. Как мне говорили, моя внешность считалась зверской даже среди моих соплеменников, к тому же у меня осталось множество волчьих привычек — ходить сгорбившись, свирепо озиаться и обнюхивать любые незнакомые предметы.

Девушка открыла рот, затем покачала головой. Она дрожала, а я хрипло рассмеялся, поскольку меня вовсе не стоило бояться. Однако она дрожала все сильнее. В отличие от любой из айсирских или ванирских женщин, она была слабой и безвольной, и уже за одно это я бы мог ее презирать, но во мне вдруг возникло к ней некое чувство, до сих пор я такого не испытывал. Возможно, это было то, что волчица чувствует к своему щенку. Я слегка шлепнул ее, желая показать, что она мне нравится, и улыбнулся.

Она всхлипнула. Я пожал плечами и перекинул ее через плечо. Она не сопротивлялась.

Кадрик и Налъд собирались зарубить мальчиков, но я остановил их. Без всякой видимой причины — мне просто показалось, что для девушки их смерть будет горем. Однако вслух я объяснил свое решение иначе. Из мальчишек можно сделать воинов-айсиров или же продать их куда-нибудь по пути на юг. Налъд пожал плечами и подтолкнул пленников ко мне, словно говоря, что теперь я отвечаю за них. На моей шее неожиданно оказались трое иждивенцев. Я связал мальчишек, и мы направились в лагерь.

Хьялмар был очень доволен, увидев золото и верблюда, и не меньше других озадачен моим решением сохранить жизнь мальчикам. Я привязал их рядом со своим шатром и велел принести им еды, а сам отнес девушку внутрь, где в полумраке валялись необработанные шкуры и покрытое запекшейся кровью оружие. Она снова начала что-то бормотать, кажется умоляя меня о какой-то милости и показывая то в сторону мальчиков, то дальше, в сторону юга.

Я покачал головой и выбрал из миски большой кусок верблюжьего мяса.

— Я не понимаю тебя, женщина.

Она заговорила медленнее, но акцент ее был настолько незнакомым, что я мог разобрать лишь одно-два слова. Устав от бесплодных попыток, я протянул ей миску.

— Хочешь мяса?

Она вцепилась в меня, и похлебка выплеснулась. Я оттолкнул девушку, и она упала на доспехи и шлемы — трофеи моих многочисленных сражений.

Я снова протянул ей миску. Она покачала головой. Я жестом предложил ей раздеться, поскольку намеревался овладеть ею, как только закончу есть. Она снова мотнула головой и отползла к стене шатра. Я улыбнулся, закончил трапезу, подошел к девушке и начал ее раздевать.

Тонкая одежда слетела легко. Ни на что не похожий запах, казалось, заполнил шатер, вновь вызвав у меня странное ощущение. Девушка начала сопротивляться и даже укусила меня, но я был добродушен. Я издал низкий, властный рык, с которым волк-самец обращается к своей волчице. Это возымело действие, и девушка подчинилась, позволив мне быстро и без лишних слов сделать свое дело. Затем я завернул ее в шкуры, чтобы она не замерзла.

Теперь можно было попытаться разобрать ее речь, но, похоже, девушке говорить не хотелось. Меня озадачила перемена в ее настроении, и я улыбнулся:

— Говори. Медленно. Я слушаю.

Она всхлипнула.

— Говори.

Она снова всхлипнула, на этот раз громче.

Продолжая улыбаться, я, сложив руки на груди и скрестив ноги, сел рядом с ней. Она начала плакать. Удивившись, я обнюхал ее лицо.

— Тебе больно?

Все ее тело затряслось, как в лихорадке. И снова странный родительский инстинкт заставил меня обнять ее за маленькие плечи и погладить по волосам.

— Говори, — сказал я.

Она продолжала плакать, время от времени глядя мне в лицо, словно пытаясь что-то там прочесть. Я улыбался, и она снова начинала плакать. Однако в конце концов она успокоилась и рассказала мне всю свою историю.

Ее звали Шанара, а мальчики Ташако и Яшати были ее братьями. Их взяли в плен воины, которых мы убили. Воины были гирканцами, а Шанара и мальчики — детьми знатного немедийца, наследника трона. Судя по всему, Немедия находилась в постоянной осаде. Из дня в день в страну вторгались пикты, а власти едва были способны оказывать хоть какое-то сопротивление. Военачальники, никогда не видевшие сражений, хвалились своей доблестью, но их отваги хватало лишь на очередной заговор с целью устранения соперников. Гарак, отец Шанары, был единственным, кто смог возглавить армию. Пока Гарак воевал, его детей похитили, а жену и сестру убили. Непосредственными исполнителями были гирканцы, но Шанара утверждала, что ими руководил кто-то из знатных немедийцев, кто завидовал героизму ее отца и уважению, которым он пользовался у народа, верившего в него как в единственного, кто способен остановить наступление пиктов. Она намекала, что ей известно имя преступника.

— А что было после того, как вас схватили? — спросил я.

Гирканцы направлялись в сторону восточной границы. Они не говорили своим пленникам, куда идут; впрочем, они все равно не достигли места своего назначения. По дороге они наткнулись на большой отряд странствовавших пиктов. Пикты убили большую часть гирканцев, а уцелевших вместе с пленниками загнали в густой непроходимый лес. Гирканцы долго путешествовали, пока наконец не попытались вновь двинуться на юг, но сбились с пути.

Подробности ее рассказа — как-то описания всевозможных интриг — ставили меня в тупик, но суть его была достаточно ясна, и вскоре я утратил к нему интерес. Я вышел наружу. Дрожащие мальчишки почти не прикоснулись к еде.

— Вы, немедийцы, не страдаете излишним аппетитом. Заходите, — сказал я и показал в сторону входа. Они с трудом встали и, спотыкаясь, вошли внутрь. Увидев свою сестру, старший мальчик попытался броситься на меня, но веревка удержала его.

— Боги! Ты... ты... — Его голос сорвался на крик.

— Все в порядке, Ташако, — сказала Шанара, заговорщически глядя на меня. Я не смог понять значения ее взгляда.

Ташако завопил:

— Тебя, леди Шанару из Джелы, изнасиловал этот зверь! И ты говоришь, что все в поряд-

ке! Даже гирканцы не посмели сделать то, что сделал он. Все твои надежды на замужество...

Она улыбнулась:

— Все мои надежды умерли в то мгновение, когда гирканцы схватили нас и убили мать и тетку. Этот полужверь спас нам жизнь.

— Теперь она моя жена, — сказал я, чтобы успокоить его.

Ташако устался на меня. У него зуб на зуб не попадал от холода. Я понял, что немедийцы не так выносливы, как рожденные среди снежных просторов, и предложил мальчикам мои волчьи шкуры, и они как бы нехотя взяли их.

— Шанара говорит, что вашей стране досаждают пикты, что только ваш отец сражается с ними, — проговорил я.

— Да, — ответил мальчик. — Он и его воины. Наш дядя, Ушилон, ненавидит отца, потому что он наверняка станет королем после смерти регента. Регент стар, но он правил вместо четырех королей — они родились безмозглыми. Последний из них умер, не оставив потомства, за три недели до того, как нас похитили. Именно из-за этого нас и похитили. Они хотели заставить отца отказаться от прав на престол — ведь народ предпочитает отца его брату.

— И пока соперники строили заговоры, на вашу страну напали враги, — сказал я.

Ташако кивнул.

— Ты поможешь нам, вместе со своими воинами, прогнать пиктов? — спросил маленький Яшати.

Я рассмеялся:

— Зачем? Ведь нам пикты не враги.

— Я надеялась,— тихо сказала Шанара,— что ты... мой муж... послан богами нам в помощь.

И снова я испытал это странное чувство.

— Тебе заплатят,— сказал Ташако.— Золотом.

Полог шатра откинулся, и появился Хьялмар.

— Забавляешься с детишками, Гор? — улыбнулся он.— Не думал, что ты можешь быть столь нежным—ты, убивший своих братьев и мать. А может, твоя игра не столь проста, а? Я слышал, здесь что-то говорили о золоте?

— Золото Немедии за войну с пиктами,— сказал я.

Хьялмар пожал плечами и, раскрыв ладонь, показал украшенную драгоценными камнями застежку.

— Я принес твою долю.

Я объяснил, кто эти дети и что они мне рассказали.

— Все равно мы движемся в ту сторону,— сказал я.— Мы не первые айсиры, кто нанимается на службу к южному правителю, забывшему, как нужно сражаться.

— И не первые, кого такая служба заставляла забыть об этом,— сказал Хьялмар.— Нам нужны победы, а не работа.— Однако он не отрывал взгляда от золота.— Потому ты и сохранил им жизнь, а?

Я не стал разубеждать его.

— Отец будет рад нашему возвращению,— чересчур горячо сказал Ташако,— и хорошо заплатит.

— У него есть еще? — Хьялмар показал застежку.

— Это сокровища, которые гирканцы украли из нашего дома,— сказала Шанара, глядя в пол.

— Целые ящики. Целые сундуки,— сказал Ташако.

— Целые комнаты,— добавил Яшати.— Целые дворцы.

— Думаю, ты лжешь,— усмехнулся Хьялмар.

— Он преувеличивает,— сказала Шанара,— но не слишком. Мой отец считается самым богатым человеком в Немедии. Вот почему он может вести такую большую армию на борьбу с пиктами.

— Вашему народу платят за то, что он сражается? — удивился я.

— Иначе они не станут воевать — по крайней мере, большинство,— язвительно заметил Ташако.— Рядом с нами сражаются и воины из других стран, но их мало, и среди них нет таких воинов, как ваши.

— Айсирским воинам нет равных,— сказал Хьялмар как нечто само собой разумеющееся. Он взвесил золото на ладони, затем быстрым движением передал его мне и, уже выходя из шатра, сказал: — Может быть, когда-нибудь мы возьмем вас с собой в Немедию.

Девушка не отрывала глаз от золотой застежки, но она глядела совсем не так, как до этого Хьялмар. В глазах ее таилась грусть.

— Это твое? — спросил я.

— Моей матери. Эту застежку сорвали с ее платья, когда она умирала...

Я положил застежку в руку девушки.

— Мне она не нужна, — сказал я.

— Похоже, варвар, мы перед тобой в долгу, — мрачно проговорил Ташако, многозначительно посмотрев на сестру. — Однако хочу тебе напомнить, что и ты нам кое-что должен.

Похоже, немедийцы считали, что девственность их женщин чего-то стоит.

— Ташако, не надо, — сказал младший брат. — Он запросто может тебя убить.

Я улыбнулся.

— Хватит с меня тех родственников, которых я уже успел убить.

— Родственников? Мы не родственники! — Ташако был явно сбит с толку.

— С сегодняшнего дня вы — мои родственники, и потому находитесь под моей защитой. Или вы не братья моей жены? Мы создадим свое племя внутри более крупного. И кто знает, может быть, со временем, когда Шанара родит мне сыновей, и вы тоже станете отцами, мы станем полностью самостоятельным племенем.

Никогда прежде я не замечал за собой такой сентиментальности.

Ташако что-то пробурчал, но я не расслышал его слов.

Глава шестая ИЗМЕНА В БЕЛЬВЕРУСЕ

-И

так, о принц-регент, вот мой совет: немедленно изгоните эту банду варваров из нашего королевства!

Эти громкие слова вырвали меня из глубокой задумчивости. В разукрашенном логове, именуемом «дворцом», я сильнее обычного ощущал себя волком... к тому же волком, угодившим в ловушку. Живя среди

айсиров, я и представить себе не мог более прочного жилища, чем шатер из конских шкур. Теперь же я стоял посреди приемной залы принца-регента Немедии, в городе под названием Бельверус. Город... Никогда прежде мне не приходилось видеть в одном месте столько людей, кишевших, словно черви на падали! Если бы рядом со мной не было моей супруги Шанары, моего брата по оружию Хьялмара и других айсирских вождей, я бы уже давно умчался обратно в северные леса.

Говорил Ушилон, дядя Шанары. Он был очень толстым, а одежды на нем было столько, что хватило бы по крайней мере на два айсирских походных шатра. Ушилон обращался к дряхлому старику, сидевшему в каменном кресле, выложенном искрящимися зелеными, красными и белыми кристаллами, которые Шанара называла «драгоценными камнями». Позади кресла висело огромное знамя, на котором был изображен красный дракон — символ Немедии. По бокам кресла стояли сиденья поменьше — для тех, кого Шанара называла «послами». Кофа, Зингары, Аргоса, Офира, Шема, Аквилонии... Мне эти имена ни о чем не говорили.

Я смеялся, когда Шанара говорила, что вождяк большой немедийской человеческой стаи так стар, что едва может передвигаться без посторонней помощи. Однако сейчас он сидел передо мной — трясущийся, с бессмысленным взглядом, истекающий слюной, словно

щенок. Куда разумнее обычаи волков — у них правят самые сильные, а не старцы!

— Страна уже полна беженцами из других хайборийских земель, захваченных пиктами, — продолжал Ушилон. — Даже ненавистные аквилонцы сбежались сюда от угрозы, которой они не в состоянии противостоять. Стоит ли открывать ворота для новых предателей? Да эти айсиры — сами варвары, они ничем не лучше грязных пиктов!

— Вы забываете, что величайший правитель в нашей истории, не раз побеждавший вас, немедийцев, был варваром из Киммерии, — возразил посол Аквилонии. — И пикты вели бы себя куда тише, если бы не проповеди одного из немедийских жрецов...

— Ради Митры, придержи язык, Кай Валконн! Лишь благодаря доброй воле принца-регента вам, неотесанным аквилонцам, позволено жить в Немедии. — Круглое лицо Ушилона покраснело.

— А также благодаря тому, что они добавили к нашей армии три тысячи мечей, — раздавался новый голос. В противоположность Ушилону, говоривший был высок, широкоплеч и строен, с серебристо-седыми волосами и бородой, в помятых боевых доспехах. Это был Гарак, отец Шанары, Ташако и Яшати, а теперь и мой отец... или «тесть». Еще один бессмысленный, загадочный обычай этой «цивилизации».

— Нам нужны любые воины, Ушилон, — продолжал Гарак. — А эти айсиры доказали свою

отвагу, пробившись через северные рубежи пиктов в старом Пограничном Королевстве, они вернули мне моих детей. Старый король Горм отрубил бы тебе голову, услышав подобное! Взгляни на нас! Мы последнее из хайборийских королевств, не опустошенное размаляванными дикарями и не стонущее под пятой гирканцев. И ты хочешь отказаться от новых воинов? Да, они требуют платы за свои услуги. Но разве ты не предпочтешь потратить немедийское золото тому, чтобы проливать немедийскую кровь?

— Именно немедийская кровь меня и заботит, дорогой брат, — ответил Ушилон. — Ты хочешь, чтобы наш доблестный и благородный народ был уничтожен, смешавшись с теми, кто слишком слаб, чтобы сопротивляться пиктам? Должны ли мы, последний оплот хайборийских цивилизаций, превратиться в жалкую помесь с этими низкопородными? Но, может быть, ты, дорогой брат, и в самом деле предпочитаешь смешанные браки... Конечно, ведь твоя дочь заявляет, будто она замужем за этим неотесанным волосатым полузверем!

Моя рука метнулась к рукояти меча Делрина, и я прорычал, подобно волку:

— Хочешь попробовать отобрать мою жену, толстяк? Давай — один на один, клык против клыка...

Поднялся страшный шум, и я почувствовал, как на мои плечи легли две ладони. Одна была маленькой и мягкой — рука Шанары. Другая

принадлежала Гараку, который, придя в себя после первого потрясения, что его дочь стала моей, уже успел проникнуться ко мне симпатией.

— Спокойно, Гор, — сказал он. — Позволь мне самому разобраться.

— Времена меняются, Ушилон, — сказал он брату. — Если мы не сможем быстро приспособиться, нас раздавят волки с запада и стервятники с востока. Пусть лучше Шанара будет женой воина, подобного Гору, чем любого из этих глупых отпрысков мертвых династий, что толпятся при нашем дворе. Если тебя беспокоит его происхождение, я могу сделать его герцогом. И не говори мне о возможной измене. Джела, может быть, и недалеко от восточной границы, но гирканцы, похитившие моих детей и убившие их мать и тетку, наверняка не обошлись без чьей-то помощи...

— Ты смеешь обвинять меня в этом гнусном преступлении? — взревел Ушилон. — Да я...

— Закрой свой болтливый рот и послушай меня, — проговорил принц-регент. Взгляд старика прояснился, его голос звучал четко и твердо. На мгновение мне показалось, что я вижу его таким, каким он был много лет назад. — Вы, ребята, готовы вцепиться друг другу в глотку с тех пор, как достаточно подросли, чтобы драться из-за игрушек. Всю мою жизнь я видел одни только ссоры из-за этого несчастного трона, и меня уже тошнит. Наследование по отцовской линии, право на трон

по матери, четверо придурков-наследников... Похоже, это королевство стало таким же дряхлым, как я. Пусть айсиры остаются, говорю я. Может быть, они смогут хоть что-нибудь у нас изменить.

Внезапно старик вернулся в прежнее состояние, корона съехала набок на его лысой голове. Однако его слово было законом; Гарак крепко сжал мою руку и сказал:

— Дело сделано. Мы найдем жилье для твоих людей, а вам с Шанарой мы можем предоставить апартаменты, специально выделенные во дворце для правителей Джелы. Сам я всегда ночую в казарме вместе со своими воинами.

— А я со своими,— сказал Хьялмар.— Они обрадуются, узнав, что за сражение с пиктами получают еще золота. Твоя награда за то, что мы вернули твоих детей, достаточно щедра, и сумма, которую ты предложил за службу под твоим знаменем, наверняка удовлетворит их.

Хьялмар взглянул на меня.

— А ты, Брат-Волк... почему ты отказываешься от своей доли? Ты заслужил ее! Немало пиктских черепов треснуло под твоим мечом в том сражении!

— Что мне делать с желтым металлом? — прорычал я.— У меня есть подруга, которая родит мне щенков, и добыча, которую я могу убивать. Что еще нужно волку?

Хьялмар рассмеялся, однако Гарак не смог скрыть растерянности. По настоянию Шанары, ему рассказали о моем происхождении и

первых деяниях. Гарак озадаченно смотрел нам вслед, когда Шанара взяла меня за руку и повела туда, где мне предстояло провести первую в моей жизни ночь под каменной крышей.

Когда мы покидали приемную залу, мой проныцательный волчий взгляд заметил злость на лице Ушилона. Кроме того, я видел, что Ташако, старший брат Шанары, о чем-то горячо заговорил со своим дядей.

* * *

Мы с Шанарой лежали на устланном шелками ложе столь широком, что оно не поместилось бы даже в большом айсирском шатре. Близость Шанары заставила меня забыть об инстинктивном страхе замкнутого пространства, преследовавшем меня с тех пор, как я попал в Бельверус. То, что казалось айсирам роскошным жильем, мне больше напоминало клетку.

За время долгого пути с юга Нордхейма до Немедии Шанара перестала меня бояться, хотя Яшати все еще смотрел на меня с благоговейным трепетом, а Ташако так просто ненавидел. Постепенно Шанара начала понимать, как именно волк любит свою подругу. К большому неудовольствию Ташако, гордая принцесса отвечала мне взаимностью.

Столь несвойственные мне чувства вызывали у айсиров насмешки в мой адрес. Несколько разбитых голов вскоре убедили их в том,

что я все тот же Гор и меня по-прежнему стоит бояться.

Еще до того, как мы пришли в Бельверус, Шанара пыталась причесать и отмыть меня до приемлемого для Гарака уровня. Ради нее я уступил, хотя ее бесконечные «можно» и «нельзя» казались мне лишними всякого смысла. Однако она не пыталась изменить моих привычек зверя-самца. Я был ее «большим серым волком», и она завывала и взвизгивала от удовольствия, которое могла познать лишь человеческая женщина и которое недоступно ни одной волчице. Я улыбался, представляя, что думают стоящие за нашей дверью стражники, слыша ее крики и мой сладострастный рык...

Шанара прильнула ко мне, и я погладил ее податливое тело. В свете факелов ее обнаженная кожа казалась такой же белой, как у Ледяной Богини — Итиллин. При мысли об этом проклятом имени я сел на кровати, словно потревоженный зверь.

— Что тебя беспокоит, мой волк? — сонно проговорила Шанара.

— Ничего, — проворчал я. Я никогда не рассказывал ей ни об Итиллин, ни о чудовищном проклятии и пророчестве. Что могла знать изнеженная девочка о севере и его жестоких холодных богах?

— Мне будет не хватать тебя, когда ты отправишься вместе с отцом сражаться с пиктами, — сказала она.

— Не волнуйся. Этих дьяволов, может быть, и нелегко убить, но мы прогоним их обратно в... Аквитанию?

Шанара рассмеялась, и ее голос прозвучал словно перезвон крошечных колокольчиков.

— Нет, дурачок, в Аквилонию, — поправила она. — Давай спать. Тебе нужно быть готовым к завтрашнему военному совету вместе с Хьялмаром и моим отцом.

— Волк всегда готов, — сказал я и погрузился в беспокойный сон.

Снова в моих ушах поплыла звенящая мелодия миллионов крошечных ледяных кристалликов. Снова перед моими глазами в ореоле северного сияния возникла Итиллин, богиня снегов и льда. Снова она смотрела на меня глазами, подобными осколкам льда, сверкавшим на холодном, нечеловечески прекрасном лице.

— Итак, Братоубийца, ты полагаешь, что за стенами Бельверуса ты в безопасности? Думаешь, тебе удастся избежать проклятия Итиллин? Подумай еще, смертный! Подумай, ибо боги Севера уготовили тебе иную судьбу...

Мне хотелось вцепиться ей в горло, но, в отличие от предыдущего сновидения, я не мог ни пошевелиться, ни говорить. Внезапно Ледяная Богиня исчезла, и лишь эхо ее смеха продолжало раздаваться вокруг. Вдруг мне стало холодно, словно неведомая сила швырнула меня в ледяной водопад. Открыв глаза,

я обнаружил, что я уже не в спальне правителей Джелы и что со мной рядом больше нет Шанары.

Я находился в каком-то большом коридоре, вдоль стен которого тянулись ряды колонн, напоминавшие каменный лес. Я стоял в неуклюжей позе, опираясь спиной о камень, а мои руки были связаны позади колонны. Сморгнув капли воды с глаз, я увидел, что очутился в этом странном месте не один.

Шанара все-таки была рядом. Ее золотистые волосы взлохмачены, в голубых глазах — страх и замешательство. Кто-то позаботился о том, чтобы прикрыть ее наготу, надев на нее длинную атласную накидку, но не подумал и мне оказать такую услугу. Впрочем, меня это не беспокоило; густые волосы на моем теле достаточно защищали меня.

Был здесь и Ушилон. Он смотрел на меня, как дикая кошка, приготовившаяся сожрать пойманного воробья. Он то перебирал лежавшие на его ладони драгоценные четки, то поправлял пояс, стягивавший его объемистое брюхо.

Был здесь и Ташако. Взгляд его горел такой ненавистью, на какую способны лишь дети его возраста. Он явно был доволен происходящим.

Кроме того, в коридоре находилось около дюжины немедийских дворцовых стражников, вооруженных копьями и мечами. Поодаль от остальных стоял темнокожий незна-

комец неизвестной мне расы, в черной, как ночь, мантии с длинными рукавами и с гладко выбритой, словно коричневое яйцо, головой.

Мне хватило одного взгляда, чтобы увидеть всех сразу. Однако внимание мое было приковано к рыжебородому гиганту, стоявшему передо мной. В огромных руках он сжимал ведро с водой, с которого все еще падали капли. Это был Тостиг Зверобой, один из ваниров, присоединившихся к племени Хьялмара после того, как мы захватили главное стойбище его народа.

— Почему ты предал меня, Тостиг? — спокойно спросил я.

— Предал? — повторил ванир с безумным блеском в глазах. — Предал? Проклятый зверь, ты не знаешь, как долго я ждал этого момента! Хотя вряд ли ты мог догадаться, что я сын Хенгиста Железной Руки, брата твоего отца Делрина! О Имир! И я еще вынужден называться твоим родственником! Ах ты проклятый пес, убийца собственной матери!

Обезумевший великан с размаху ударил меня ладонью по лицу. Моя голова ударилась о колонну, и я плюнул кровью ему в глаза. Зарывав, как бешеный зверь, Тостиг занес ногу, метя мне в пах. Однако моя нога оказалась проворнее. Хватаясь за свое покалеченное мужское достоинство, Тостиг со стоном осел на пол. Я рассмеялся,

когда двое немедийцев оттащили его по-дальше от моих ног.

— Хорошо, что этот неотесанный ванир не добился своего,— сказал темнокожий незнакомец.

— Не согласен с тобой, Ментуменен, но пусть будет так, как ты пожелаешь,— сказал Ушилон.— Ты последний из великих чародеев Стигии, именно поэтому мое золото помогает оплачивать войну твоей страны против Черных Королевств. Однако я не могу понять, почему тебе так важно, чтобы этот зверь остался жив.

— Такова воля Сета,— загадочно произнес Ментуменен.— Благодаря могуществу, данному мне Сетом, моим людям не составило труда подсыпать сонного зелья в вино, которым наслаждались эти двое, прежде чем... уединиться. Не менее легко моим людям будет подстроить смерть Гарака, и обвинить в ней айсиров. А что касается смерти принца-регента... это проще простого, поскольку душа старика едва держится в его древнем теле.

— Великолепно, мой друг чародей, великолепно,— елеинным голосом произнес Ушилон. Затем, повернувшись ко мне, он широко улыбнулся: — Итак, полузверь, мы встретились «клык против клыка», и теперь всем ясно, что мои клыки намного превосходят твои. Вскоре я стану королем Немедии, а Ташако моим наследником, поскольку у меня нет собствен-

ных сыновей. Затем я смогу обеспечить моей стране надлежащее будущее.

— И какое же это будущее? — спросил я, незаметно проверяя прочность своих пут. Веревки были крепкими, но я тоже.

— Какой любопытный дикарь,— задумчиво произнес Ушилон.— Что ж, пусть твои невежественные уши услышат о моих планах. Я начну с того, что избавлю Немедию от чужеземного сброда, которым кишат улицы наших городов. «Маленький Коф», «Маленький Аргос», «Маленькая Аквилония» — всем обитателям этих крысиных гнезд будет предложено либо покинуть Немедию, либо подохнуть на улицах. Твои айсиры станут первыми. Тостиг об этом позаботится. Он не питает любви к твоим товарищам.

Затем я заключу мир со старым Гормом, что будет достаточно просто — отдам ему на разграбление несколько захудалых западных провинций. Наконец мы заключим союз с гирканцами. Объединенными усилиями мы сможем изгнать пиктов в их леса, за Черную Реку. Я уже пообещал выдать Шанару за Ага Джунгаза из Турана, скрепив тем самым нашу тайную сделку. Именно туда везли ее и мальчиков, прежде чем ты вместе со своими друзьями-дикарями прервал их путешествие.

— Ты не можешь выдать меня за какого-то восточного эмира! — воскликнула Шанара.— Я жена Гора.

— В самом деле, моя дорогая? Разве жрец Митры произнес Слова Единения над вашими помазанными благовониями головами?

Шанара наклонила голову и прикусила губу. Она знала, что официальная церемония немедийского бракосочетания не совершалась над нами. Мы были мужем и женой лишь потому, что так сказал я. И Ташако знал об этом не хуже нас.

Внезапно Шанара топнула ногой и вызывающе взглянула на дядю.

— Ты страшный человек, дядя Ушилон. Ты готов продаться с потрохами гирканцам, которые, как всем известно, относятся к своим женщинам хуже, чем к рабам. Ты готов предать собственный народ, вступая в сговор с нашими заклятыми врагами. Ты оскверняешь священный лик Митры, пользуясь услугами поклонников Сета! Дядя ты мне или нет, но ты не человек. Ты — свинья!

Покраснев от ярости, Ушилон размахнулся и ударил Шанару по лицу жирной рукой в золотых кольцах. Вскрикнув, девушка упала.

— Ах ты маленькая блудница! Ты не смеешь со мной так разговаривать. Да я...

Но он не договорил. Ибо, когда рука Ушилона ударила мою супругу, я превратился в волка, и мерзавец понял, почему айсиры называли меня Гором Сильным. Самый отважный человек времен Джеймса Эллисона побледнел бы перед моим звериным бешенством.

Зарывав так, что немедийцы замерли от страха, я изо всех сил рванул связывавшие меня веревки. Они лопнули, и я оказался на свободе! Отшвырнув стражников, словно набитых перьями кукол, я прыгнул к Ушилону, отчаянно пытавшемуся нашарить на поясе кинжал. С моей, волчьей, точки зрения, его движения казались до невозможности медленными. Я обрушился на него еще до того, как он успел вытащить нож, и повалил Ушилона на пол подобно моим серым братьям, заваливающим беременную олениху. Он завопил, как женщина, когда мои зубы вонзились в его мясистое горло. Его пальцы вцепились в мое лицо, но я обращал на его слабые попытки внимания не больше, чем волчица-мать на укусы щенков.

Услышав крик Ментуменена, что я нужен ему живым, стражники вышли из оцепенения и начали бить меня тупыми концами копий по голове. В глазах у меня помутилось, но я успел ощутить вкус горячей соленой крови Ушилона во рту. Последним, что я слышал, прежде чем тьма сомкнулась надо мной, был голос Шанары, выкрикивавшей мое имя, пронзительные вопли ее дяди и злое-щий смех Ментуменена из Стигии...

Когда я пришел в себя, в моей голове пульсировала боль — казалось, кузнечный молот бьет о наковальню черепа. И хотя глаза мои

были открыты, кроме сплошной черноты, я ничего не видел. На мгновение меня охватила присущая человеку паника. Неужели враги ослепили меня? Но верх взяло хладнокровие волка, и мои глаза постепенно привыкли к полумраку моей тюрьмы.

Ибо я действительно очнулся в тюрьме, и в тюрьме весьма тесной. Я лежал скорчившись на полу и не мог пошевелить конечностями без того, чтобы не натолкнуться на податливые стены. Стены? Нос подсказал мне, что они сделаны из кожи. Слабый свет сочился сквозь три ряда стежков, тянувшихся сверху донизу. Снаружи явно еще была ночь. Короче говоря, меня, Гора Сильного, упаковали в некое подобие гигантского кожаного мешка. Унизительность моего положения приводила меня в ярость, и я уже был готов вырваться из своей тюрьмы одним могучим движением.

Но тут я понял еще кое-что: подо мной не было ни земли, ни пола и кожаный мешок ни на что не опирался... К тому же он двигался! Сквозь швы я ощущал порывы холодного свистящего ветра. И я слышал хлопанье могучих крыльев над головой...

Мною овладел настоящий страх, присущий и человеку и зверю... страх перед неизвестностью. Я не знал ни одной птицы, которая могла бы поднять в небо человека моих размеров с той легкостью, с какой сова уносит лесную мышь. Я не мог представить себе

обладателя столь чудовищных крыльев. Забыв о неудобствах своего положения, я начал терпеливо ждать, подобно затаившемуся зверю. Рано или поздно это удивительное путешествие должно было закончиться. Я лишь надеялся, что оно закончится не тем, что меня сбросят с невероятной высоты на землю. Я гадал, удалось ли мне загрызть Ушило-на до того, как копыта стражников лишили меня чувств.

Хотя я не знал, как долго продолжался полет, свет, сочившийся сквозь швы, становился все ярче и ярче. Я мог судить о том, что полет близится к завершению, слыша, как стихает хлопанье крыльев и как ослабевает ледяной ветер. Внезапно я со всего размаху грохнулся о землю.

Несмотря на сведенные судорогой мышцы, я начал вырываться из своей кожаной тюрьмы. Мне хотелось увидеть обладателя гигантских крыльев. Я изо всех сил напряг руки и ноги, разорвал швы, и мешок распался на три части.

Моргая от неожиданно яркого солнечного света, я посмотрел вверх... и глухо зарычал. Менее чем в дюжине футов над моей головой парило гигантское черное создание — не летучая мышь и не птица, хотя чем-то оно походило на них обоих. Размах кожистых крыльев составлял футов сорок, а поднимаемый их медленными движениями ветер бил мне в лицо и вздымал вокруг водовороты снежной пыли.

Мне вдруг показалось, что перед тем, как все убыстряющиеся взмахи крыльев унесли тварь в небо и она превратилась в едва заметную черную точку, в глазах ее мелькнула насмешка. И глаза эти вдруг напомнили мне глаза стигийского чародея. Или это была лишь игра снежинок на фоне пасмурного неба? Не знаю.

Не тратя время на лишние раздумья, я потянулся, разминая затекшие суставы, и попытался определить, где же сбросила меня летучая тварь. Окинув взглядом незнакомую местность, я понял, что нахожусь к северу от Немедии. Снег здесь был глубже, лес гуще, а ветер, обдувавший мою обнаженную кожу, таким же холодным, как и ветры, знакомые мне с детства.

Итак, путь мой лежал на юг. Однако я не знал, как велико расстояние, отделяющее меня от Немедии. Я мог оказаться и совсем далеко в Асгарде, и в Ванахейме, или даже в Киммерии... или совсем близко, в краях, именуемых Пограничные Королевства. Однако я поклялся, что, даже если я очутился в обители самих Морозных Исполинов, я вернусь в Бельверус и выясню, что стало с Шанарой. Если с ней хоть что-то случилось... Я весь затрясся, одержимый жаждой крови.

Из-за деревьев неподалеку донеслись какие-то звуки — вой волка и рычание снежной рыси. Волк, видимо, был один, поскольку ни одна рысь не посмела бы связываться со стаей.

Я колебался... затем вприпрыжку помчался туда, где происходила схватка. Я быстро и ловко, как в юности, скользил среди деревьев и вскоре оказался возле поляны, где шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Обычно поединок рыси с одиноким волком идет на равных. Однако этот волк был со свалявшейся шерстью, старый и слабый. Мой нос подсказал мне, что это самка. И в запахе ее было что-то еще, почти неуловимое. Когти рыси разорвали живот волчицы, и ее внутренности вывалились на снег.

Я зарычал и ворвался на поляну. Рысь подняла голову и отскочила в сторону. Она явно растерялась; вероятно, прежде на нее никогда не нападал голый невооруженный человек. Недовольно ворча, снежно-белая кошка присела на длинные задние лапы и прыгнула, целясь мне в горло. Однако, изогнувшись, я уклонился от смертоносных когтей и щелкающих клыков. Когда рысь была еще в воздухе, я схватил ее за загривок, бросил на землю и упал на нее сверху. Яростно рыча, рысь пыталась освободиться, но мои ноги удерживали ее, а руки медленно сжимали ее горло.

Кошка была мускулистой и сильной. Ей почти удалось перевернуться, едва не распоров мне живот, но тут я нечеловеческим усилием наконец сломал ей шею. Тяжело дыша, я поднялся и, отшвырнув труп рыси в сторону, подошел к умирающей волчице.

Несмотря на то что она была облезлой и дряхлой и ее внутренности расплзлись по покрасневшему снегу, я узнал ее. Ее тускнеющие глаза тоже узнали меня. Короткий стон вырвался из ее горла, язык слабо лизнул мою руку, и она умерла.

Это была та самая волчица, которая кормила меня, пока я не стал достаточно сильным, чтобы бегать вместе со стаей. Моей настоящей матерью была именно эта волчица, а вовсе не ванирская сука, обрекшая меня на смерть через несколько мгновений после моего рождения. Однако я не стал оплакивать безымянную волчицу так, как это делают люди, — с рыданиями и причитаниями, странными ритуальными словами, предназначенными для уже ничего не слышащих ушей. Слезы застыли у меня в глазах, когда я насыпал груду камней над ее телом.

Закончив, я присел и издал долгий, протяжный вой. Было ли случившееся ответом Сета Ледяным Богам, желавшим, чтобы я сражался на их стороне? Не был ли я лишь игрушкой, которую швыряли друг другу боги Севера и Юга, движимые неведомыми мне капризами?

Нет! Я был Гором Сильным! Я поклялся именем тех, кому мог бы поклоняться волк: так же, как я убил Раки Быстрого, Сигизмунда Медведя, Обри Хитрого, Элвина Молчаливого и Гудрун Златокудрую, я убью Ушилона, Тостига Зверобоя, мальчишку Ташако, а в первую очередь — Ментуменена Стигийца. Но лишь

черная магия могла объяснить, почему летучая тварь сбросила меня именно здесь и именно сейчас...

Кроме того, смерть ждала каждого пикта и гирканца, до которых я мог бы добраться. Это они были причиной непомерного тщеславия Ушилона. От «цивилизованности», приобретенной мной усилиями Шанары, не осталось и следа. Я снова был жаждавшим мести волком, кровожадным орудием смерти, направленным прямо в сердце моих ненавистных врагов!

* * *

В течение недели я блуждал по незнакомой местности, ведя жизнь дикого зверя. Я охотился на зайцев и выкапывал сусликов из полузамерзших нор. Однажды мне удалось полакомиться барсуком — я разбил ему череп камнем. Камни и дубинка из тяжелого сука были единственным, что отличало меня от настоящего зверя; во всем остальном я был двуногим хищником. Я знал, что движусь на юг, но не знал, как далеко мне удалось пройти.

Однажды, услышав рычание волков и крики людей, я поспешил на шум. Хотя меня мало волновало общество людей или волков, люди, по крайней мере, могли сказать мне, где я нахожусь, или попытаться убить меня... Если я намеревался привести свою месть в исполнение, я должен был рискнуть.

Подняв дубинку, я помчался по снегу, надеясь добраться до людей, прежде чем их всех

загрызут волки. На этот раз я был вынужден сражаться против своих серых братьев, а не вместе с ними...

Наконец я выскочил на заснеженную равнину, по сторонам которой росли сосны и ели, и вновь стал свидетелем отчаянной схватки. На этот раз она не имела ничего общего с прежними, ибо люди и волки не сражались друг с другом. Они охотились вместе, и добычей их был громадный лось.

Во времена Гора подобные монстры уже были редкостью. Во времена Джеймса Эллисона они уже давно вымерли. Зверь, рывший копытом снег и выдыхавший из ноздрей густые клубы пара, был не менее настоящим, чем стекавшая по его лохматой шкуре кровь. Из его боков торчали три копыта, но лось, казалось, даже не замечал этого.

Лось — вдвое больше оленя-самца — казался гигантом. Его массивные ветвистые рога были покрыты алыми пятнами, поскольку лось успел взять с преследователей свою кровавую дань, прежде чем его окончательно загнали. Утоптаный снег вокруг был красным от свежей крови.

Волки принадлежали к той же поджарой серой породе, что и те, с которыми я бегал в детстве. Их было пять, и они изматывали лося, кусая его за нос и за бока. Людей было семейо — стройные мускулистые гиганты, голые, как и я, но их жилистые тела были покрыты густым белым мехом. Белые бороды окутыва-

ли их зверские лица, а белые волосы были спутаны и грязны. Оружием им служили копыта с каменными наконечниками и каменные ножи. У некоторых были слегка кривые ноги, подобно моей левой ноге. Люди и волки охотились не как хозяева и домашние животные, а как равные члены одной стаи. Вот так когда-то я охотился вместе со своими серыми братьями.

Охотники осторожно окружали добычу, вонзая в нее копыта. Они ждали, когда лось ослабеет, чтобы поразить жизненно важные органы. Трое мертвых людей и два мертвых волка научили их, что атаковать слишком рано — чересчур опасно.

Однако осторожность не в правилах Гора Сильного. Я знал, как быстро завершить охоту. Подкравшись к охотникам и их добыче столь тихо, что ни человек, ни зверь не догадались о моем присутствии, я метнулся прямо к голове лося и изо всех сил обрушил дубинку между его глаз. Затем я отскочил, избегая рогов, удар которых мог проломить мою грудную клетку, словно тонкую доску.

От удара моя дубинка раскололась, но череп лося выдержал. Однако зверь был на мгновение оглушен. Все, что оставалось сделать охотникам, — вонзить копыта глубоко в его могучее сердце. Едва лось упал в предсмертных судорогах, волки тут же набросились на него.

Я смотрел на приближавшихся ко мне охотников; серые глаза на их бледных полуобезьяньих лицах разглядывали меня с подозрением.

Как Джеймс Эллисон я знаю, что их племя было последним из древних обезьянолюдей Арктики, потомками которых стали айсиры и ваниры, чьи наследственные черты проявлялись каждые семь поколений среди народов Нордхейма. Человек дал этим полузверям много имен. Некоторые из них до сих пор остались в истории: Ме-те, Йе-те, Ми-Го... Невежественные антропологи времен Джеймса Эллисона назовут их ископаемые фрагменты «Гейдельбергским человеком».

Они были братья волкам и заключили первый пакт между человечеством и волчьим родом много веков назад. В тот давний день в ледяной пустыне возле лагеря Делрина Отважного волки Ванахейма почувствовали во мне эту древнюю связь. Как удалось этому маленькому племени обезьянолюдей выжить так далеко от их родины — мне неизвестно ни как Джеймсу Эллисону, ни как Гору Сильному. Впрочем, как Гора Сильного, меня это и не интересовало. Я лишь рассмеялся лающим волчьим смехом и вспомнил слова Итилин: «Никогда ты, наполовину человек и наполовину зверь, не найдешь мира ни в волчьей стае, ни среди человеческого рода...»

Ледяная ведьма солгала! Ибо я нашел свой народ.

Глава седьмая НЕМЕДИЙСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ

И

тилин оказалась права. Они не были моим народом, они даже не принадлежали к роду человеческого, хотя мне потребовался месяц, чтобы понять это.

Целый месяц среди искрящегося снега и пурпурно-голубых теней, под лучами холодного солнца, пылавшего ярким желтым белым пламенем, я пытался

найти свое счастье. Целый месяц я пытался убедить себя — все с меньшим успехом, — что здесь я дома и счастлив. Бегая голышом среди больших занесенных снегом каменных глыб, похожих на гигантские погребальные курганы, среди отчаянно цепляющихся за жизнь лиственниц и удивительно зеленых елей, я пытался убедить себя, что это и есть настоящая жизнь и что здесь мое место — среди людей, которые на самом деле не люди, а звери, которые на самом деле все-таки не звери.

Однако Итиллин не солгала. Да, она была ведьмой, ледяной ведьмой, говорившей от имени самих Ледяных Богов, но она не лгала. Она знала. Она знала меня намного лучше, чем казалось мне самому.

Я тоже знал это, но пытался обмануть себя, ибо таков обычай людей, где бы они ни жили или умирали. Да, я человек, воспитанный зверями, но не зверь. Мы, люди, обманываем сами себя — по отдельности и целыми племенами, городами или нациями; мы обманываем наших женщин, наших животных и даже наших детей. Ибо существует ли хоть один отец, который не пытался бы убедить своих детей в собственной непогрешимости, даже в божественности?

Божественности. Да, мы даже богов пытаемся обмануть во всем, что касается нас: нашего поведения, нашего склада ума, чувства собственного достоинства. Удастся ли это нам?

Кто знает... А что такое бог? Кто ответит на этот вопрос?

Одни утверждают, что боги вездесущи и мы их совершенно не заботим, что для них мы — жуки, копошащиеся в навозе у их могучих ног. Другие говорят, что боги создали нас по своему образу и подобию ради собственного удовольствия. Если так, то они должны чрезвычайно гордиться своей жестокостью и остроумием!

В Бельверусе я слышал, как один человек кричал на улице всем, кто хотел его услышать, что богов по своему образу и подобию создали сами люди, а не наоборот. Одни слушали с интересом. Другие улыбались и шли дальше по своим делам. А третьи приходили в ярость и старались, чтобы оратор замолчал да еще и потерял при этом несколько зубов, — это были жрецы, служители богов. Никто не знает, ревнивы ли боги, но жрецам в этом не откажешь, и потому они готовы заткнуть рот любому, кто прославляет иные божества, даже не останавливаясь перед тем, чтобы убить вольнодумца, его жену и его детей.

Никакой бог не создавал меня по своему образу и подобию. А если и был такой, я о нем никогда не слышал. Сам я тоже не создавал божеств по своему образу и подобию, ибо никто, подобно мне, не становился из младенца зверем, из зверя человеко-зверем, а затем из человека — опять зверем...

Нет. В мире не было ни богов, ни людей, подобных мне.

Теперь вам понятно, что творилось в моих мыслях все это время? Я пытался разрешить неразрешимое весь месяц, который провел среди Ми-Го — ибо так они называли сами себя, хотя люди высокомерно называли их Йети, а поскольку люди пережили их, осталось только это имя.

Хотя кто знает, в самом ли деле мысли мои были тогда заняты подобными проблемами? Возможно, я столь разумно рассуждаю лишь теперь, будучи Джеймсом Эллисоном, в двадцатом веке, в своей нынешней жизни. Ибо я жил множество раз до того и буду жить впредь, снова и снова, и, возможно, однажды я вспомню Джеймса Эллисона, так же как сейчас вспоминаю несчастное одинокое существо, не человека и не зверя, который был мною, Гором, и его страдания в тот год, когда он стал взрослым.

Да, я действительно стал взрослым. До этого я был лишь зверем, радующимся жизни. Я жил сегодняшним днем ради того, чтобы набить брюхо, я был одержим одной мыслью, мыслью о мести. И мщение мое свершилось. Я сам сделал себя сиротой среди людей, у которого не было ни единой родной души. А теперь рысь сделала меня сиротой среди зверей.

Ища близости и удовлетворения, я, словно дикарь, изнасиловал Шанару. А потом решил

и объявил: она будет моей! Моей! Я уже говорил о высокомерии человечества? Моя принадлежность к нему обеспечена. У меня есть супруга!

А почему бы мне не завести и жену-волчицу — мне, которого люди звали Сильным, волки Безволосым (хотя это не совсем так), а Ми-Го — короткошерстным, Гл'да? (Они имели в виду волосы на моем теле, которые люди уподобляли звериной шерсти...) Почему бы тебе, Гор, не найти себе симпатичную, чувственную волчицу — стройную, гладкую и ищущую близости? Помнишь ту, что пришла к тебе в тот день, когда снег сверкал на солнце, а небо было голубым, словно глаза Шанары? Молоденькую волчицу, отдавшуюся тому, кто, хоть и не походил на волка и пах не как волк, был тем не менее сильным зверем, от которого можно было ожидать защиты и хорошего потомства?

А почему бы и не... «женщину» Ми-Го?

Я попробовал с Клу'до из племени Ми-Го, но не мог думать ни о ком, кроме Шанары. Я закрыл глаза, но даже сквозь закрытые веки я видел Шанару. Кроме животных чувств, я не испытывал к этой самке ничего.

Было ли это доказательством того, что я не животное? Что я не принадлежу ни к волкам, которые были так добры ко мне и так понятливы, ни к Ми-Го, мех которых напоминал мягкий шелк?

Впрочем, Ми-Го знали, что такое чувства, и, как правило, каждый их самец оставался верен одной самке, той, что была у него первой. Вовсе не воспоминания о Шанаре отделяли меня от них, когда я лежал рядом с Клу'до.

Как волк, я принадлежал к племени Ми-Го, которые были лишь более высокоразвитыми волками, они стояли выше четвероногих зверей, волчье благородство которых я всегда уважал. Но как Ми-Го, я...

Да. Я принадлежал к племени людей. И Итиллин не лгала.

Я не мог убедить обезьянолюдей присоединиться ко мне, последовать за мной, сражаться подобно людям с пиктами, захватившими Зингару, Аргос, Офир, большую часть Аквилонии и вгрызавшимися в западные рубежи Немедии.

— Пикты наши враги — нет, — сказал мне Гл'ерф, вождь Ми-Го. — Не-ме-ди... Как ты сказал?

— Немедийцы.

— Немедийцы наши враги — нет. Они идти это место, они Ми-Го враги. Ми-Го идти то место, мы их враги. Много убивать. Мы оставаться это место, они оставаться то место, враги — нет. Убивать — нет. Это место — наша земля. То место — их земля. Сражаться за пищу — нет.

— Пикты пытаются украсть землю у немедийцев, — сказал я.

Гл'ерф посмотрел на меня, наморщил нос, почесал под левым коленом правой ногой, взъерошил густую седую гриву, посмотрел на меня и пожал плечами.

— Другие прийти место волка-брата, земля волка-брата, Ми-Го помогать. Другие прийти наша земля, волки-братья помогать. Пикты наш брат — нет. Пикты наш род — нет. Немедийцы наш брат или род — нет.

— Тогда я должен идти к ним, ибо я из их рода.

— Ты Ми-Го, Гл'да. Твои волосы только немного темнее и не так густы. Ты пришел к Ми-Го, мы братья тебе. Клу'до любит тебя — может родить тебе дитя.

В последнем я сомневался. Покачивая головой, я вздохнул и покинул гостеприимных Ми-Го.

Спустившись с гор, я прошел пограничные владения короля Джарпура без каких-либо происшествий, если не считать одной небольшой стычки, в результате которой я достиг границ Немедии в одежде и с оружием: в синей шерстяной накидке, со щитом с зубцами по краям и слишком маленькой для моей крупной ладони ручкой, а также с неплохой секирой в форме серпа. Меня остановил патруль из шести немедийских солдат, и в их сопровождении я двинулся дальше. Секиру мне позволили оставить. Похоже, им казалось, что они меня «задержали» и что я под арестом. Я не стал никого разубеждать.

и воспринимал немедийских воинов, как свой эскорт.

На расстоянии лиги от возвышавшихся впереди стен Бельверуса мы встретили группу вооруженных и богато одетых немедийских всадников. Среди них был Хьялмар. Я не стал ничего говорить о его наряде, но сам услышал множество удивленных возгласов по поводу того, что я жив. Я узнал, что старый монарх скончался — не с помощью ли стигийца? — и что в Бельверусе теперь правит Ушилон.

Вскоре Хьялмар и я оказались в просторном черно-красном павильоне, принадлежавшем Гараку, который был командующим немедийским войском, а заодно и моим тестем. Гарак встретил меня словами: «Гор... ты жив?», и я понял, что отец Шанары почти ничего не знал о событиях той предательской ночи месяц назад. Когда он сообщил, что ему рассказали, будто мы с его старшим сыном не на шутку поссорились из-за Шанары и что Ташако убил меня, я ошеломленно уставился на него.

— И ты в это поверил?

— Нет. — Пожал плечами Гарак. — Но ты исчез, и я отправил свою дочь ради ее же безопасности на северо-восток. Мне не за что любить тебя, ванир. Я решил, что вы с Ташако и в самом деле повздорили и что тебя убили. Меня не волновало, как именно это произошло. Новый советник короля мне

не по душе, хотя обычно я не обращаю внимания на этих странных зловещих стигийцев. Однако он умный человек, к тому же маг и, когда он подтвердил слова короля и Ташако, я не стал спорить. — Гарак пристально посмотрел мне в глаза. — Для меня это не имело большого значения, Гор из Ванахейма.

— Зато для меня имело! — перебил его Хьялмар.

Гарак кивнул:

— Естественно. А также для тех айсирских и ванирских воинов, которых вы привели с собой. Я посвятил Хьялмара в некоторые детали командования армией, а также в тайны власти и могущества королевства, так что теперь он лучше понимает, что такое политика.

— Политика! Твоя дочь — моя жена, с ее и с моего добровольного согласия! И где она теперь?

— Отправлена в... безопасное место. Немедия все еще в осаде.

— Отправлена в Туран! — едва сдерживаясь, закричал я. — Старик, оскверняющий своим присутствием трон твоей страны, продал ее Ага Джунгазу в Туран! Если ей повезет, она может стать одной из его жен. Хорошо, если не наложницей!

Гарак вспыхнул, вскочил на ноги и схватился за эфес шпаги.

— Ложь! Этого не может... быть... — Голос его затих, и выражение лица стало ско-

рее задумчивым, чем разгневанным.— Однажды Ушилон... упоминал — нет, не просто упоминал о чем-то подобном. Он пытался уговорить меня согласиться. Он надеялся, что подобный союз с Тураном может помочь нам выступить против Заморы и отвлечь гирканских волков от наших восточных границ... Митра и Иштар! Неужели это возможно?

— Хьялмар, это я удивлен, что ты до сих пор жив! Ибо твое пребывание в полном здравии не входит в планы четверых, которые правят Немедией: Ушилона, Ментуменена Стигийца, мага и прислужника старого Сета, и Тостига Зверобоя, ванира...

— Тостиг? — прервал меня Хьялмар, хватаясь за меч.

— Он мой двоюродный брат,— сказал я, не желая вдаваться в причины ненависти Тостига ко мне в присутствии моего тестя.— И... я не решаюсь назвать четвертого, пока ты стоишь со шпагой в руке.

Гарак уставился на меня, заморгал и сел. Он показал мне пустые руки и сложил их на пряжке пояса. Похоже, он действительно успокоился и был готов слушать.

Тогда я снова заговорил, и Гарак в самом деле с трудом мне поверил; он был крайне разгневан тем, что его сын Ташако ввязался в заговор с темным магом, который был его дядей, и — ваниром! В то мгновение никто из нас не знал, что одному из немедийцев,

любившему лишь Гарака, стало известно о гибели его жены и сына у заморанской границы. Он обвинил в этом Ушилона. Гнев его превосходил даже гнев Гарака, немедийцем овладела жажда крови. (Его звали Сарган, и для меня он навсегда останется героем.) Еще до того, как на следующий день взошло солнце, Ушилон погиб от руки Саргана. Сам Сарган тоже погиб, получив не менее дюжины ран от клинков запоздавшей дворцовой стражи Ушилона.

Естественно, сын Гарака, друг и избранник Ушилона, объявил себя королем Немедии. Вполне естественно, что дворцовая стража, в число которой входил теперь и Тостиг Зверобой, с радостью его поддержала. Принесли корону, перешедшую к Ушилону от пережившего четверых придурков-наследников регента, и Ташако, видимо, пришлось что-то под нее подложить, поскольку, несмотря на все его самомнение, он все еще оставался мальчишкой.

Эти новости долетели до нашего лагеря еще до того, как солнце оказалось в зените, поскольку все только и делали, что шпионили друг за другом, несмотря на то что самодовольно именовали себя цивилизованными людьми.

Едва Ташако появился у высокого дворцового окна, царственно улыбаясь собравшимся внизу на площади, как распахнулись ворота и в город вошла армия Немедии. Люди в

панике бежали, спасаясь от копыт коней, заполонивших площадь перед королевским дворцом. Блестя доспехами в лучах солнца, всадники в полном вооружении остановились перед окном, за которым стоял юноша в древней короне, явно великоватой для его головы.

Полуденное солнце отразилось в тысяче с лишним поднятых клинков, и Ташако — несомненно, благодарный тому, кто убил Ушилона, — начал было улыбаться, ибо солдаты подняли мечи, присягая на верность властителю.

— Да здравствует король! — закричали мы хором, и голоса наши разнеслись по всему Бельверусу. — Да здравствует король Гарак!

Мы были армией, Гарак — ее полководцем. Дворцовая стража в страхе бежала перед ворвавшимися во дворец легионами суровых немедийских воинов и их союзников — ваниров и айсиров. Вскоре стражники были вынуждены признать, что они ошибались; Гарак из Джелы действительно был королем Немедии, и, без всякого сомнения, с благословения Митры и Иштар.

Да, он был королем. Король Гарак вошел во дворец в сопровождении Хьялмара и меня — Гора, ванира из морозного Ванахейма, вождя айсиров.

Рослый человек в красно-бронзовом облачении стражника не последовал за своими отступающими товарищами. Глухо вор-

ча, он уставился на меня своими голубыми глазами.

— Лучше беги, Тостиг Зверобой, — сказал я, стоя по правую руку от Гарака. — Иначе присоединишься к братцу твоего отца и своим двоюродным братьям!

— Приведите сюда Ментуменена из Стигии! — крикнул Гарак.

И это был голос короля, всегда стремившегося стать королем.

Воины пошли выполнять приказ Гарака, а Тостиг, не спуская с меня глаз, вытащил клинок из хорошо смазанных ножен. Судя по всему, эти украшенные драгоценными камнями ножны были подарком его друзей-заговорщиков. Я тоже вытащил меч и, улыбнувшись, шагнул навстречу человеку, предавшему мой народ. Гарак снабдил меня хорошим клинком, а в руке Тостига лежал меч, который еще совсем недавно носил я, меч моего отца — Делрина Отважного.

— Этот человек убил моего дядю, собственного отца! — крикнул Тостиг, жестом отстраняя своих приспешников, кинувшихся было ему на помощь.

— Этот человек предал Гарака, единственную надежду Немедии в борьбе с пиктами и гирканцами! — крикнул я в ответ. — А также леди Шанару, его дочь и мою жену, и меня самого — а значит, нас всех!

Зарывав, Хьялмар рванулся вперед, но я остановил его, всем своим видом давая по-

нять, что до Тостига он сможет добраться лишь через мой труп.

— Я поклялся,— тихо сказал я. Хьялмар кивнул и застыл на месте.

И мы встретились, два варвара с северных снежных равнин. Мы с Тостигом стояли друг против друга среди богато одетых немедийцев на мозаичном полу дворца, принадлежащего королю осажденной Немедии.

— Никто еще не остался в живых, сражаясь против этого меча! — прорычал Тостиг и замахнулся.

— Верно,— проворчал я, отражая могучий удар своим новым щитом и отступая на шаг в сторону.— Верно, Тостиг-предатель, но только когда он в моих руках!

Тостиг был опытным и очень мощным бойцом. Некогда он убил медведя одним лишь мечом. Однако я не уступал ему в силе, к тому же на моих мускулах не было ни капли жира, и вырос я среди волков, передавших мне свою ловкость и быстроту движений. Подобный поединок мог продолжаться час или несколько часов, пока противники окончательно не измотают друг друга.

Однако нам обоим не терпелось поскорее закончить это дело. Тостиг наверняка уже понял, что проиграл, но все же стремился довести свою месть до конца, а затем, прежде чем его изрубят на куски, забрать с собой как можно больше народу. Мое нетерпение было

вызвано иными причинами. Тостиг был единственным из четверых, кого я поклялся убить своими руками.

Мы кружили по залу, бросая друг на друга яростные взгляды.

Я нанес быстрый удар справа, направив его вверх и тем самым заставив Тостига резко поднять щит, а затем ударом слева попытался ранить его в бедро. Однако щит Тостига быстро опустился, отражая мой клинок, и меч в его могучей руке едва не снес мне голову. Я парировал удар щитом, повернув его так, чтобы клинок скользнул в сторону. Противник пошатнулся. Тостиг не успел заслониться щитом, и я со всего размаха погрузил свой меч в его бок.

В этот момент я вполне мог погибнуть, так как мой клинок застрял в проволоке, плоти и костях, а Тостиг продолжал сражаться, несмотря на то что ему полагалось рухнуть у моих ног. Он сделал быстрый выпад, хотя лицо его исказилось от боли. Хотя я всегда гордился своей ловкостью, на этот раз я уклонился недостаточно быстро, и его меч обрушился на мой шлем. Я ощутил страшный удар, в ушах моих эхом отдался металлический лязг. Пошатнувшись, я вырвал клинок из его бока и изо всех сил ударил противника ногой в пах. Тостиг согнулся пополам, и мой почувствовавший вкус крови меч разрубил его череп. Тостиг рухнул на пол, звеня доспехами, а я подпрыгнул от

боли, так как он свалился мне прямо на ногу. Кровь, хлеставшая из него фонтаном, мгновенно пропитала мои штаны.

Лишь теперь я почувствовал, что по моему лицу из-под шлема течет кровь. Я понял, что чудовищный меч разрубил металл и лишь ловкость спасла мне жизнь.

Тостиг лежал, раскинув ноги, словно птица со свернутой шеей, и никто из застывших в изумлении стражников не пытался ничего предпринять. Я стащил шлем и, дотронувшись до головы, обнаружил лишь глубокую царапину. Густые волосы приняли на себя основной удар, и череп не пострадал.

Пока меня пытались заставить стоять спокойно, чтобы перевязать голову, с верхних этажей дворца послышались крики, а затем еще более громкий шум раздался снаружи. Прижимая к голове повязку — оторванный кусок мантии еще не коронованного короля, — я следом за всеми бросился на площадь перед дворцом. В моей руке снова лежал меч моего отца.

Все взгляды были устремлены в одну сторону. Из окна дворца вылетела огромная черная птица. Нет, даже не птица, скорее король всех летучих мышей, с ушами и когтистыми перепончатыми крыльями. А на спине у него сидел человек — мальчишка!

Так Ташако и Ментуменен бежали из Немедии, которая более не нуждалась в их присутствии.

Гарак стал королем и оказался прирожденным правителем! Много лет прошло с тех пор, как в Немедии правил настоящий король, подлинный владыка. За несколько минут король Гарак принял больше важных решений, чем Ушилон или регент за годы.

— Мы пришли сюда, чтобы сражаться с пиктами. Хьялмар, наш доблестный союзник, готов ли ты повести своих горных львов на запад? Дикари-пикты заволокли Аквилонию, словно голодная саранча, и нашим войскам приходится тяжело.

Хьялмар кивнул и широко улыбнулся, поскольку считал пиктов худшими врагами из всех, что угрожали Немедии. Король Гарак призвал к себе писаря, приказав ему написать соответствующее распоряжение, и пообещал, что, если оно не будет изложено простыми и ясными словами, у короля будет новый писарь, а у дворцового повара новый помощник, который раньше был писарем. Так решил Гарак, король Немедии, и слово его было законом.

— Пока мы, немедийцы, пререкаемся и ссоримся недостойным наших предков образом, — громко сказал король, — гирканцы подстрекают заморанцев и переселенцев из Зингарана напасть на наши восточные рубежи, а бритунцы и их гирканские хозяева пытаются прорвать оборону в горах страны Джарпура на севере! Гергон, ты возьмешь отряды Драконов и Грифонов и немедленно

выступишь к нашим восточным границам. Необходимо укрепить Ирилию и Ушилою, откуда родом моя семья. И еще, Гергон, если удастся освободить Ирилию, сразу же отправляйся дальше на восток, но не входи более чем на десять лиг в глубь Заморы. Ты понял?

— Понял, мой король,— сказал человек с ястребиным носом и шрамом над левой бровью.— Твое слово — закон, мой король.

Взгляд Гарака уже переметнулся в другую сторону.

— Гаррид, прикажи подготовить воззвание. Пикты намерены завладеть нашей любимой Немедией, кровожадные гирканцы готовы ворваться на ее поля, а теперь, похоже, с нами намерен сразиться сам маг из Стигии. Он овладел разумом моего сына, Ташако, и в том причина нашей скорби и праведного гнева. Ибо, хотя мы изгнали Ментуменена, он забрал с собой нашего любимого сына!

Вряд ли он так думал, но я хорошо помнил слова Гарака о политике и об искусстве командования. Что ж, пусть несчастный юный Ташако — пленник Ментуменена, а не сбежавший враг!

Король перевел свой орлиный взор на меня.

— Гор, правая рука нашего союзника Хьялмара, а теперь и моя!

— Да, мой король,— сказал я, вызываяще глядя на Гарака. Я уже успел сказать

ему один на один, что меня не интересует его «политика» и что я соглашусь выполнить лишь единственное задание. Теперь я ждал его слов.

— В отсутствие жреца, я перед всеми немедийцами объявляю о твоём браке с моей дочерью, и да благословит вас Богиня!

Я улыбнулся и чуть заметно кивнул. Он не был глупцом и не пытался заставить меня поступать вопреки моим желаниям. И он признал меня своим зятем.

— Писарь, пиши послание Ага Джунгазу, эмиру Турана. Гарак, король немедийцев, стал жертвой дворцового заговора. Его дочь, супруга Гора из Ванахейма, полководца Немедии, была преступным образом отправлена в Туран злым магом из Стигии. Этот маг, Ментуменен, пытается овладеть нашими странами. Извести эмира, что теперь он имеет дело не с королем Ушилоном, несмотря на печати или документы, которые у него могут быть. Гарак, король немедийцев, благодарит Ага Джунгаза за возвращение Гору его жены и моей дочери и за предоставление ему эскорта для путешествия через Туран, бывшую Замору и Коринфию.

На обратном пути тебе лучше всего избегать Бритунии, Гор. К концу года она станет нашей, и у нас там не будет друзей! — Гарак посмотрел мне в глаза.— Верни ее домой, Гор.

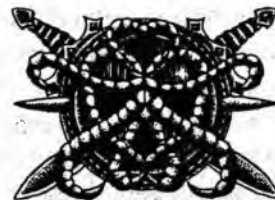
— Я верну ее, мой король.

На следующее утро я покинул Бельверус и отправился на восток с небольшим караваном, состоявшим из двенадцати айсиров и пятнадцати немедийцев. Все мы были одеты, как купцы и скотопромышленники, но под одеждой каждого скрывалась кольчуга и крепкая сталь.

Глава восьмая КЛЯТВА АГА ДЖУНГАЗА

П

утешествие из Немедии в Туран заняло несколько дней, и путь наш отнюдь не был прямым как стрела. Я был рад, что меня сопровождали лучшие из воинов и путешественников на прекрасных выносливых конях. Мой помощник-айсир, седой, поджарый Скорла, умел ориентироваться по солнцу и звездам, ибо в свое

время он странствовал до самой Киммерии и был капитаном корабля, плававшего по западному океану. Как я подозревал, пиратского судна.

Офир, находившийся в руках пиктов, и Коринфия, находившаяся в руках гирканцев, постоянно воевали друг с другом. Впрочем, в последнее время у границ Немедии воцарилось некоторое затишье, и я надеялся, что войска отступили к западу и к востоку, возможно, в страхе друг перед другом. Я повел свой отряд из Бельверуса на юг, вдоль границы между Офиром и Коринфией, в сторону далеких пустынь Кофа. Однако ранним ясным утром ехавший слева от меня воин внезапно остановился и, показывая на темное облако мчавшихся галопом нам навстречу всадников, закричал:

— Гирканцы! Их сотни!

— Всем стоять! — крикнул я, поворачиваясь. — Всем спешиться, каждому четвертому держать лошадей.

Мой приказ молниеносно исполнили. Я выстроил пеших воинов в ряд.

— Каждому натянуть тетиву и вложить в лук стрелу, — приказал я, двигаясь верхом вдоль небольшой шеренги. — Приготовиться к стрельбе, но стрелять только по моей команде.

Сидя верхом, я тоже достал из колчана стрелу.

Гирканцы приближались, оглашая окрестности воинственными воплями. Мои воины стояли неподвижно, словно стена. Некоторые из

них воткнули стрелы в землю под ногами, чтобы мгновенно схватить их и перезарядить лук. Несмотря на то что мы попали в довольно опасное положение, я порадовался за своих отважных и преданных бойцов.

Видя, что нас мало, гирканцы пренебрегли своей обычной тактикой. Они легко могли сокрушить нас, взяв в клещи слева и справа, однако они летели прямо на нас, размахивая щитами и мечами.

— Цельтесь в лошадей, — сказал я своим застывшим в напряженном ожидании воинам. — Стреляйте!

Гирканцев отделяло от нас не более пятидесяти шагов, и я выпустил свою стрелу.

Небольшая тучка стрел пробежала по ясному небу. В следующее мгновение первые ряды людей и коней превратились в отчаянно бьющуюся мешанину. Те, что были сзади, налетали на эту живую преграду и тоже падали на землю. Мы слышали их яростные крики, видели их попытки перестроиться. Мои воины торжествуяще вопили, выпуская новые стрелы, которые находили свою цель, усиливая всеобщее замешательство. Гирканцы, явно не рассчитывавшие на подобный отпор, начали отступать. Мои воины снова радостно закричали. Если бы я приказал, они бы тут же вскочили на коней и бросились в контратаку.

Ко мне подъехал Скорла и показал назад.

— Смотри, — тяжело дыша, сказал он. — Там, на западе, пикты...

Он не ошибся. По равнине позади в напуганную сторону мчалась орда косматых людей на косматых лошадаках. Они размахивали копьями и были готовы уничтожить все на своем пути.

Я мгновенно принял решение.

— Все по коням! — крикнул я. — Уходим на юг. Мы должны опередить оба войска, и как можно быстрее!

Второй раз повторять не пришлось. Вскочив в седла, воины помчались следом за мной. В то же мгновение появились разъяренные пикты, а с противоположной стороны предприняли новую атаку восстановившие свои ряды гирканцы.

Каким-то образом нам удалось проскользнуть между вражескими войсками, послав лишь несколько стрел в тех, кто все еще пытался нас преследовать. Я склонился к развевающейся гриве своего коня, понуждая его бежать быстрее. Позади нас два ненавидевших друг друга племени сошлись в смертельной схватке.

Я оглянулся как раз в тот момент, когда две орды на всем скаку столкнулись друг с другом. Поднялся немыслимый шум и грохот, лязгали мечи, трещали щиты и копья, люди, визжа, падали под копыта своих и чужих лошадей.

— Быстрее, быстрее, — лихорадочно торопил я своих, слыша, как мои слова передают дальше. Мы мчались на юг, через равнину, которая, как я с радостью отметил, была бес-

плодной и не могла дать пристанище большим армиям, нуждавшимся в траве для лошадей и воде для множества иссушенных глоток.

Нам повезло — мы сумели оторваться от пиктов и гирканцев, которые, видимо, в пылу сражения забыли о нашем маленьком отряде. Высоко над головой парили черными точками стервятники, в надежде поживиться свежей падалью.

— Ты вождь из вождей, Гор, — слышался голос подъехавшего ко мне Скорлы.

— Другого выхода не было, — тяжело дыша, ответил я. — Придержите коней. Теперь, когда мы далеко, нам ни к чему загонять их до смерти.

В моем голосе не было радости, и Скорла понимающе улыбнулся.

— Согласен с тобой, Гор, — сказал он. — Наши стрелы сослужили нам службу, но я всегда считал, что даже женщина может пользоваться луком с безопасного расстояния. Если я правильно понял твою мысль, мужчине более пристало сражаться с врагом с мечом в руке.

— Другого выхода не было, — повторил я. — Будем надеяться, что больше не привлечем ничьего внимания.

Нам действительно повезло. Я не ошибся — эта местность и впрямь оказалась бесплодной. Травы здесь едва хватало нашим лошадям, да и лужи с водой попадались весьма редко. Вряд ли что-то могло нам тут угрожать, во всяком

случае в последующие дни напасть на нас никто не пытался. Мы видели лишь небольшие группы кочевников, которые наблюдали за нами с холмов на юго-западных границах Кофа, но приблизиться они не осмелились.

Много часов мы ехали по иссушенной пустыне, прежде чем достигли границ Турана. Несомненно, дозор, вышедший нам навстречу, заранее знал о нашем приближении. Встречающих было больше сотни, и половина из них верхом. Поверх кольчуг они носили свободные мантии, а остроконечные стальные шлемы обмотали яркими лентами. Я выстроил своих воинов и во главе отряда въехал на территорию Турана.

— Стой, где стоишь! — рявкнул самый рослый туранец. Под его распахнутой мантией я заметил звенья кольчуги. Черная с проседью борода была расчесана на две половины — вправо и влево. В одной руке он держал круглый щит, в другой — большой кривой меч. Его спутники развернулись в цепь, держа наготове луки и копья.

— Стоять! — снова крикнул он, и я дал знак отряду остановиться. — Что вы делаете на земле Турана без позволения? — вызывающе спросил он.

— Уважай королевского посланника, — бросил я в ответ, нащупывая под плащом меч. — У меня письмо для Ага Джунгаза, эмира Турана, от Гарак — самого могущественного правителя Немедии.

— Кто такой Гарак и где эта Немедия? — усмехнулся другой всадник-туранец. — Мы не знаем ни того, ни другого. Наш долг — поворачивать назад всяких чужеземцев, кроме тех, кому разрешено здесь появиться по распоряжению из дворца в Аграпуре.

— Про таких, как вы, ничего не говорилось, — сказал бородач. — Возвращайтесь туда, откуда пришли... Нет, подождите. Судя по вашему виду, вы торговцы. Может быть, у вас найдется что-нибудь ценное.

С каждым словом он нравился мне все меньше и меньше.

— Чем бы мы ни владели, вам нелегко будет хоть что-то у нас отобрать! — крикнул я и, дав своим людям знак стоять на месте, подъехал к наглецу ближе. — Ты слишком разговорчив для воина, — заявил я.

— Ты молодой или старый? — насмешливо спросил он. — Твои волосы белые, словно снег.

— А твои темные, словно грязь, — парировал я.

— Что скажете, друзья? — обратился туранец к своим спутникам. — Не позабавиться ли мне с этим белоголовым придурком?

Взмахнув мечом, ярко сверкнувшим на солнце, он поднял щит и поскакал ко мне. Я прищипорил коня и двинулся ему навстречу.

Все кончилось, едва успев начаться. Он хотел столкнуться со мной в лоб, но я, дернув за узду, проскочил мимо. Его клинок

сверкнул в воздухе, опускаясь на меня. Я принял удар на край щита и вонзил острие своего меча в грудь соперника, сквозь кольчугу и ребра, так что оно вышло сзади на ширину ладони. Когда противник падал с седла, я быстрым движением выдернул оружие и поехал вдоль шеренги туранских дзорных.

— Кто следующий? — спросил я. — Если хотите, выберите среди своих людей столько же, сколько у меня. Ваш приятель, который теперь валяется на земле, предлагал позабавиться. Что ж, давайте позабавимся. Когда мы прикончим вас всех, я доставлю свое послание в Аграпур.

Туранцы зашевелились, словно и вправду собирались напасть.

— Подожди! — слышался сзади низкий голос, и вперед на гнедом коне выехал человек, которого я прежде не заметил. Судя по оправленным в серебро доспехам, это был офицер.

— Давай поговорим, чужестранец, — сказал он. — Если у тебя есть письмо к нашему правителю, дай его мне.

— Я отдам его только в руки Ага Джунгаза, — ответил я.

— Тебе грозят большие неприятности, — предупредил он, подъехав ближе, но вне пределов досягаемости меча. — Ты только что зарубил лучшего воина пограничной стражи нашего эмира...

— Ты видел, что он ударил первым, — напомнил я. — Я ударил последним, и второго удара не потребовалось.

— Что ж, пусть разбирается суд в Аграпуре. Тебя и твоих людей доставят туда под конвоем. Эй, Даула, подбери им сопровождающих. А теперь, называющий себя посланником, убери меч.

— С удовольствием, если ты и твои люди поступят так же.

Он подчинился. Я вытер клинок краем плаща и убрал его в ножны.

Путь до Аграпура занял оставшуюся часть дня. Мы ехали по хорошей дороге среди зеленых полей и садов. Даула, командир эскорта, стройный юноша с тонкими усиками, весело болтал со мной, будто я и не убивал его товарища. Он хвастался процветанием и культурой Турана, показывал красивые сельские дома и рассказывал, что прежние успехи гирканцев на севере Турана были сведены на нет мощным контрнаступлением, вынудившим гирканцев отступить в более холодные края — Замору и Бритунию.

— Гиркания не слишком жаждет нас победить, — улыбнулся он.

— Возможно, они берегут силы, чтобы напасть на Немедию, — предположил я. — Впрочем, там их встретят не лучше, чем у вас.

— Туран и Немедия могли бы стать союзниками, — заметил Даула.

— Именно об этом и говорится в моем письме.

На закате мы въехали в Аграпур, окруженный темно-желтыми стенами с широкими двойными воротами из обитого медью дерева. За воротами тянулись мощенные белым камнем улицы, вдоль которых выстроились ряды лавок с тканями, домашней утварью, овощами и фруктами. Люди выглядели сытыми и хорошо одетыми, в длинных халатах и тюрбанах из разноцветной ткани. Их одеяния были столь свободными, что оценить силу мужчины и изящество женщины не удавалось.

В центре Аграпура, среди более высоких зданий, располагалось странное приземистое сооружение из грубого темного камня. В его стенах не было окон, лишь в одной из них зиял широкий дверной проем. Из царившей за дверью черноты тянулись струйки дыма.

— Храм Сета, Повелителя Тьмы,— пояснил Даула.— В Туране все поклоняются Сету. Ему мы приносим в жертву рабов и пленников. Сету принадлежит все. Самая страшная клятва — поклясться его именем.

— Похоже, вы любите Сета,— заметил я.

— Мы боимся его и его мрачных владений. Страх сильнее любви.

Ментуменен, где бы он теперь ни был, тоже служил Сету. «Интересно,— подумал я,— насколько сами туранцы подобны своему зловещему божеству?»

Мы проехали мимо храма и двинулись дальше, пока не увидели бескрайние водные просторы, тянувшиеся до самого горизонта. На берегу возвышался мраморный дворец эмира, многоэтажный, увенчанный куполообразной крышей и длинным шпилем. Стражник у дверей потребовал, чтобы я отдал ему послание для Ага Джунгаза. Я вновь настоял, что должен вручить его лично. Лощеные высокомерные офицеры начали спорить. Наконец наших лошадей увели, а нас проводили в просторный зал с мягкими диванами, коврами на стенах и хрустальным фонтаном в центре. Под любопытными взглядами стражников мы ждали решения. Наконец вернулся чиновник по имени Кондунду — полный человек с кудрявой бородкой.

— Лишь тебе одному позволено предстать перед очами нашего эмира,— надменно сказал он мне.— Оставь здесь все свое оружие.

Я передал меч и кинжал Скорле и последовал за Кондунду. Занавес, прикрывавший узкий проем в стене, слегка вздрогнул, и на мгновение из-за него выглянула красивая смутлая женщина. Наконец мы оказались у отделанных яшмой сводчатых дверей, которые охранял стражник с копьями в обеих руках, и меня подвели к сидевшему на огромном, украшенном зелеными драгоценными камнями троне человеку с золотым венцом на голове и в мантии, которая, казалось, была

сделана из чистого серебра. Кондунду распростерся перед ним на полу. Я продолжал стоять.

— О могущественнейший повелитель Турана, это немедийский посланник, о котором соизволили услышать от меня твои царственные уши,— затараторил Кондунду, затем неуклюже попятился на четвереньках.

Я разглядывал тронный зал. Он был обставлен богатой мебелью, со всех сторон виднелись занавешенные арки, за которыми, вне всякого сомнения, скрывались вооруженные стражники. В углу возвышался украшенный драгоценными камнями алтарь, над которым нависало изображение Сета из черного камня — бесформенное тело с гротескной звериной мордой с острым носом. Затем я повернулся, взглянув на Ага Джунгаза, и эмир посмотрел на меня в ответ.

Он был слегка полноват, хотя и пропорционально сложен. Глаза блестят, губы поджаты, коротко постриженная курчавая борода покрашена в рыжий цвет. В одной руке он держал скипетр — золотой жезл, вокруг которого извивалась змея из зеленой эмали. Другая поглаживала сидевшую на его коленях и то и дело высовывавшую язык ящерицу.

— Мне сказали, что ты принес письмо от Гарак из Немедии,— раздался холодный голос.— Немедия далеко, но мне казалось, что ее законный правитель — Ушилон.— Его взгляд

пронизывал меня насквозь.— Не кланяться перед сидящим на троне эмиром в обычаях немедийцев?

— Немедийцы стоят во весь рост перед своим королем, которым стал Гарак после смерти Ушилона,— ответил я.— Вот, повелитель, его слова, которые я лично отдаю в твои руки.

Я подал пергамент, и эмир принялся читать, безмолвно шевеля губами.

— Ты — Гор, о котором здесь говорится? — наконец спросил он.— Мне потребуется время, чтобы обдумать мой ответ.

— С твоего позволения, повелитель, мне кажется, что ответ дать просто,— как можно более церемонно сказал я.— Король Гарак желает, чтобы мне отдали его возлюбленную дочь Шанару, которая гостит у тебя, с тем чтобы я мог доставить ее обратно в Немедию.

— Шанара,— выдохнул он,— поглаживая блестящую спинку ящерицы.— Шанара. Когда я вижу ее, мне кажется, будто передо мной небесное создание. Она прекрасна, словно музыка.

Он посмотрел на меня.

— Когда я вижу ее, я говорю себе: «У Ага Джунгаза, эмира Турана, сто жен. Почему бы ему не иметь сто одну?» Именно к этому ее сейчас готовят. Судя по расположению звезд и луны, уже близко то время, когда я сочетаюсь с ней браком.

Кровь ударила мне в лицо.

— Хочу напомнить тебе, повелитель, о чем говорится в письме. По законам Немедии она моя жена.

Он снова погладил ящерицу.

— Станные законы, ибо она находилась здесь, в Туране, когда было объявлено о ее замужестве. Туран не признает этого брака.

— Один правитель должен признавать слово и власть другого,— сказал я, едва сдерживаясь, чтобы не закричать.— Я представляю Гарака. Я его зять.

— Если бы его зятем был я, наши отношения стали бы намного лучше,— возразил Джунгаз.— Мне нужно подумать. Можешь идти.

В ярости я покинул тронный зал Джунгаза и пошел по коридорам назад.

Меня обуревало множество самых невероятных желаний. Что, если сбить с ног своего одетого в золото спутника, вновь ворваться в тронный зал, наброситься на Ага Джунгаза и потребовать отдать Шанару? Однако его со всех сторон окружали стражники. Меня бы убили на месте, и Шанара стала бы его женой. Нужно как следует продумать план — разумный, а не самоубийственный.

В зале, где сидели мои товарищи, слышалась приятная музыка, которую исполнял оркестр, состоявший из рабов с арфами, свирелями и небольшими барабанами. Смуглые девушки-рабыни разносили высокие кувшины

с вином, наполняя кубки. Слышался смех. Всем, кроме меня, было весело.

— Не хочешь ли выпить вина, мой господин? — прошептал рядом со мной тихий голос.— Это любимый напиток самого эмира.

Рядом со мной стояла стройная девушка, слегка прикрытая полупрозрачной тканью, украшенной аметистами. Голову ее покрывал искусно вышитый разноцветными нитями платок, а в руках она держала золотой кубок, до краев наполненный напитком, издававшим чудесную смесь цветочных и фруктовых ароматов. Я уставился на нее. Она была уже не девочкой, а взрослой женщиной, но весьма миловидной. Девушка протянула мне кубок.

— Только не пей много,— шепнула она.

Я попробовал вино.

— Ты добрая и красивая,— сказал я.— Прости, но моя душа отдана другой, намного прекраснее тебя.

— Шанаре,— донесся до меня ее шепот, и я расплескал вино на пол.

— Ты смеешь произносить ее имя? — прорычал я.— Кто ты?

— Говори тише, иначе это может стоить жизни нам обоим. Я Джари, старшая жена в гареме Ага Джунгаза. Однако теперь, обезумев от любви к Шанаре, он клянется, что ради нее откажется от всех нас. Она заполняет его душу, так же как и твою.— Девушка подлила мне вина.— Делай вид, что ты

беззаботен и весел,— за нами следят. Если меня узнают, мы оба умрем: ты — настолько быстро, насколько это удастся убийцам, я — под пытками. Я помогу тебе выбраться отсюда вместе с ней.

— Похоже, тебе можно доверять,— шепнул я.— Что должно произойти дальше?

— Тебя и твоих людей должны напоить допьяна. Затем вас заключат в темницу, чтобы принести в жертву на алтаре Сета. Ага Джунгаз сообщит в послании вашему правителю в Немедии, что вы все погибли по несчастной случайности, но он, Ага Джунгаз, укрепляет союз, беря себе в жены Шанару. Теперь тебя не удивляет, что я в отчаянии?

— Отчаяние украшает тебя,— сказал я, ибо она действительно была красива.— Ты рискуешь жизнью, рассказывая мне об этом. Как я могу расстроить его планы?

— Мы не можем больше говорить, на нас смотрят. Сложи подушки в углу и брось на них свой плащ, будто это ты спишь. И вылей это отравленное вино.

Я сделал то, о чем она просила.

— Теперь идем со мной.

Она нырнула за большой разукрашенный ковер. Я последовал за ней. В полу открылась панель, и я начал спускаться по лестнице вслед за девушкой. Панель над нами снова задвинулась.

В подземном коридоре было темно, слышалось хлопанье крыльев, и я почувствовал, как

моей щеки коснулась летучая мышь. В полумраке я едва различал очертания Джари, державшей меня за руку.

Я понятия не имел, куда мы идем среди неровных, сочащихся влагой каменных стен, но Джари хорошо знала дорогу. Мы поднялись по полуразрушенным ступеням и двинулись дальше по извилистому скользкому склону. Наконец, когда впереди забрезжил слабый свет, она остановилась.

— Там, за занавеской, стражник,— прошептала она.— Разделайся с ним и иди прямо в тронный зал. Но поклянись, что не станешь убивать Ага Джунгаза.

— Если я убью его, трон займет другой тиран,— сказал я.— Мне не под силу убить всех тиранов.

— Пусть он живет,— настаивала она.— Ты можешь застать его врасплох. Если ты действительно таков, каким кажешься, ты сумеешь заставить его поклясться именем Сета, что он отпустит тебя и Шанару. Он не посмеет нарушить такую клятву.

— Я мало знаю женщин,— сказал я,— но, похоже, все это ты устроила для своей собственной выгоды.

— Какой ты умный. Я хочу быть царицей, а не рабыней новой царицы Джунгаза.

Она отпустила мою руку, и я на цыпочках двинулся в сторону светлого пятна.

Стражник стоял, положив правую руку на меч и придерживая левой занавеску. Он

был настолько поглощен тем, что представало его взору, что я с легкостью подобрался к нему незамеченным. Мне тоже было все хорошо видно. Ага Джунгаз сидел на троне, поглаживая ящерицу. Перед ним стояла Шанара.

Кто мог бы описать ее прекрасную девичью фигуру, ее несравненное лицо, ее глаза, похожие на драгоценные камни, равных которым не было ни в Туране, ни в Немедии, ни во всем мире? Шанара молча и гордо стояла перед эмиром, густые золотистые волосы падали ей на плечи. Ага Джунгаз что-то горячо объяснял ей.

Я не мог убить стражника, не дав ему шанса защититься, и поэтому тронул его за плечо. Он резко повернулся и мгновенно выхватил меч. Уклоняясь от клинка, я шагнул в сторону, вонзил острие меча стражнику в горло и переступил через упавшее тело.

— Ты будешь царицей Турана, Шанара,— говорил Джунгаз.— Я сделаю для тебя все, что пожелаешь.

— Я хочу, чтобы ты вернул меня домой, мой повелитель,— тихо, но твердо ответила Шанара.

— Я не смогу улыбаться, не смогу спать, если ты уйдешь. Подумай, Шанара...

В два прыжка я пересек зал. Шанара вскрикнула — не знаю, от радости или от страха. Из занавешенных ниш шагнули вооруженные стражники в доспехах. Однако я уже скло-

нился над царственной особой. Мой меч касался его бороды у самого горла.

— Если шевельнешься, твое движение станет последним в этом мире, который ты оскверняешь своим присутствием,— угрожающе сказал я.

— Твоя жизнь в моих руках,— выпучив глаза и заикаясь, пробормотал он.— Мои стражники...

— Если хоть один из них посмеет приблизиться, ты этого уже не увидишь,— сказал я.— Эмир Ага Джунгаз, до меня дошли слухи о твоём вероломстве. Ты намерен подло убить меня и моих друзей. Откажись от своих планов. Поклянись именем Сета, что отпустишь нас и Шанару.

— Именем Сета? — взвизгнул он, глядя на меня широко раскрытыми от ужаса глазами.— Люди трепещут перед подобной клятвой.

— Да, ибо ее невозможно нарушить,— сказал я.— Ты поклянешься именем Сета, что Шанара, мои товарищи и я сам в целости и сохранности покинем твои владения. Поклянись немедленно, иначе сам встретишься лицом к лицу с Сетом в его темном царстве. Мой меч жаждет вонзиться в твою шею.

Он начал было поднимать трясущиеся руки. Я придвинул меч ближе, коснувшись его мягкого горла.

— Клянусь,— простонал он.

— Клянись именем Сета,— снова приказал я.— И громко, так, чтобы все слышали.

— Хорошо, именем Сета.— О повысил голос.— Клянусь именем Сета, что все вы — ты, Шанара, твои люди — свободно покинете пределы Турана. Что я отношусь к вам с уважением, как к посланникам союзника-короля, и позволяю вам вернуться домой.

— Именем Сета,— настойчиво повторил я.

— Я клянусь именем Сета, который слышит меня,— почти кричал он,— что вы можете беспрепятственно покинуть мои владения.

Я опустил меч, продолжая, однако, держать его наготове. Эмир хлопнул в ладоши. Стражники подошли ближе.

— Слушайте все,— дрожащим от ярости голосом произнес Джунгаз.— Будьте свидетелями. Я только что поклялся, что этот человек, пришедший из Немедии, может вернуться вместе со своими спутниками домой, и госпожа Шанара вместе с ним.— Голос его чуть не сорвался, когда он произносил это имя.— Я поклялся именем Сета и не могу отречься от своей клятвы. Ты, ты и ты — идите и объявите о моем решении всему Аграпуру.

Трое стражников поспешно вышли. Джунгаз, которому уже не угрожал мой меч, похоже, немного успокоился.

— Вечером мы устроим пир, и ты будешь почетным гостем за моим столом,— сказал он.— Завтра вас проводят до границы той же дорогой, которой вы пришли.

— Гор, ты настоящий мужчина,— прошептала Шанара.— Я уже устала надеяться, но я знала, что ты меня спасешь.

Я обнял ее за плечи и повел к выходу. Джунгаз беспомощно смотрел нам вслед.

Вернувшись в наш зал, я обнаружил своих людей в полном помрачении сознания, которое вряд ли могло быть вызвано обычным вином. Строго запретив тем, кто еще был в состоянии, продолжать пьянствовать, я растолкал Скорлу и еще двоих. С их помощью я поднял остальных и заставил их ходить взад-вперед и дышать полной грудью, пока в головах у них не прояснилось и они не стали двигаться более-менее уверенно. Вскоре появился Кондунду, объявив в обычной для него высокопарной манере, что Джунгаз приглашает нас на почетный пир.

Пиршество проходило в огромном зале, устланном коврами и увешанном гобеленами. Столы ломились от серебряных и золотых блюд. Джунгаз велел своим придворным и офицерам сесть бок о бок с чужестранцами, в честь которых устроен пир. Меня посадили в одном конце стола вместе с Шанарой, Джунгаз и Джари восседали на другом. По бокам расположились представители местной знати. Подали нежное мясо, сочных зажаренных птиц, сладкое печенье в форме звезд, цветов и полумесяцев. Джари грациозно шла вокруг стола, обнося гостей ви-

ном. Джунгаз поднялся, чтобы произнести тост.

— За наших гостей,— объявил он,— и за будущую дружбу между нашей страной и Немедией, страной Гарака.

Казалось, он говорил вполне искренне. Все выпили под одобрительные возгласы. Вновь наполняя мой кубок, Джари шепнула мне на ухо:

— Будь бдителен. Он все еще хочет завладеть Шанарой.

— Я это предвидел,— ответил я, улыбаясь, словно мы обменивались ничего не значащими замечаниями.

— Клятва вынуждает его обеспечить тебе безопасность до границы, но...

— Да,— сказал я.— Дальше его клятва не действует.

— Его дозорные собираются догнать вас в пустыне, и их будет в двадцать раз больше, чем твоих воинов. Они намерены забросать вас копьями и стрелами, оставить в живых лишь Шанару и доставить ее обратно Джунгазу.

— Так он думает,— сказал я.— Что ж, я тоже подумал.

Последовали новые тосты. Я поднялся и выпил за здоровье эмира и его народа и за наше благополучное возвращение домой. Джунгаз улыбался, глядя в свой кубок. Раб принес мне пиалу сладкого винограда.

— Скорла,— сказал я сидевшему за соседним столом другу,— должно быть, когда ты

плавал по западным морям, тебе не приходилось вкушать столь изысканные яства?

— И опора под ногами здесь более надежная, чем палуба,— рассмеялся он.

Я принял окончательное решение. К этому времени уже прозвучали последние тосты, и Джунгаз отпустил гостей.

Вернувшись к себе, я велел своим спутникам взять оружие. Затем мы вместе с Шанарой направились по коридору к выходу. Навстречу нам шагнул стражник.

— Ваши лошади будут готовы только на рассвете,— предостерегающе сказал он.

— Мы дарим вам лошадей,— бросил я.— Если хочешь, попробуй нас остановить. Твой эмир поклялся именем Сета, что никто не причинит нам вреда.

Он бормотал что-то об офицере, но я отшвырнул его в сторону. Мы выбежали наружу. Над головой сияла круглая бледная луна. Свернув за угол, мы побежали к пристани, где стояло несколько кораблей.

Под изумленными взглядами зевак мы поднялись на борт галеры, показавшейся нам самой лучшей. На палубе несли вахту двое сонных матросов. Мы швырнули их за борт, и я перерубил швартовый трос ударом меча.

— Скорла,— сказал я,— теперь ты снова капитан корабля.

— Да! — радостно воскликнул он.— Все на весла и полный вперед!

Мои воины навалились на весла, неумело, но дружно, с каждым гребком их движения становились все увереннее. Положившись на них, Скорла взялся за руль и опытной рукой вывел корабль на просторы моря Вилайет, над которым мерцали мириады звезд. Позади слышались испуганные вопли. Слуги Джунгаза наконец поняли, что произошло, но было уже поздно.

— Куда плывем, Гор? — спросил стоявший у руля Скорла.

— На восток! — крикнул я, обняв Шанару. — Мы не можем высадиться на туранском побережье, поскольку Джунгаз замыслил уничтожить нас. Только вперед — навстречу приключениям!

Вскоре, повинуясь громким распоряжениям Скорлы, команда поставила квадратный парус. Его тут же наполнил дувший от берега ветер, и мы помчались по освещенным луной волнам.

— Что за этим морем? — спросила Шанара, прижимаясь ко мне.

— Другая земля. — Все, что я мог ответить. — Неизвестная земля. Скоро мы узнаем, моя дорогая Шанара, что принесет нам завтрашний день.

Глава девятая БЕЗДНА

А

йсиры и немедийцы дружно налегали на весла, во все горло распевая пересыпанные крепкими словечками боевые песни. Первую ночь я провел у руля, вместе со Скорлой. Рядом, глядя вперед, на восток, куда лежал наш путь, стояла Шанара. Дул устойчивый сильный ветер, и к рассвету уже многие лиги

отделяли нас от не на шутку разгневавшегося Ага Джунгаза.

Вдруг на воде, или под ней, появился красноватый отблеск, показавшийся мне дурным предзнаменованием — предвещавшим кровь и смерть — или свидетельством некой невидимой битвы, которую вели между собой морские боги. Затем осветился весь восточный горизонт, и вскоре над ним, рассыпая по волнам оранжевые, ярко-желтые и ослепительно белые искры, возник край золотого солнечного диска. Звезды исчезли вместе с темнотой, знакомые созвездия пропали из виду — последними покинули небосвод Меченосец и Колесница. Зрелище было захватывающим, и даже я, Гор Сильный, отнюдь не тонкий ценитель прекрасного, выросший в мире холодных рассветов над сверкающими ледниками, испытывал необъяснимое восхищение. Я никогда прежде не бывал в море, и теперь начинался первый день в моей жизни, который предстояло провести вдали от суши, в новом странном мире. Туманная, далекая и почти забытая личность Джеймса Эллисона пребывала в благоговейном страхе, он даже опасался, что его слабое сердце не вынесет восторга. Он никогда в жизни не путешествовал, и ему были незнакомы явления первозданной природы. Ему никогда не приходилось видеть, как солнце — главное божество мира — покидает утробу океана, столь же чистое и новорожденное, как и в первый день творения.

Многим моим спутникам подобная картина тоже была незнакома. Не отрываясь от весел, они зачарованно смотрели на водные просторы, на выпрыгивающих из волн дельфинов и летучих рыб. Когда Скорла, закрепив руль веревкой и предоставив ветру подгонять наш корабль, объявил перерыв, один из немедийцев крикнул:

— Мне так хочется пить, что я готов проглотить целое море!

Он подошел к борту, наклонился и, зачерпнув ладонью воды, поднес ее к губам.

Мгновение спустя он начал плевать и кашлять.

— Конская моча! — выругался он. — Вода отравлена! Что за чертовщина?

Скорла рассмеялся, и его смех подхватили остальные, даже те, кто собирался совершить подобную ошибку. Немедиец положил руку на меч, но смех капитана тут же сменился глухим рычанием, а взгляд стал тяжелым, как сталь. Немедиец тотчас успокоился и, нахмурившись, ушел в нос корабля.

— Кстати, — шепнул я на ухо Скорле, — сколько у нас питьевой воды и продовольствия?

Он уставился на меня, словно околдованный каким-то жестоким стигийским божеством.

— О боги! — воскликнул он. — Неужели я самый большой глупец из всех, кто ходил по этой земле со времен Аруса?

— Спокойно, друг. Что случилось? И говори тише, чтобы не вызвать недовольства у команды.

— О отважный Гор, спеша захватить корабль, мы забыли запастись провизией и проверить, есть ли на борту продовольствие. Мы были так захвачены смелостью нашего плана, нам казалось, что мы так ловко провели глупого туранца, что просто обрубili канат и вышли в море, даже не заглянув в трюм.

Ему было по-настоящему стыдно. Он всегда хвалился тем, что некогда был отличным капитаном, а теперь вся его гордость рухнула под тяжестью единственного промаха.

— Это был мой план и мой приказ, — сказал я. — Ты и остальные воины отлично его исполнили. В Туране нас ждали неприятности значительно большие, чем перспектива оказаться с пустым брюхом. Когда волк находит добычу, он наедается до отвала, но, когда мяса нет, он терпеливо ждет. Бери с него пример и будь терпелив, Скорла.

— Да, это хороший совет, но последуют ли ему другие? Эти привыкшие к городской жизни немедийцы восстанут против нас, если не получат своих любимых кушаний.

— Тогда нам придется проломить несколько черепов. Меня это не пугает. А тебя?

— Нет, конечно...

— Тогда пойдем и посмотрим, что у нас есть.

Захваченный нами корабль отличался плавными обводами и низкой осадкой; на нем не было просторных трюмов, которыми, по словам Скорлы, обладали неповоротливые торговые корабли. Здесь была лишь тесная, душная деревянная полость, в которой мог храниться небольшой груз. Мне, привыкшему к открытым диким пространствам, пришлось собрать все силы, чтобы заставить себя войти внутрь.

Мы обнаружили около четырехсот покрытых глазурью и яркой росписью блюд, горшков и глиняных ламп, но никаких следов еды и лишь одну бочку, наполовину заполненную протухшей водой. Видимо, как сказал Скорла, в ту ночь, когда мы захватили корабль, он только что вернулся из очередного путешествия и его владельцы забили товаром весь трюм — корабли такого типа использовались для торговли на побережье моря Вилайет. Цель подобной коммерции заключалась в том, чтобы быстро доставить небольшое количество ценного товара в порт и продать его по высокой цене, прежде чем более медленные суда привезут тот же товар в большем количестве и собьют цену. Мой друг знал об этом еще с тех времен, когда плавал с пиратами. Ему никогда не приходилось разбойничать в этом море, но везде было примерно одно и то же. Меня не интересовала торговля, и я рассматривал глиняные изделия лишь как бесполезные без-

делушки, еще более презренные, чем золото. Но я обрадовался, что наш корабль мог обогнать многие другие.

— А не поплывет ли он быстрее,— спросил я,— если мы избавимся от этого глиняного мусора?

— Поплывет.

Я приказал выбросить весь груз в море. Некоторые немедийцы противились, говоря, что всю эту утварь можно продать за золото, но, когда я предложил им выбор: отправляться вплавь обратно в Туран, умереть от моего меча, или остаться в живых,— они выбрали последнее. Вскоре брюхо корабля опустело, и весла еще проворнее понесли нас прочь от врагов. Однако, ползая под палубой, чтобы вытащить груз, все узнали тайну, которую я, впрочем, и не надеялся скрыть. У нас не было еды, и воды оставалось крайне мало, да и то несвежей. По совету Скорлы, сказавшего, что в море делается именно так, я разделил воду на порции, и каждый стал получать по ковшу два раза в день. Нашлись недовольные, и мне все-таки пришлось расколоть два или три немедийских черепа, но более серьезных проблем не возникло. Айсиры уважали и боялись меня и придавали дополнительную весомость моим приказам своими суровыми взглядами и прикосновениями к мечу.

На следующий день та же природа, что еще недавно очаровывала нас, разгневалась, слов-

но неверная жена, и начала распространять вокруг медленный и неуловимый яд предательства.

Ветер стих. День за днем мы стояли посреди мертвого штиля, пока сам воздух не стал казаться застывшим и пропитанным потом. Скорла приказывал людям грести, пока те не выбивались из сил, и тогда мы с ним занимали места на веслах, закрепив руль веревкой. Когда наступал час отдыха, каждый получал свою жалкую порцию воды, и теперь уже больше никто не пел, даже почти не разговаривал. Мы тяжко, словно рабы, трудились под палящим солнцем, пока ночь не приносила едва заметное облегчение. Мои светлокожие айсиры стали красными, словно вареные раки, и пытались сорвать свое дурное настроение на немедийцах, но никто даже взглядом или жестом не осмеливался протестовать.

С наступлением темноты заговор природы против нас продолжался. Тонкий слой облаков заволакивал небо, закрывая звезды, но не было даже намека на дождь. Я мог ориентироваться по звездам не хуже любого моряка. Ледяные просторы Севера подобны морю — широкие, враждебные и обманчиво спокойные. Но, не видя звезд, ни Скорла, ни я не могли определить, где мы и куда плывем. Лишь на рассвете, когда солнце было далеко слева, нам обоим приходилось изо всех сил наваливаться на руль, чтобы вновь

положить корабль на нужный курс. Мы продолжали плыть на восток, к дальним берегам моря Вилайет, но больше нам ничего не было известно. Как далеко мы переместились на север или на юг? Или на запад? Не отнесло ли нас ночью туда, откуда мы пришли, прямо в лапы Ага Джунгаза?

Наше положение становилось все более безнадежным, по мере того как люди слабели, а вода в бочке подходила к концу. Когда пришло время раздачи очередной порции, ковш проскрежетал о дно бочки, зачерпнув зловонную жижу, которую никто не рискнул пить. Некоторые были на грани безумия.

Однажды один из немедийцев заметил возле борта большую рыбу и прыгнул в воду с ножом в зубах. Этот смелый поступок, встреченный одобрительными возгласами, на самом деле оказался весьма глупым, поскольку, прежде чем мы успели подумать о том, чтобы помочь храбрецу, рыба сожрала его и скрылась в кровавом облаке. Скорла сказал мне, что эта тварь называется акула и что в ее натуре соединяются черты льва, волка, медведя и стервятника. Это самое грозное морское создание, если не считать больших китов, напоминающих плавающие горы, извергающие фонтаны.

Вдалеке парили морские птицы, но они, похоже, сторонились нашего корабля. Скорла заметил, что подобное противоречит его опыту. Обычно птицы спокойно садились на

мачты и реи. Тем не менее, когда какая-нибудь птица оказывалась несколько ближе, в нее неизменно летело несколько стрел. В конце концов я приказал людям не тратить стрелы впустую.

Все это время Шанара лежала пластом в каюте, которая, как сказал Скорла, предназначалась для капитана корабля. Каюта была достаточно просторной, к тому же в ней были окна. Большую часть времени моя жена проводила на мягкой койке. Качка оказалась невыносимой для ее желудка и ног, привыкших к твердой земле.

Я приходил к ней каждую ночь, когда на море опускался бледный закат, но вскоре жара, голод и жажда настолько измотали нас, что нам пришлось отказаться даже от любовных утех. Все, что я мог, — лишь тупо проклинать богов, судьбу, магию и собственную глупость, из-за которой я был обречен умереть, медленно иссыхая, словно кусок никому не нужной падали.

На седьмую ночь айсир, что нес вахту у руля, хрипло закричал и топнул ногой по доскам над моей головой. Я проснулся и вышел посмотреть, в чем дело. Айсир стоял на цыпочках, вглядываясь в даль.

Нос корабля был направлен в сторону восходящего солнца, но виднелся лишь край его ослепительного диска. Остальное закрывал поднимающийся из моря иззубренный черный силуэт.

— Скорла, что, акула откусила кусок солнца?

В ответ мой друг лишь рассмеялся и хлопнул меня по спине.

— Нет, уроженец севера Гор, нет! Это остров, и солнце поднимается за ним.— Он начал кричать: — Земля! Боги наконец смилостивились над нами! Мы спасены!

Мы тотчас начали отдавать приказы. Гребцы уселись на свои скамейки, весла опустились на воду, и мы завопили, забыв о жажде:

— Гребите! Гребите, пока не треснут ваши спины и руки не вывалятся из суставов! Гребите!

Гребцы навалились на весла и даже пытались петь, насколько им позволяли иссушенные глотки и потрескавшиеся губы. Корабль заскользил по волнам, словно змея. Казалось, впервые за целую вечность поднялся ветер. Воздух стал прохладным, и наполнившийся ветром парус помогал нам, словно целый легион свежих гребцов. Мы мчались так быстро, что, казалось, перелетали с гребня одной волны на другую. По мере того как солнце поднималось над горизонтом, остров превращался из черного пятна в покрытую густым лесом гору, возвышающуюся над волнами. На ее вершине торчали голые скалы. У основания горы простирался широкий песчаный берег, на который нас и выбросило море.

Незадолго до того, как мы причалили к берегу, Шанара впервые за все эти дни поки-

нула каюту. Я еще раз отметил про себя, как прекрасны ее развевающиеся на ветру волосы и освещенное рассветными лучами бледное лицо. Она вновь ожила после долгих, тяжелых дней, проведенных в каюте.

Шанара неуверенно поднялась туда, где стояли Скорла и я, и тоже взглянула на остров.

— Интересно, живет ли здесь кто-нибудь?

Я коснулся рукояти меча Делрина.

— Если кто-нибудь здесь живет, они дадут нам все, о чем мы попросим, или мы отберем это у них силой.— Я втайне надеялся, что нам представится возможность сразиться. После дней, проведенных в невзгодах и бездействии, я жаждал схватки и был уверен, что и другие испытывают те же чувства.

Волны сделали за нас большую часть работы, вынесли корабль на отмель. Затем все, кроме Шанары, спрыгнули на берег и вытащили корабль на сушу. Не сговариваясь, мы сразу же отправились на поиски воды и пищи. Я шагнул рядом с Шанарой, остальные — за мной. Корабль, который никто не охранял, остался позади.

Вокруг, словно гигантские колонны, поддерживающие зеленый свод леса, возвышались дававшие прохладную тень деревья. На сотни футов вверх тянулись переплетенные лианы, по которым носились стаи верещащих обезьян.

Нам почти сразу же удалось подкрепиться. Тяжелая роса все еще лежала на листьях, и мы

тут же начали ее слизывать. Затем было потрачено несколько стрел, на этот раз не впусую. Мы полакомились обезьяньим мясом и напились обезьяньей крови. Я съел свою обезьяну сразу же, едва убив, прямо сырую, так же как и айсиры. Но немедийцы развели костер и поджарили свою добычу. Моя жена, верная своему цивилизованному воспитанию, ела вместе с ними.

Чуть позже в центре острова, на полпути вверх по склону, мы нашли холодный источник, с журчанием струившийся среди камней. Мне все еще казалось подозрительным это неожиданное везение, словно кто-то мучил нас надеждой, подобно кошке, которая позволяет пойманной мыши отбежать, а затем обрушивает на нее еще более страшный удар своей когтистой лапы.

Я приказал остановиться; айсиры стояли спокойно, а немедийцы, разинув рот, смотрели, как я опустился на четвереньки и понюхал воду. Похоже, все было в порядке, и я начал лакать воду языком. Остальные, столпившись вокруг, принялись жадно пить, погружая в ручей головы и прыгая и плескаясь, словно дети.

Какое-то время мы отдыхали, затем решили обследовать остров более тщательно. Остров был необитаем, но прежде здесь явно кто-то жил. В зарослях неподалеку от источника лежали осыпающиеся от прикосновения огромные каменные блоки, покрытые мхом, заросшие лианами и наполовину погружившиеся в

землю. На них еще можно было различить высеченные изображения, подобных которым я никогда прежде не видел. Большинство из них стерло время и непогода, но часть фигур сохранилась. Изображений, похожих на человека, было немного, и все они располагались по краям или в других не самых главных местах барельефов. Зато изображения чудовищ — громадных созданий с щупальцами, когтями и крыльями — занимали большую часть рисунков. Это были колоссы, превосходившие величиной горы, обозначенные позади них кривыми и зубчатыми линиями.

На камнях виднелись и какие-то надписи. Я попросил Шанару прочитать их, но она не смогла этого сделать. По ее словам, это была древняя письменность, относившаяся к временам древних царств, названия которых для меня были пустым звуком: Валузия, Атлантида, Лемурия... Возможно, для Джеймса Эллисона эти имена звучали более осмысленно и, возможно, на него наше открытие произвело бы большее впечатление.

Мы нашли гигантскую каменную голову, почти полностью погружившуюся в землю джунглей, которая растрескалась много лет назад, когда остров поднимался из моря под воздействием чудовищных сил (так рассуждал Эллисон — Гор даже понятия не имел ни о чем подобном). Физиономия ее была птичьей, но более широкой и плоской, с высокими, как у человека, скулами и с закрытыми человеческими гла-

зами. Однако когда-то на месте носа у нее был клюв. Он давно отвалился и рассыпался, но обломок его достигал в высоту человеческого роста. Возможно, для Эллисона это что-то и значило, но для меня, Гора, и для всех остальных каменное лицо было лишь забавной диковинкой.

Быстро темнело, и я приказал разбить лагерь возле ручья.

— Не вернуться ли нам на берег, чтобы охранять корабль? — предложил один из айсиров.

— Нет, — сказал я. — На этом острове нет никого, кто бы мог напасть на нас, а если враг появится с моря, лучше, если он не найдет нас на берегу. Мы сможем обнаружить его раньше и воспользоваться преимуществом. Так что — устраиваем лагерь здесь.

Я выставил часовых: четверых немедийцев на расстоянии в сотню шагов от лагеря, по одному с каждой стороны, и четверых айсиров, их — значительно ближе. Если бы кто-то попытался к нам приблизиться, дальние часовые подняли бы тревогу, а ближние разбудили бы всех в лагере. Кроме того, я не рискнул спать под охраной одних лишь немедийцев. Некоторые из них до сих пор могли быть недовольны тем, как с ними обошлись на корабле.

Долгий ярко-красный закат предвещал большую кровь, но я предположил, что если нечто подобное и случится, то в будущем, когда мы покинем остров. В ту ночь мы с Шанарой спа-

ли отдельно от остальных на расстеленном на земле плаще, и впервые за много дней мы вновь смогли стать друг для друга волком и его самкой. Когда я наконец заснул, мне ничего не снилось.

Часовые должны были сменяться каждые три часа. Сквозь сон я слышал, как, передавая друг другу пост, они обмениваются короткими репликами. Внезапно посреди ночи меня разбудили крики и суматоха.

Высоко в небе, освещая голые скалы, висела полная луна, и в заливавшем джунгли лунном свете я увидел нечто такое, отчего меня охватило изумление и ярость. В джунглях шло сражение. Я слышал крики и лязг стали. Остальные, просыпаясь на ходу, тоже их слышали и бежали на шум. Ко мне, спасаясь бегством от битвы в джунглях, сломя голову неслись объятые ужасом пятеро немедийцев.

— Труссы! Собаки! — закричал я. — Вы что, бросаете Гора и айсиров? Не посмеете, клянусь всеми вашими богами!

Они разбежались в разные стороны, когда я занес меч Делрина, и завопили, словно женщины, когда в слепой ярости я кинулся на них. Один из них попытался заслониться щитом, но мой меч уже опустился, разрубая его кольчугу, живот и позвоночник. Тело немедийца распалось на две половинки еще до того, как на его лице успело отразиться что-либо, кроме беспомощного изумления. Бурлящим фонтаном ударила кровь, и труп рухнул наземь.

Я с легкостью мог догнать самую быструю дичь, так что мне не составило труда схватить другого труса за шею. Я не стал убивать его сразу, а повалил на колени, держа левой рукой за горло. Всхлипывая, он смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Трусливый ублюдок! Что повергло тебя в такой ужас? — прорычал я.

— Господин... господин... беги! — заикаясь, выдавил он. — Беги, если тебе дороги жизнь и рассудок. Черная магия... ничто не в силах ей противостоять...

Я сильнее сжал его горло, едва не сломав шею.

— Что там? Говори, сопливый пес!

— Господин, послушай меня и поверь, — умолял он. — На стражу напали легионы бронзовых воинов, в масках с птичьими клювами, с перьями на шлемах и с железными крыльями за спиной. Они налетели на нас с верхушек деревьев, словно чудовищные птицы, вспарывая животы когтями и изрыгая огонь из своих копий!

— И ты бросил остальных и сбежал? Если ты не можешь жить, как подобает мужчине, то не можешь и умереть по-человечески.

В звериной ярости я переломил его шею, словно сухую ветку, затем оторвал голову и швырнул ее вслед одному из убегающих, сбив его с ног. На все это ушло лишь несколько секунд. Я не мог оставаться в стороне от схватки. Размахивая над головой громадным мечом Делрина и

высоко подняв щит, я помчался в джунгли, издавая боевой клич северного берсеркера.

Немедиец был прав. Сотни, нет, тысячи крылатых людей спускались со звездного неба с пылающими копьями, с серебряными мечами и со щитами из кованого золота в руках. Я не знал, были ли они людьми, с головы до ног покрытыми броней, или же какими-то механическими созданиями. Охватившее меня кровавое безумие затмевало все человеческие мысли. Мою силу, быстроту и ловкость человек времен Джеймса Эллисона не мог себе даже представить. Я сокрушал железные тела, отрубая им головы и конечности — но они не умирали. Одни лежали неподвижно, другие же нелепо ползали и подпрыгивали после моих страшных ударов. Кровь из них не текла. Я продолжал драться, безнадежно и отчаянно, а их становилось все больше и больше — казалось, их полчища заслоняют луну на небе. Их крылья, маски, щиты были везде, подобно морю металла. Вокруг сражались мои воины. Среди нагромождения бронзы и сполохов огня я видел айсира или даже отважного немедийца, дравшегося насмерть. Я видел, как они падали под беспощадным натиском врага. На мгновение рядом со мной появился Скорла, потом исчез. Затем откуда-то сверху прямо передо мной рухнуло его безголовое, безрукое и безногое тело и свалило одного из врагов. Даже погибнув, мой отважный друг сражался на моей стороне.

Казалось, сама земля была против нас. Гора содрогалась и ревела, сбрасывая каменные лавины и на людей, и на чудовищных гарпий. Деревья швыряли в нас свои громадные ветви и падали. Огромные лианы прорезали небо, словно хлысты в руках титанов.

Мой разум отказывался повиноваться. Внезапно мне показалось, что я падаю внутрь черного облака, затем нахлынула волна камней, человеческих тел и земли, и я видел перед собой лишь горную вершину, огромную и величественную в лунном свете. И вдруг передо мной предстало *лицо* горы, с двумя гигантскими, пылающими красным пламенем глазами, под которыми разверзлась бездонная пещера рта, откуда высунулся язык, проворный, словно у жабы, но могучий, словно водопад. Язык схватил меня и поднял, и земля расступилась, готовясь поглотить меня. Все, что последовало дальше, казалось чистейшим безумием. Сначала я падал в грохочущую тьму. Я все еще сжимал меч Делрина в руке и дико размахивал им, но мои выпады не достигали цели. Я не мог понять природу окружавших меня сил. Я был подобен муравью в бушующем потоке, песчинке в огромном море крови и каменных обломков... Перед моими глазами возник образ гигантской летучей мыши, и первобытный страх перед неизвестностью исчез, уступая место догадке. Ментуменен! Несомненно, это было дело его рук! Но чьих еще? Чьих? Даже величайшему из магов Стигии неподвластны

подобные силы. Даже он не мог заставить расступиться землю, не мог заставить гору раскрыть свою пасть. У него были союзники. Это сделали боги, и даже создания более могущественные, чем боги.

Я падал сквозь бесконечную тьму...

И приземлился...

На бескрайней черной равнине.

Передо мной стояла огромная толпа, и в первых ее рядах четверо моих братьев — Раки Быстрый, Сигизмунд Медведь, Обри Хитрый и Элвин Молчаливый, — мой отец Делрин, моя мать, Гудрун Златокудрая, и все остальные, кого я убил; их лица были искажены ненавистью. Среди них были и Ага Джунгаз, и черный маг Ментуменен и маленький дьявол Ташако. И все они хором произносили одно и то же:

— Приветствуем тебя, бессердечный вождь! Приветствуем тебя, Гор-Братоубийца! Вся природа, вся земля и все, что тебя окружает, презирают тебя. Ты нарушил самую главную из всех заповедей. Разве щенок восстает против волчицы? Нет! Но Гор восстал против своей матери. Не пытайся избежать своей судьбы, тварь, недостойная именоваться даже зверем! Смотри! Все вокруг жаждет мщения. Смотри же, вот твой рок! Мы все объединились против тебя!

Не могу в точности сказать, что произошло дальше. Последовала вспышка света, затем настолько мощный взрыв, что мое тело, казалось, разлетелось на куски, а потом, когда

мои ослепшие глаза вновь обрели способность видеть, передо мной стояла уже не толпа врагов, а один-единственный противник — бронзовый гигант, у которого между ног мог бы поместиться весь мир. Лицо его было наполовину скрытой густым темным дымом маской. Вокруг ушей вспыхивали молнии.

Его меч медленно и неумолимо, подобно движению времени, опускался, готовый расколоть землю пополам.

Словно в красном тумане, охваченный ни с чем не сравнимым бешенством, я поднял мой меч — уже не меч Делрина, а *мой меч* — и закричал:

— Гор бросает вызов всему миру, требуя лишь мести! Я не отрекаюсь от того, что совершил. Я буду сражаться со всем человечеством, со всеми богами, со всеми демонами. Я расплющу землю своим мечом. Я сокрушу планеты. Я разрушу все до основания, и буду прыгать от хохота, глядя, как обломки мира уносятся в первобытный хаос! Я снова уничтожу Делрина и весь его народ! Снова, снова и снова!

Затем мы с гигантом сошлись в схватке. То ли он уменьшился до человеческих размеров, то ли я стал гигантом — не знаю, но думаю, что скорее всего произошло последнее. Я был объят жаждой крови, какую не мог себе представить даже самый безумный берсеркер. Я помню, как дрожала земля и рушились горы, пока мы сражались. Когда наши клинки встре-

чались, вокруг летели белые искры, и слышался адский рев. Я бился изо всех сил, не чувствуя ни боли, ни страха, и мне казалось, что я перешел в некое иное качество, лишившись всяких человеческих чувств. Единственным реальным чувством для меня оставалась лишь ненависть, единственным цветом — цвет крови, единственными звуками — крики, рев и лязг металла о металл.

Постепенно силы начали покидать меня. Я ничего не видел и не ощущал, кроме того, как постепенно притупляется моя ярость. Волна крови схлынула. Гигант исчез. Я все еще держал в руке меч Делрина. И тут ко мне вернулась боль.

Я обнаружил, что стою, шатаюсь, под лучами яркого утреннего солнца, на берегу, неподалеку от того места, где причалил наш корабль. Вокруг меня лежали изуродованные тела моих товарищей, изрубленные на куски взбесившимися врагами. Тело Скорлы лежало там, где упало. Я нашел и безголовый труп, и разрубленного пополам немедийца.

Как все это могло случиться? Неужели полчища врагов действительно спустились с горы или вышли из джунглей? Я взглянул на голую вершину, и на ней, конечно, не было никаких глаз. А в лесу среди ветвей кричали птицы и обезьяны.

К своему ужасу, я вдруг увидел, что на берегу нет ни одного вражеского трупа — лишь мои спутники, айсиры и немедийцы. И

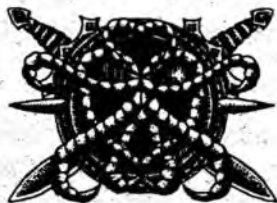
только меч Делрина был красным от острия до рукоятки. Я не мог ничего понять...

И вдруг на меня навалилась страшная слабость. Пронзила острая боль в боку, затем в ноге. Все мое тело покрывали раны, на правом бедре кровоточил глубокий разрез, колено было ободрано до кости, но самая сильная боль ощущалась с левой стороны. Я тупо посмотрел туда и увидел, что моя рука отрублена по локоть.

Я опустился на колени на окровавленный песок, снял пояс с одного из мертвецов и перевязал рану. Мой разум практически не действовал, но инстинкт самосохранения заставил меня поступить именно так, а не иначе. От напряжения и боли я терял сознание, но страшная мысль тут же привела меня в чувство. Шатаясь, я поднялся и побежал вдоль берега, разбрасывая безжизненные тела в стороны.

— Шанара! Шанара! — истошно кричал я.

Перед тем как потерять сознание, я успел бросить взгляд на восток и увидеть далеко над водой очертания двух тварей, уносивших мою Шанару.

Глава десятая ВЫЗОВ БОГАМ

Б

оги нанесли мне столь чудовищный удар, что я, казалось бы, привыкший в этом мире к чему угодно, был потрясен до глубины души. С отрубленной по локоть левой рукой я стоял на песчаном берегу беспокойного моря, едва сдерживая стон от невыносимой боли. Я изо всех сил вглядывался в туманную даль, где скры-

лись две летающие твари, унося мою дорожную Шаңару навстречу неизвестной судьбе. Однако напрасно я пытался разглядеть хоть что-нибудь.

Едва сдерживая рвущуюся наружу ярость и скрежеща зубами, я резко отвернулся и решительно зашагал мимо изрубленных тел. Я, Гор, некогда бывший Сильным, шел по окровавленному песку, терзаемый смутной мыслью... что боги наконец приняли решение, над которым столь долго размышляли.

Решение, направленное против меня.

Нет, даже хуже: против того, чем я *был*. Против всей моей сущности. Странное чувство охватило меня — словно они наблюдали за мной всю мою жизнь, то и дело — без моего ведома — вмешиваясь в мою судьбу.

Чем понятнее это для меня становилось, тем больше во мне пробуждался волк, мой внутренний зверь, и я то и дело глухо рычал в окружавшую меня пустоту, оскалив зубы. Да, я бросал вызов.

В еще большую ярость приводила меня убежденность в том, что этот выбор был сделан ими слишком быстро. Я оказался творением Великой Дикой Природы случайно. Обладая человеческим мозгом, я вместе с тем принадлежал к миллионнолетнему миру природы, не запятанный цивилизацией. Мы, звери, были абсолютно чисты, пребывая в единении с окружавшей нас вселенной.

Направление, в котором двигалась дикая жизнь, отражало меняющийся климат гигантской планеты, на которой жили все мы. И вот теперь, внезапно кем-то было принято решение, которое должно было изменить это направление силой.

Слишком рано. Я даже догадывался, что боги преднамеренно создали цивилизацию. Возможно, она была их любимым творением. То, что казалось мне лишь неравной заменой лесам, животным и первозданному морю, для них являлось предметом гордости и тщеславия. Возможно, их особенно привлекала некая конкретная черта цивилизации. Какая именно? Если бы я это знал, именно то, чем они так восхищались, стало бы целью моей атаки.

С этими мрачными мыслями я остановился, поднял голову и, взглянув вверх, поднял сверкающий меч Делрина, устремив его в серое небо.

— Приди, Итиллин! — зарычал я. — Безумная, ненавистная Ледяная Богиня, я хочу поговорить с тобой! Итиллин!

Смеет ли человек требовать внимания богов? Да, смеет, если речь идет о великом решении, принятом этими богами, и если он, по чистой случайности, оказался единственным среди бесчисленных жертв этого решения, кто осознавал его опасность. Столь сильна была моя убежденность в том, что я могу говорить от имени дикой природы, что мне казалось,

будто лишь усилие воли не дает мне превратиться в зверя.

— Итиллин! — крикнул я. — Хитрая тварь, ты воспользовалась мной, чтобы помочь создать цивилизацию, посредством которой боги могли бы затем уничтожить мне подобных. Презренная интриганка, явись же мне!

С моих губ готовы были сорваться и другие, более крепкие выражения, но они не потребовались — передо мной начали вырисовываться туманные очертания.

Я ждал, с опаской сжимая меч и не будучи вполне уверен в том, что стану делать с ведьмой, когда она полностью материализуется.

Должен признаться, я испытывал мрачную радость при мысли о том, что мое отчаянное требование удовлетворено.

Однако ощущение победы исчезло, ибо передо мной возникла не Итиллин.

Охваченный ужасом, я узнал появившуюся в тумане фигуру. Ментуменен!

Вот, значит, каков был ответ богов. Не Итиллин, Ледяная Богиня, а демонический маг, бывший игрушкой в руках еще более могущественных существ.

Устремив на меня загадочный, полный коварства взгляд, он произнес странным хриплым голосом на моем айсирском диалекте:

— Ты наверняка удивлен, что при нашей прошлой встрече тебя всего лишь оставили

лежать без сознания, а не убили. Такова была воля богов Юга. Они желали понаблюдать за тобой чуть дольше. Возможно, они полагали, что это позволит им узнать больше о тебе подобных и о смысле твоей жизни. Теперь они считают, что узнали все. Подавляющим большинством было принято решение против таких, как ты. Так что...

Голос мага продолжал звучать в полной тишине необитаемого острова, где мне уже пришлось пережить столько потерь. Однако, когда до меня дошел смысл его слов, я вдруг перестал их слышать. Все эти минуты я продолжал размышлять о том, как бежать от этого сверхъестественного существа. Бегство или нападение стали единственным, что занимало мой разум.

В одно мгновение я вспомнил свою предыдущую встречу с Ментумененом, и эти воспоминания не придали мне бодрости. Судя по тому, что я помнил, не приходилось сомневаться в том, что Ментуменен был демоном, а возможно даже полубогом. Увиденное мной подтверждало, что его могущество превосходит все человеческие возможности.

Осторожно отступая в сторону, туда, где почва была более твердой, я призвал на помощь спасительную мысль: демон Ментуменен, берегись раненого волка!

Возможно, я и прежде был опасен. Но, когда я не был ранен, где-то глубоко внутри

меня таился инстинкт самосохранения. Я постоянно взвешивал свои силы и порой даже был готов отступить перед лицом очевидной опасности.

Совсем иные мысли бушуют возбужденный мозг раненого волка. Внезапно случилось невозможное. Прежнее ощущение неуязвимости улетучилось без следа — ибо вот болтается обрубок кровоточащей плоти и каждый разорванный нерв отчаянно кричит от боли.

Да, берегись раненого волка!

Естественно, как Джеймс Эллисон, я знаю, что это не совсем так. Изучив историю эпох, что последовали за временами Гора, я понимаю, что в древности люди использовали членовредительство, чтобы подчинять себе опасных индивидуумов.

После победы Цезаря над войском Версингеторикса у каждого пленника из вражеской армии была отрублена правая рука и запястье немедленно крепко перевязано веревкой (я тоже перевязал свою отрубленную руку). И их целью, и моей было предотвратить смерть от потери крови. Римская справедливость, благородство и высокий уровень цивилизации не позволяли им убивать побежденных, даже делать их своими рабами. Их просто лишали способности снова воевать против Рима.

Так что, хоть я и рычал, бросая вызов богам, где-то внутри меня таился рабский страх,

который, возможно, испытывали и бывшие воины Версингеторикса.

Я мог поступить и иначе. Мог отступить, примириться с судьбой. Сколько лап нужно отрубить зверю, прежде чем он в конце концов ляжет и умрет? Или что нужно сделать с человеком, чтобы он признал: теперь я ничем не лучше крестьянина, пахавшего землю в двух днях пути отсюда, которого мы оставили в живых, поскольку даже мы понимаем, что кто-то должен делать и эту работу. Конечно, не мы, доблестные воины, но кто-то же должен.

Я чувствовал, как та часть моего разума, которая еще могла здраво рассуждать, лихорадочно перебирает возможные варианты. И еще я чувствовал, что, возможно, должен наконец сделать то, на что по-своему, по-женски намекала Шанара — скупой пролитыми слезами или иными знаками, которые не ускользали от моего внимания, но которые воин Гор не считал необходимым замечать.

Охватившие меня чувства и беспорядочные мысли могли бы привести к еще большему самоограничению — будь у меня время на то, чтобы позволить наполнявшей меня тьме продолжить свой молчаливый, смертоносный спор. Но, как это часто бывает, у воина не остается времени на размышления. Враг видел, что я серьезно ранен и потому он кинулся на меня, охваченный жадой убийства.

Берегись раненого волка! Ему нечего терять. Он будет сражаться насмерть и потому крайне опасен. Его уже не заботит, останется он в живых или погибнет.

И, будучи раненым, он вынужден прибегать к хитрости, а не к прямому нападению.

Открыто атаковать бога или демона, конечно, невозможно — так, стая волков не может атаковать буйвола. В свое время я наблюдал, как самонадеянные молодые волки получали горький урок, когда половина их товарищей погибала, а остальные, хромя, ковыляли прочь.

Умная стая сперва начинает досаждать опасной добыче. Несколько ложных прыжков в сторону головы — и сбита с толку жертва поворачивается туда, где лязгают острые сильные зубы. В это время другие волки вцепляются в задние ноги. Один, два, три быстрых укуса — и назад. Подобный метод требует времени, но в конце концов задние ноги массивного зверя уже не могут его удержать... Смелый, могучий буйвол, пришел твой час стать вкусным обедом для голодной стаи...

Первый удар моего меча был направлен в мантию Ментуменена. Когда он сделал выпад своей палкой, целя в одну из чувствительных точек на моем теле, — я слышал о подобных демонических устройствах и уклонился, — его мантия взмыла в воздух, и я ловко распорол ее край острым как бритва мечом Делрина.

Похоже, демоны не умнее людей, ибо он ликующе рассмеялся и сказал:

— Промaxedнулся! Но теперь ты увидишь, что промахиваешься все время.

На песчаном берегу столкнулись моя хитрая стратегия и его лобовые атаки. Каждый раз, когда он пытался ткнуть в меня своим жезлом, я старался избежать удара, уклонившись лишь на самую малость, так чтобы ему казалось, будто победа близка. И каждый раз мой меч отсекал еще один лоскут от его развешиваемой мантии.

Вскоре мантия превратилась в лохмотья. А затем Ментуменен неосторожно наступил на один из обрывков — и споткнулся.

Не могу сказать, как бы воспользовался подобной возможностью другой боец, но мой меч молниеносным движением рассек ремешок на заднике туфли на его правой ноге. Казалось, я не воспользовался тем, что противник мгновение был в полной моей власти.

В следующий миг Ментуменен освободил ногу, запутавшуюся в ткани. Видя кажущуюся тщетность моих усилий и радуясь тому, что не пострадал, он снова попытался ткнуть меня жезлом.

После двенадцати подобных попыток он топтался босиком на каменистой земле в зарослях, куда я завел его, отступая. Туфель на нем уже не было. Его левая штанина была распорота. Рукав черной шерстяной накидки

разорван от запястья до локтя, и тонкая струйка крови текла из мизинца его левой руки — результат первого преднамеренного соприкосновения моего меча с его плотью.

Казалось, Ментуменена это не беспокоило. Его худое смуглое лицо посерьезнело, но в сузившихся глазах не было страха. Глуп ли он? Думаю, его положение было значительно хуже. Он, обладавший особыми способностями, был посредником богов и потому просто не мог вообразить, что кто-либо из смертных способен представлять для него опасность. Он мог всего лишь коснуться своим жезлом определенных точек на моем теле — самое меньшее двух, самое большее трех, — и я немедленно был бы выведен из строя.

Однако даже к самому наивному из всемогущих в конце концов приходит понимание. Для Ментуменена этот момент наступил лишь тогда, когда он остался абсолютно голым, если не считать куска ткани, тянувшегося через его левое плечо и висевшего на ниточке на правом бедре.

Он ошеломленно заморгал и в ужасе кинулся бежать. Это произошло столь внезапно, что даже я был захвачен врасплох. Естественно, почти сразу же я бросился за ним следом. Обогнув каменный выступ, я увидел над головой обнаженную фигуру моего заклятого врага, неуклюже оседлавшего свой жезл. Видя, что с помощью магии он спасается бегством

по воздуху, где я не мог его догнать, я крикнул:

— Передай своим хозяевам, что я и мои дикие звери бросаем им всем вызов. Мы не дадим свершиться их зловещим планам, с которыми никогда — никогда — не согласимся!

Ментуменен поднимался все выше и выше, и я услышал его голос, доносившийся сквозь шум ветра:

— Помни предупреждение Ледяной Богини. Какое-то время тебе будет сопутствовать успех, затем все изменится. Очевидно, этот остров не станет для тебя роковым, но скоро — скоро! — ты испытаешь горькое разочарование мужчины, потерявшего свою женщину, которая не погибла, а принадлежит другому. Женщину, которая в конце концов стала достаточно взрослой, чтобы понять, что большой вонючий варвар взял ее силой.

Остров и в самом деле не стал для меня роковым. В тот же день после полудня ко мне вернулась надежда. Я начал обследовать корабль, который привел мою злополучную армию на гибель, с мыслями о том, что, возможно, мне удастся выйти на нем в море. Я надеялся, что ветер погонит корабль на восток — туда, куда уносили Шанару два летучих железных создания. Именно туда мне нужно было спешить.

Несмотря на зловещее предсказание Ментуменена, что в будущем Шанара оставит меня, сейчас она по-прежнему нуждалась во мне. Я

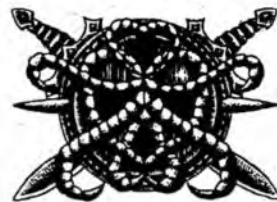
надеялся, что смогу спасти ее, прежде чем ее постигнет злой рок.

Что касается самого предсказания, мне на него было наплевать. Всем известно, что демоны — коварные твари, которые постоянно обманывают и лгут, выполняя волю своих небесных хозяев.

Пока я размышлял над возможностью морского путешествия в одиночку, далеко на горизонте появился парус. Вскоре у берега бросил якорь большой корабль и меня переправили туда на шлюпке. К утру я договорился с капитаном, что меня доставят к неизвестным восточным землям. В обмен я подарил ему свой корабль.

Глава одиннадцатая ОРУЖЕЙНИК И МАГ

дин! Единственный оставшийся в живых. Одинокый волк.

Искалеченный волк.

Гор Калека, который некогда был Гором Сильным.

Да, я все еще был Гором, но прежний Гор все больше и больше ускользал от меня, сжимаясь и уменьшаясь во времени и пространстве, подобно моей левой руке, ко-

торая гнила теперь вместе с трупами моих бывших товарищей на безымянном острове. Хотя трехногий волк обречен на скорую гибель, для умного человека потеря конечности вовсе не означает смерть, и потому человек во мне должен был вновь стать основой моего существа. Человек, а не волк. Не волк и не Ми-Го, а человек. Хомо сапиенс, или настолько близко к хомо сапиенс, насколько это было для меня возможно...

Ибо я больше не мог оставаться недостающим звеном цивилизации, скорее полужверем, нежели человеком. Я должен был обдумывать и планировать вещи куда более сложные, чем утоление голода стаи или удовлетворение своих инстинктов с охотно отдающейся самкой Ми-Го. Если я хотел выжить, я должен был рассуждать, как человек, отбросив все звериные желания и страсти, пока... пока что?

Когда корабль, который прежде был моим, а теперь принадлежал моему спасителю, моряку-туранцу, оказался вблизи берега, я оторвался от размышлений, вновь переключившись на происходящее вокруг...

Когда туранец нашел меня на залитом кровью берегу того кошмарного острова, первой его мыслью было прикончить меня. Однако в маленькой шлюпке вместе с ним на остров высадились двое, и они были моряками, а не воинами.

Так что туранец предложил мне сделку: мой корабль в обмен на безопасную доставку

к восточному побережью. Почему бы и нет? Какая польза от корабля мне, одинокому калеке? Однако я едва не разорвал нашу сделку, не успев ее заключить, когда увидел, что делают спутники капитана с телами моих убитых товарищей.

Мародеры! Они отрезали пальцы трупов ради золотых и серебряных колец, отрубали очеченные руки ради браслетов, выдирали серьги с драгоценными камнями из ушей и выбивали золотые зубы из раскрытых ртов моих мертвых воинов! Как волку, выросшему среди волков, мне часто приходилось есть мясо свежее убитого человека, но лишь ради удовлетворения голода и желания жить, и ни по какой иной причине. Эти же люди были подобны стервятникам, и от их вида меня тошнило больше, чем от боли в обрубке руки.

Видя, что даже в таком состоянии я готов прийти в неистовство, туранский капитан поспешно объяснил, что эта добыча обеспечит безопасность моего путешествия. Драгоценности предлагались тем, кто согласится доставить меня к устью Запорожки. Едва он проговорил это, как двое мародеров, все еще занятых своим кровавым делом, хором закричали, что согласны.

О, отважные добровольцы, Кафра Талл и Зорасс Джадра — грабители мертвых! Итак, вы обещали безопасно доставить меня к восточному побережью? А что потом? Кто гарантирует вашу безопасность?

Слегка потускневший меч Делрина дрожал в моей здоровой правой руке. Все мое существо, помимо моей воли, призывало меня поднять меч и убивать, убивать, убивать!

Позже, сказал я сам себе. Позже.

И теперь этот момент наступил, и в моей голове начал созревать план...

Когда корабль подошел к скалистому берегу, за которым простирались густые джунгли и низкие, поросшие буйной растительностью холмы, я встал и подошел к рулевому. Зорасс Джадра окидывал беспокойным взглядом утренний океан в поисках чужих кораблей. Я знал, в чем причина его беспокойства, поскольку подслушал разговор моих спутников прошлой ночью. Эти воды с незапамятных времен славилась своими пиратами.

Ночной разговор четверых моих «компаньонов» сказал мне многое. Вот что мне удалось узнать...

Утром мы должны были оказаться в нескольких лигах от того места, где Запорожка впадает в Вилайет, и между нашим кораблем и рекой должен был оказаться город с весьма странным населением. Четыреста лет назад туранцы построили на море крупный форт, разместив там военные корабли из Аграпура и других городов западного побережья. Задача этих кораблей была проста: расправиться с пиратскими бандами, корабли и поселения которых роились словно мухи вдоль берегов реки Запорожки.

Однако несколько десятилетий спустя пираты сами овладели крепостью, свергли капитанов военных кораблей, и пиратская армада двинулась на разграбление самого Аграпура. В морском сражении при Аграпуре обе стороны потеряли более половины своих воинов, а уцелевшие вернулись в свои гавани, зализывая раны и восстанавливая понесенные потери. Затем в течение более двух столетий над водами Вилайета установилось тревожное перемирие. У туранцев были свои проблемы, у пиратов тоже, и на какое-то время им стало не до войны.

Таким образом, форт на восточном побережье превратился в небольшую крепость за высокими стенами, окруженную лабиринтом улиц и лавок и населенную самой невероятной смесью рас и народностей, какую только можно себе представить. Постепенно пираты привыкли к комфорту цивилизованной, более или менее спокойной жизни; многие стали лавочниками и торговцами, а с них взяли пример и их сыновья.

Они торговали вдоль всего побережья моря Вилайет и терпеть не могли настоящих, бродячих пиратов с реки, а потому почти полностью их уничтожили. Установились торговые связи: по морю — с городами западного побережья, по суше — вдоль всего восточного берега, далеко на восток, до самого Кхитая с его яшмовыми куполами и курильнями опиума.

Вновь открытые морские и сухопутные пути процветали, привлекая в утробу Запорака всех бродяг, купцов и воров мира. Узкоглазых торговцев шелком из Кхитая можно было встретить бок о бок с бородатыми гирканскими оружейниками и искателями приключений и наемниками из Киммерии; дворцы изгнанных туранских владык стояли рядом с хижинами черных замбуланских каннибалов, которые приучались питаться мясом менее разумных существ; люди из Иранистана и Бритунии пили вместе в прибрежных тавернах и разыгрывали в кости сомнительные прелести заморанских проституток...

Из всей этой многоязыкой орды возник самый странный из всех символов цивилизации тех беспокойных времен, и имя Запорака стало синонимом гостеприимства!

Затем вернулись пираты...

Морские коршуны вновь начали разбойничать в морях, где почти все уже позабыли об их существовании. Да, теперь их было намного меньше, но соответственно и добыча их стала намного богаче. Они обосновались на прежних местах по берегам реки, где при необходимости могли скрываться в течение многих месяцев, прежде чем выйти в море на очередную охоту. Было ясно, что пройдет еще несколько лет, и они начнут представлять не менее серьезную угрозу, чем печально знаменитые пираты прежних времен.

Именно пиратов и опасались Зорасс Джадра и трое туранцев. Пиратов, поджидавших легкую добычу на подходных путях к Запораку. Торговцы из города обычно выходили в море под охраной нанятых ими военных кораблей, но иногда капитан не мог или не желал платить за подобную защиту и становился желанной целью для морских разбойников.

Конечно, на нашем маленьком корабле не было никаких сокровищ. Однако он мог оказаться лишь игрушкой для изголодавшихся по развлечениям пиратов!

Мы двигались на юг вдоль побережья в сторону Запорака. Через час мы должны были благополучно достичь порта, если, конечно, ничто нам не помешает. Однако я чувствовал, что нам это не удастся, и именно поэтому подошел к стоявшему у руля Зорассу Джадре. Он не мог чувствовать опасность так, как я, и глаза его не могли видеть, как глаза волка. Паруса приближавшегося к нам разбойничьего корабля виднелись на горизонте уже по крайней мере минуты три, когда я сказал ему:

— Паруса Зорасса Джадры, пиратские паруса. Они догонят нас задолго до того, как мы доберемся до Запорака...

— Паруса? Пираты? — Он резко повернулся, окидывая взглядом открытое море, затем увидел надутые паруса — один большой и один маленький, — очертания которых быстро увеличивались на горизонте. Лицо его исказилось от страха.

— Кафра Талл! — закричал он. — Джорим, Герам Филосс! Все наверх, быстро! Пираты!

— Пираты? — воскликнул Кафра Талл, выскочившая на палубу, бодрый и свежий, словно и не спал еще секунду назад. — Где?

Позади него с тревожными криками выби-
рались из прохладной тени под палубой ос-
тальные.

— Вон, вон они! — крикнул Зорасс Джад-
ра, показывая вдаль трясущейся рукой. — Они
настигнут нас еще до того, как мы обогнем
мыс!

Герам Филосс, моряк более опытный, по-
слюнил палец и подставил его ветру.

— Не обязательно. С суши дует хороший
ветер, а наш корабль достаточно легкий. Если
мы пойдем под всеми парусами, им нелегко
будет нас догнать.

— Погодите, — сказал я, прислонившись
спиной к борту. — Вам заплатили за то, чтобы
вы доставили меня в Запорак. — Они тупо
установились на меня, словно увидели первый
раз в жизни. Затем, не обращая на меня вни-
мания, Герам Филосс вырвал руль у Зорасса
Джадры, в то время как остальные двое бро-
сились к парусам.

— Нет, — глухо прорычал я, — в откры-
тое море мы не пойдем. — Я толкнул Герама
Филосса плечом, и он рухнул возле руля на
палубу.

Ругаясь, он вскочил на ноги и схватился за
висевший на поясе длинный нож, но меч Дел-

рина, казалось, стал действовать по своей соб-
ственной воле. В последнее мгновение моряк
попытался уклониться, но слишком поздно.
Острие меча свистнуло между его оскаленны-
ми зубами, напроць срезав нижнюю челюсть и
вонзившись в горло. Мгновение спустя он был
мертв.

Остальные трое набросились на меня, и
корабль развернуло бортом к ветру. Зорасс
Джадра занес кривую саблю высоко над моим
плечом, но я, опустившись на одно колено,
вогнал меч Делрина ему в пах, распоров жи-
вот до пупка.

— Ты ублюдок и мародер, — сказал я, гля-
дя, как оседает его тело, — а я волк. Волк! —
яростно зарычал я, поворачиваясь к остав-
шимся, которые, оцепенев от ужаса, смотре-
ли на меня остекленевшими глазами. Опы-
ненный кровью, с горящими как у зверя глазами,
я рванулся к ним. Кафра Талл успел поднять
кинжал, защищаясь от сокрушительного уда-
ра, но увидел лишь разлетающиеся обломки
своего меча, за мгновение до того, как мой
собственный меч рассек пополам его голову,
шею и грудь.

Оставался лишь Джорим, напавший на меня
с топором сзади. Мой волчий слух уловил свист
воздуха, рассекаемого его тяжелым оружием,
и, упав на колени, я замахнулся потемневшим
от крови мечом Делрина. Топор Джорима
плашмя скользнул по моему черепу, но мой
кинжал вспорол ему живот, и внутренности

вывалились на палубу, обрызгав меня липкой слизью. Я выдернул меч и вонзил его острие в сердце противника, еще до того, как у него начали подгибаться ноги. Он рухнул на палубу, и изо рта его хлынула кровь. Мгновение спустя он был мертв.

Я поискал, кого бы еще прикончить, но никого не осталось, если не считать приближавшихся пиратов. Схватившись за руль, я развернул корабль в сторону оконечности мыса. Предстояло лишь обогнуть его, и от Запорака меня бы отделяло не больше полутора лиг.

Когда мне наконец удалось выровнять корабль, пираты уже почти настигли меня. Я уже видел их смуглые, покрытые шрамами лица, ощущал их злобные взгляды. Еще несколько мгновений — и они сцепят два корабля вместе abordажными крючьями. Не найдя на борту почти ничего ценного, они наверняка убьют меня и потопят корабль ради забавы.

Я взял небольшой бочонок с водой и вылил его содержимое на палубу. Затем я собрал драгоценности моих прежних товарищей, которые похитили мародеры Кафра Талл и Зорасс Джадра, и, завернув отрубленные пальцы, уши и так далее в тряпку, запихнул сверток в бочонок. Затем я крепко привязал к себе меч Делрина.

Пираты были уже рядом, и в воздух взлетели abordажные крючья. Облив паруса маслом, я поджег их и навалился на руль, пока острый нос моего корабля не развернулся. Ветер с

суши наполнил пылающие паруса. Пираты поняли, что их ожидает, но было уже слишком поздно. Я протаранил их, и горящие мачты рухнули на палубу их корабля. Меня тоже сбило с ног, и когда я снова поднялся, то увидел, что оба корабля получили пробоины и медленно погружаются в пучину.

Я схватил бочонок и в то же мгновение увидел мелькнувшую на палубе тень. Один из пиратов прыгнул на мой корабль, несомненно намереваясь отомстить. Обезумев от ярости, он бросился ко мне, размахивая мечом. Я выставил перед собой бочонок, и клинок пирата застрял в нем. Прежде чем он успел выдернуть меч, я ударил его ногой в пах и, когда он согнулся пополам, обрушил бочонок ему на голову. Брызнули кровь и мозги, но я потерял равновесие и, поскользнувшись на окровавленной палубе, полетел за борт. Падая, я ударился головой о фальшборт, и...

* * *

...Она всплывала из неведомых глубин, восхитительно прекрасная, но столь же холодная, как и бездонная пучина, из которой она поднималась. Она казалась зеленой в океанской пене и в затуманенных смертью глазах. Глазах утопающего — глазах волка — моих глазах!

Однако, когда она заговорила, я понял, что передо мной не сирена, не морское создание. Она существовала лишь в моем разуме, а не в

кружавших меня волнах. Ведь бесчувственное состояние во многом подобно сну, а она мела подчинять человеческие сны своим собственным целям. Ибо это была Богиня, Ледяная Богиня Итиллин, первая дочь тех Ледяных Богов, чьими детьми были Морозные Исполиты.

— Ну вот, Гор,— сказала она, и голос ее был подобен ветру, что гонит снежные вихри по ледяной пустыне,— ты покидаешь мир людей, не исполнив пророчества Ледяных Богов, не так ли?

— Оставь меня,— прорычал я,— и пусть будет что будет.

— О нет! — возразила она.— Для тебя еще есть работа, убийца собственной матери!

— Да? И я все еще должен спасти цивилизацию от разрушения и отдать ее айсирам? — насмешливо спросил я, глядя, как поднимаются перед моим лицом пузырьки покидающего легкие воздуха.— Дай мне утонуть спокойно — или спаси, если можешь. Так или иначе, ледяная ведьма, мне плевать на твою болтовню и бесовские пророчества. И поскольку я знаю, что ты не станешь меня спасать, утони же вместе со мной!

С этими словами я потянулся было к ее горлу, но обнаружил, что моя единственная здоровая рука крепко схвачена веревками, обмотанными вокруг бочонка.

— Моя рука! — в ярости закричал я.— Верни мне руку, ледяная ведьма, и я задушу тебя!

Она рассмеялась, и смех ее был подобен стуку градин о землю.

— Твоя душа полна жаждой мщения, Гор, и глаза горят адским пламенем, но ты готов без сожаления расстаться с жизнью. Таковы все, подобные тебе. Но нет, ты не умрешь сейчас. Неужели ты хочешь умереть и покончить с жизнью... и с Шанарой?

— Не произноси ее имени, ведьма белой пустыни! — злобно ответил я.— В моей жизни было мало радостей, но Шанара — одна из них. Теперь она потеряна для меня — так же как и моя рука, и множество хороших друзей. Зачем мне жить?

Взгляд Итиллин посерьезнел, и мне показалось, что моей щеки касается ее ледяное дыхание.

— Ты не умрешь, Гор. Однажды я сказала, что твой удел — спасти цивилизацию. Теперь я говорю, что ты спасешь *все* цивилизации Земли. Ментуменен бросил вызов всем богам — и Юга, и Севера — и призвал себе в помощь силы, которыми сам не в состоянии управлять. Эти силы могут уничтожить нас всех!

Пока что Ментуменен смертен и, несмотря на все свое волшебство, остается человеком, но все больше и больше его человеческая сущность вытесняется силами тьмы. Вскоре он уже не будет человеком по имени Ментуменен, а станет истинным воплощением одного из тех, кому служит, демоном в человечес-

ком обличье. И кто может сказать, орудием какой чудовищной магии он станет? В данный момент в его руках Шанара, и с ее помощью он может подчинить тебя, бросить тебя в бой против его врагов, против твоих же собственных Ледяных Богов...

— Так же как ты хочешь бросить меня в бой против него? — усмехнулся я. — И скажи, пожалуйста, какое мне дело до Ледяных Богов?

Если боги умеют пожимать плечами — Итиллин пожал плечами.

— Несмотря на всю твою непочтительность и высокомерие, ты должен спасти Шанару, если сумеешь. А наше желание — спасти целую вселенную. Цели и мотивы богов во много раз величественнее, чем цели смертных. — Она помолчала, затем продолжила: — Я прокляла тебя, и мое проклятие нерушимо, однако я могу даровать тебе благо. Ты просил вернуть тебе руку, чтобы задушить меня. Что ж, ты получишь руку... в некотором роде. И поскольку магия похитила у тебя Шанару, магия же поможет тебе ее вернуть. Теперь я кое-что тебе скажу. Можешь забыть что угодно, но не забудь вот этих слов: ты найдешь оружейника и мага. Первый — непревзойденный мастер в своем искусстве, ты узнаешь его, когда увидишь. Второй занимается белой магией. Найди их. Если ты, убийца матери, посмеешь ослушаться, обречена не только Шанара, но и все будущее человечества...

С этими словами она исчезла.

Сильные руки вытаскивали меня из моря на палубу военного корабля.

— Что, только один черный пес уцелел? — донесся голос, мгновенно приведший меня в чувство. — Только один пират, да с ним его большой меч, а все смелые парни с маленького торгового корабля пошли на дно вместе со своим судном. Что ж, мы знаем, как поступить с этим псом!

— Подождите! — закричал я. Почувствовав под ногами твердую палубу, я вырвался из удерживавших меня рук. — Я был владельцем этого корабля, а не пиратом. Какая польза пиратам от однорукого? А теперь, когда я потерял корабль и всех своих друзей, где же знаменитое гостеприимство Запорака, о котором я столько слышал? Вы ведь из Запорака, правда?

— Да, — согласился незнакомец. — Но ты можешь доказать, кто ты?

— Нет, — ответил я, яростно глядя на незнакомца, очевидно капитана корабля, — но я могу разбить череп любому, кто назовет меня лжецом! — И я угрожающе взмахнул привязанным к руке бочонком.

Капитан — невысокий человек, с коротко постриженной бородкой, носивший как знак своего высокого положения красный пояс и тюрбан с золотой застежкой — нахмурился и, прищурившись, посмотрел на меня. Наконец, словно на что-то решившись, он улыбнулся и сказал:

— Что ж, пират ты или и нет, но ты единственный, кто остался в живых. И если это ты протаранил ту паршивую пиратскую посудину...

— Да, я.

— Тогда ты имеешь право на гостеприимство Запорака. Мы не можем позволить, чтобы честные торговцы страдали от рук...

— У вас найдется для меня каюта? — прервал я его. — Мне нужно немного побыть одному — прийти в себя и поблагодарить богов за свое спасение. — Конечно, это была лишь отговорка, вовсе мне несвойственная, поскольку мне никогда не приходилось лгать. Я никогда не молился богам и не благодарил их. Я просто не хотел, чтобы кто-нибудь увидел маленький сверток, лежавший в моем бочонке. Было бы слишком сложно объяснить происхождение мрачных человеческих останков, лежавших там вместе с всевозможными безделушками. Несомненно, меня бы тут же сочли пиратом.

Мне показали каюту с окном над палубой, через которое я и выкинул в море куски плоти. Прежде чем сойти на берег, я спросил капитана:

— Возможно, ты мог бы мне еще раз помочь. Прежде всего мне нужен... оружейник... — И он показал мне на пышущую жаром мастерскую на пристани.

Стоя в дверях, я наблюдал за человеком, работавшим в дымном пламени кузнечного гор-

на. С первого же взгляда я понял, что это именно тот, кто мне нужен. Он трудился над крюком, прикрепленным к стальной чаше. Время от времени он примерял чашу к обрубку руки сидевшего перед ним старого моряка. Наконец зловещего вида крюк был подогнан как следует и его закрепили ремнями. Моряк немного помахал им в воздухе, улыбнулся, заплатил и повернулся, собираясь уходить. Именно в этот момент они оба увидели меня. Я прошел мимо старика и протянул оружейнику свою изуродованную левую руку.

— Мне нужно кое-что особенное, — сказал я. — Длинный нож, арбалет, крюк. Оружие. Можешь сделать?

Он кивнул.

— Да, могу.

Он посмотрел мне в глаза и вздрогнул. Несмотря на то что оружейник был сильным, широкоплечим человеком, с крепкими, как и металл, который они обрабатывали, руками, он смотрел на меня и трясся; затем он тихо выругался и сказал:

— Я... я знал... что ты придешь.

— Да?

— Вчера ночью во сне меня посетило видение.

Я кивнул:

— Женщина, Ледяная Богиня. Я знаю.

— Она называла себя...

— Итиллин, — угрюмо закончил я. — Послушай, у меня есть кое-какие безделушки,

драгоценные камни, немного золота и серебра. Они твои, если...

— Нет, нет. — Он поспешно поднял руки. — Мне ничего не нужно. И я могу сразу же начать работать. Я уже нарисовал чертежи сегодня утром...

* * *

Пока не была закончена моя новая «рука», я жил в мастерской Дар'аха Хумарла. Лежа на полуоткрытой площадке над мастерской, я прислушивался к густому храпу Дар'аха. На то, чтобы изготовить «руку» — устрашающее оружие, в сущности, целый арсенал, — потребовалось целых четырнадцать дней, хотя Дар'ах работал по четырнадцать часов в день. Все это время он отказывал другим заказчикам, сосредоточившись на завершении моего заказа.

Мы почти не разговаривали; он работал, а я наблюдал за ним, временами оказывая посильную помощь. Постепенно между нами возникло некое родство, и мы молча восхищались друг другом. Мне нравились как сила Дар'аха, так и его немногословность. Его благоговейный страх передо мной, несомненно внушенный ему во сне Итиллин, сменился дружелюбным любопытством. Меня очень интересовало, что же рассказала ему обо мне ледяная ведьма, и я решил расспросить его, прежде чем мы расстанемся.

Я все-таки убедил его взять безделушки, когда-то принадлежавшие моим товарищам,

погибшим на безумном острове. Поскольку так называемые «цивилизованные» люди придавали такое значение этим несъедобным побрякушкам, мой подарок, несомненно, должен был сделать Дар'аха Хумарла достаточно богатым. Тогда я не мог предвидеть, что мой подарок приведет его к гибели.

Поздним вечером тринадцатого дня моя новая рука была наконец завершена, покрыта черным лаком и повешена для просушки. Дар'ах обещал мне, что завтра я снова стану полноценным человеком — по крайней мере, настолько, насколько это позволяло его искусство. Выбрав из вещей, которые я ему дал, массивный золотой перстень с красным камнем, он вышел и вскоре вернулся с полной корзиной хлеба и мяса, сгибаясь под тяжестью меха с вином, лежавшего на его могучих плечах. Кроме того, в его кармане брякало несколько десятков тонких треугольных запоракских монет, которые могли обеспечить ему приличную жизнь в течение трети года.

Я выпил много вина и быстро опьянел от непривычки к сладкому напитку. Дар'ах беззлобно рассмеялся, когда я пошатнулся и чуть не свалился с лестницы, которая вела к моей деревянной постели наверху. Проснувшись, я понял, что что-то не так. Надо мной, сквозь отверстие в крыше, словно зловещий кровавый глаз светила полная луна. Я почувствовал запах крови.

Что меня разбудило?

Крик? Шум внизу? Дар'аха в углу не было. Я подошел к его койке. Оружейника там не было, не было и золотых безделушек, спрятанных под его одеялом! Я поспешил вниз, в мастерскую.

Моя металлическая рука все так же висела в темной нише в стене, скрытой от посторонних взглядов. Но никаких следов Дар'аха я не обнаружил. Запах крови здесь ощущался отчетливее, и мгновение спустя я чуть не споткнулся о тело... Голова Дар'аха была разбита, и кошелек пуст.

Я вмиг протрезвел, и мой нос уловил в воздухе запахи трех человек. Видимо, они заметили Дар'аха в городе, когда он ходил за покупками. Да, их было трое — я это знал. Они вернулись сюда следом за ним и стали ждать. Когда все затихло, они вошли, и один из них пробрался по лестнице наверх. Он забрал безделушки, но потревожил сон Дар'аха. Дар'ах последовал за вором вниз, в мастерскую, где прятались в тени двое, которые быстро и без шума прикончили кузнеца.

Черное злодейство! И вся цивилизация — сплошное зло...

Я отыскал их в таверне недалеко от моря. В одном из злачных мест Запорака, которые не закрывались всю ночь, обслуживая рыбаков, путников и торговцев, поздно прибывав-

ших в порт. Это заведение относилось к числу низкоразрядных. Все трое стояли возле стойки и разыгрывали в кости свою добычу. Подонки-гирканцы с лицами заматерелых убийц. Я увидел, как один из отделанных камнями браслетов меняет владельца, и узнал в нем украшение, которое когда-то носил на руке один из моих товарищей.

Шагая среди пьяных посетителей этой дыры, я приблизился к стойке и, наклонившись к одному из троицы, прошептал:

— Знаешь Дар'аха?

— Что?.. — Он повернулся, хватаясь за нож. Я сбросил накидку, прикрывавшую мою левую руку, и повернул металлическое запястье. Сверкнуло узкое, острое как бритва лезвие и с легкостью вонзилось в бок убийцы. Практически не ощущая сопротивления, я повернулся, почти перерезав пополам вытаращившую глаза жертву. Подняв руку, я рассек лицо второго гирканца, от уха до уха.

Пока его подельники падали на пол, третий повернулся и бросился бежать. Я повернул металлическое запястье, когда он уже был у открытой двери. Окровавленное лезвие исчезло из виду, скрывшись в металлическом футляре, а я поднял руку и направил ее на дверь, на фоне которой вырисовывались очертания последнего грабителя. Прежде чем он успел скрыться, я нажал вделанную в руку кнопку. Послышался звук мощной пружины, и я ощутил легкую отдачу. Железная стрела вон-

зилась в позвоночник моей жертвы, вышвырнув убийцу на улицу.

Покинув таверну, я наклонился, чтобы выдернуть стрелу из спины мертвеца, и, оглянувшись, увидел в открытых дверях множество ошеломленных лиц. Мгновение спустя я уже мчался по ночной улице, словно тень, быстро растворявшаяся во мраке.

Над моей головой мрачно усмехалась луна, словно знала некую неведомую мне тайну. Близились полнолуние. Уставившись на желтый круг в небе, я зарычал, ощущая вспыхнувший в моих жилах странный огонь, — такого никогда не случалось прежде.

Оружейник и волшебник, сказала ледяная ведьма. Что ж, я нашел оружейника, а теперь должен был искать волшебника, белого мага. Но даже без него я ощущал, как в меня проникают магические силы. Я снова взглянул на луну и, инстинктивно присев по-волчьи, закинул голову и завыл. Я выл долго и протяжно, наполняя страхом улицы Запорака. Многие в эту ночь вздрагивали в своих постелях, преследуемые странными снами...

Глава двенадцатая ДАР ЛИКАНТРОПИИ

Я

не знал, что вело меня среди лабиринта незнакомых улиц, мимо тускло освещенных винных лавок, из которых доносились хриплые голоса пьяных посетителей.

Никогда прежде я настолько не ощущал себя волком. Никогда прежде не случалось, чтобы некий глубоко укоренившийся во мне инстинкт

не позволял мне выпрямиться в полный рост, как подобает человеку.

Из моего горла вырывался глухой рык, казавшийся мне таким же естественным, как дыхание. Словно я был вожаком волчьей стаи, разделяющей тушу ничтожного создания под названием «человек».

Люди поступали так же, как волки, лишь с большим коварством и вероломством, делая вид, что сражаются ради справедливости или из сострадания к другим. Как ни странно, так им было легче убивать себе подобных. Но в любом случае они убивали и продолжали убивать, как волки. Так не лучше ли было просто *быть* волком, не обремененным чувством вины?

В том, что волки убивают свою добычу, нет ничего странного или неестественного, но каждый раз, когда я начинал ощущать себя чуть больше человеком, меня тут же охватывали ярость и стыд, и я поспешно выбрасывал из головы подобные мысли.

Узкие улицы петляли из стороны в сторону, некоторые заканчивались тупиками (совсем как в пограничных королевствах Немедии, особенно в Бельерусе, казавшемся мне теперь таким же далеким, как в Аргосе, Шеме или тропических лесах Кешана), заставляя меня возвращаться назад, в попытках выбраться из ограниченного морем лабиринта Запорака. Я уже говорил — я не знал, что руководило мной. Возможно, сейчас я про-

сто не придавал значения тому, что чувствовал или подозревал.

Я ни на мгновение не сомневался, что все еще нахожусь под действием заклятия Ледяной Ведьмы, как бы далеко она ни находилась в данный момент, и что ее могущество по-прежнему столь велико, что рано или поздно я все равно помчусь к обители Белого Мага. Я знал, что это она порождает в моем мозгу картины, которые, хоть и были призрачны, неизбежно поведут меня к цели, когда я покину Запорака и окажусь в пустыне.

Я даже знал, что искомая обитель будет каменной — возможно, башней посреди бесплодной равнины или пещерой глубоко под землей.

Я был уверен, что Итиллин приведет меня к цели. Разве она не появилась передо мной из морских волн, когда я был так близок к гибели, и не сказала мне такое, что я вновь стал считать ее ведьмой, но вместе с тем и богиней, которой она себя провозглашала? Если уж она решила спасти мне жизнь, то должна была вести меня по предначертанному пути до конца.

В чем именно заключалась ее цель, я не знал. Мне было известно лишь то, что моя встреча с Белым Магом так же важна для нее, как теперь и для меня.

Вот почему я терпеливо кружил по улицам Запорака, зная, что скоро окажусь за его пределами и помчусь вперед, пока его белые,

посеребренные лунным светом, башни не скроются вдаль.

И мои ожидания подтвердились. Когда в конце концов Запорок остался позади и передо мной раскинулась песчаная пустыня, среди которой возвышались лишь несколько валунов, я ощутил столь сильное желание спешить, что даже не оглядывался назад, до тех пор пока город не исчез из виду.

Горизонт впереди, казалось, сливался с безжизненной равниной, однако вскоре вдаль показалась широкая каменная стена. Подъехав к ней, я увидел, что в глубь ее уходит прямой туннель, освещенный тусклым красноватым сиянием, а прямо перед входом в воздухе висит светящийся кроваво-красный знак, подобного которому я никогда прежде не видел.

Его треугольные с одной стороны и округлые с другой очертания показались мне неким волшебным талисманом, который, возможно, было опасно переступать. Однако, когда я прошел сквозь него и вошел в пещеру, ничего не случилось.

Это была очень большая пещера, и несколько мгновений мои волчьи глаза могли различить лишь туманные, будто подпрыгивавшие вверх и вниз силуэты.

Затем свет стал несколько ярче, и я увидел...

Мне приходилось раскалывать черепа множества врагов. Я отрубал руки и ноги, погру-

жал меч глубоко в животы. Я потрошил противников, разрубая от груди до паха, и без жалости глядел, как вываливаются на землю их внутренности.

Однако, насаженные на железные крючья, скелеты носили следы таких изощренных пыток, что любой другой, менее стойкий, чем я, в страхе бежал бы прочь, ибо то, что некогда случилось с незваными гостями, могло произойти и сейчас, и казалось куда ближе к черной магии, чем к белой.

На мгновение из-за игры света и тени мне почудилось, что скелеты вновь обросли человеческой плотью. В этом красном сиянии создавалось впечатление, что их все еще терзают и раздирают на части сотнями изощренных способов, ибо на костях еще оставалось достаточно мяса, чтобы стало ясно — то, что с ними делали, вряд ли повторялось когда-либо еще. На такое не были способны даже каннибалы, которые, собравшись вокруг костров в далеком Кешане и бормоча бессвязные заклинания, кусок за куском бросают в огонь человеческие останки.

Навстречу мне из тени вышло самое волосатое существо из всех двуногих, которых я когда-либо встречал, однако черты лица и телосложение у него были человеческие. Его бочкообразную грудь покрывали густые волосы, напоминавшие мех. Огромные мускулистые руки придавали ему сходство с гориллой.

— Пусть моя небольшая коллекция трофеев тебя не беспокоит,— сказал он без всяких предисловий удивительно тихим голосом.— Они были врагами Итиллин, и моими тоже. С теми, кто питает к нам вражду, следует поступать жестоко. В каждой щели есть ядовитые змеи, у которых следует отбивать охоту к приключениям.

Он помолчал, затем продолжил:

— Итиллин заверила меня, что ты друг, которому нужна моя помощь. И, хоть я человек в полной мере, мне приятны только волки и их родня.

Он кивнул, и его губы раздвинулись в беззубой улыбке.

— Ты наверняка слышал, что я часто превращаюсь в настоящего зверя. Но это не имеет ничего общего с действительностью. Я маг, а маг может изменять свою внешность так, как считает нужным. Но эта внешность — иллюзия, которая существует лишь в глазах зрителя. Это не означает, что я перестаю быть тем, кто я есть. Даже если бы тебе показалось, что я превратился в крокодила — а это я могу с легкостью совершить прямо на твоих глазах.

Я попытался заговорить, но услышал лишь волчьи звуки, срывающиеся с моих губ. Только ценой отчаянных усилий я сумел произнести слова, которые, как я надеялся, будут ему понятны. Или я ошибся? Похоже, он понял то, что я пытался сказать, еще до того, как я вновь обрел способность изъясняться по-человечески.

— Мне не нужно ни во что превращаться,— сказал я.— Ни в твоих глазах, ни в глазах других. Я больше волк, чем человек, и те, кто меня знает, быстро понимают это, без помощи магии и бессмысленных иллюзий.

— Ты всегда считал себя волком,— сказал маг.— И это понятно. Ты был воспитан волками, и именно с точки зрения волка ты наблюдал, как волки раздирают на части твою мать. Но это лишь обман, иллюзия. Думаю, это пройдет. Я уверен, со временем ты поймешь, что я говорю только правду, хотя тебе и не легко признать свое человеческое происхождение. Даже перед самим собой.

Я ничего не сказал, ибо его слова были для меня солью, падающей на кровоточащую рану.

— Что, если я сделаю тебя настоящим волком? — спросил он.— Полностью, до самого мозга костей. Ты будешь волком всякий раз, когда пожелаешь... Ты сможешь быть тем, кем не мог стать еще ни один человек. Всякий раз, когда возникнет нужда заручиться поддержкой великих сил, которые намного старше Человека и доступны лишь тем, кто помнит первобытные инстинкты, как на земле, так и в межзвездных просторах. В том числе и волкам, бегущим сквозь ночь в свете полной луны.

— Ты можешь сделать меня...

— Настоящим волком,— повторил маг, прежде чем я успел договорить.— Я могу наделять тебя бесценным даром ликантропии.

Ты должен произнести лишь несколько слов. Они опасны для меня, но не для тебя. Впрочем, Итиллин защитит меня, когда я произнесу их, и со мной ничего не случится. Однако в любое другое время... Но это, неважно. Мне гарантирована безопасность, а для тебя превращение займет лишь мгновение или два, и продлится столько, сколько ты пожелаешь. А когда захочешь, ты можешь вернуться в человеческий облик, просто повторив эти слова в обратном порядке. Не нужно касаться никакого талисмана. Не нужно пить магическое зелье. Я обо всем позабочусь, и Итиллин мне поможет.

— Это ее желание? — спросил я. — Желание холодной, безжалостной...

— Нет, нет, ты несправедлив к ней, — возразил маг. — В глубине души она привязалась к тебе. Однако ее мысли занимает великая цель, которую даже я не в состоянии понять.

— Возможно, ты прав, — задумчиво проговорил я. — Что ж, хорошо. Скажи мне слова, которые нужно произнести...

— Это не так просто, — ответил он. — Сначала я должен впасть в транс и призвать все свои внутренние силы, чтобы слова стали по-настоящему магическими. И еще я должен призвать в помощь Итиллин, которая сейчас далеко.

— Далеко? — спросил я. — Я слышал ее голос, он вел меня к тебе.

— Это не более чем аура, которую она создала и внедрила в твой разум во время вашей последней встречи. Мне же нужна от нее более серьезная помощь.

Он пристально смотрел на меня, и мне вдруг показалось, что он читает мысли, которые я не решался высказать вслух.

— Ты, конечно, полагаешь, что никто не станет наделять тебя бесценным даром, не требуя ничего взамен, — сказал он. — Ты с недоверием относишься к любому, чья щедрость превосходит все границы. Твое недоверие вполне оправданно. Однако я хотел попросить тебя лишь об одной небольшой услуге. Ты когда-нибудь слышал о Ламариле?

Я покачал головой.

— Ламариль Непобедимый, — сказал маг. — Он движется сюда с Севера, намереваясь опустошить прибрежные равнины и обратить в рабство всех, кому повезет остаться в живых после резни. Или, скорее, кому не повезет. Меня же он уничтожит после долгих дней и ночей медленных пыток, поскольку мы когда-то поссорились и он считает меня своим первым врагом.

Маг помолчал, все так же пристально глядя на меня.

— Он возглавляет могучую армию из многих тысяч воинов, — медленно продолжил маг. — Однако он всегда едет впереди своих легионов, опережая их на целую лигу и тем самым демонстрируя перед всеми свою дер-

зость и отвагу. Он ведет себя словно самолюбленное дитя, но во всем остальном он далеко не ребенок. Уничтожь Ламарилия, и его легионы в панике разбегутся, ибо они поклоняются ему, подобно богу.

— Я никогда о нем не слышал, но он наверняка смелый человек, раз отваживается на такой риск,— ответил я.— Ехать одному, зная, что можешь пасть от руки кого угодно: пиратов и людоедов, убивающих всех, кто встретится на пути, торговцев, готовых убивать ради спасения своего товара от жадных рук, всегдаев таверн, что по двое или по трое выходят ночью в пустыню с длинными острыми ножами, подстерегая неосторожных путников, чтобы заработать себе еще на одну порцию выпивки...

— Ты еще никогда не встречал такого человека,— сказал Белый Маг, прежде чем я успел договорить.— В нем больше семи футов роста, и его защищают как магические заклинания, так и доспехи, изготовленные самыми искусными оружейниками. Его ненависть ко мне столь велика, что он с радостью увидел бы меня насаженным на железный кол над стенами Запорака.

— Обещаю,— сказал я,— что выполню твою просьбу, чего бы мне это ни стоило,— ибо я считаю подобную услугу достаточно малым вознаграждением за дар ликантропии.

— Это все, о чем я хотел попросить,— удовлетворенно ответил маг.

Не сказав больше ни слова, он сел на пол пещеры и скрестил ноги.

Я внимательно наблюдал за ним. Он больше не смотрел на меня, и меховая накидка, висевшая у него на плечах и застегнутая на груди замысловатого вида застежкой с драгоценным камнем, казалось, почти сливалась с его волосатыми руками, ногами и выступающим брюхом. Он ни разу не опустил глаз и, подобно бритоголовым немедийским жрецам, смотрел прямо вперед, в пустоту.

Мне уже приходилось видеть человека, по своей воле погружающегося в глубокий транс. По словам некоторых, подобное состояние могло быть опасным, а путешествие в глубины разума могло превратить тело в подобие трупа и остановить дыхание.

Я никогда не видел, чтобы человек, пробудившись от транса, сошел с ума или умер в конвульсиях. Однако о подобных случаях я слышал достаточно часто, чтобы не считать их досужим вымыслом. Впрочем, сейчас меня интересовал лишь результат — могущество, которым маг мог наделить меня, совершив загадочное путешествие в глубь собственной души.

Я не слишком разбирался в магии. Но то, что после подобного транса несколько произнесенных слов или начертанная на песке шестиконечная звезда могли разбить вдребезги мечи тысячи наступающих воинов, вызвав среди них неопишемое смятение, — я однажды видел

собственными глазами. Хотя маг, наставший это чудовищное заклятие, был мне незнаком.

Воспоминания о том незабываемом дне молниеносно пронеслись в моем мозгу, и я сделал то, о чем позже мне пришлось пожалеть. Я снял меч Делрина и мою новую руку и положил их рядом с собой на землю.

Я вспомнил еще кое-что, о чем лучше было бы не вспоминать или усилием воли подавить эту мысль: перед тем как свершится магическое действие, доброе или злое, считалось разумным не искушать судьбу, держа в руках смертоносное оружие.

Я никогда не испытывал страха перед колдовством, оно не могло остановить моей руки во время сражения, однако те, кто был знаком с тайнами магии, много раз говорили мне, что меч в руках человека притягивает разрушительные силы. Смертоносный меч Делрина и моя новая рука стали частью меня самого и были для меня не просто оружием. Мудрость и бесстрашие в бою — разные вещи, и я не видел причин отказываться от мер предосторожности в присутствии Белого Мага, занимавшегося и черной магией, о чем неопровержимо свидетельствовали висевшие на стене пещеры скелеты.

Я знал, что при необходимости смогу достаточно быстро надеть свою вооруженную руку. Могла ли моя волчья хитрость сравниться с искусством человека, обещавшего мне этот дар? Я не мог с уверенностью ответить на этот

вопрос. Волк, как и человек, порой совершает неразумные поступки, но рискует значительно больше, забывая о всякой предосторожности.

Впрочем, дело было не только в этом. Если мне предстояло некое превращение, если дар ликантропии действительно был реальностью, наверное, мне следовало испытать его, будучи обнаженным. Искусственная рука, служившая мне оружием, могла оказаться помехой. Да и как бы я мог ею воспользоваться, став настоящим волком?

Казалось, сидящий ко мне лицом маг, даже будучи погруженным в транс, чувствовал мое замешательство и желал, чтобы я избавился от своей новой руки. Но я понимал, что нельзя доверять ему полностью. Однако не доверять тоже казалось неразумным, поскольку ликантропия была даром, которым мог наделить меня лишь он один. Дар этот был невероятно ценен, ибо, обладая им, я мог наконец найти путь к спасению Шанары и вновь заключить ее в свои объятия после того, как выполню данное волшебнику обещание.

Я пристально наблюдал за Белым Магом, как вдруг взгляд стал более осмысленным. Ноздри его вздрагивали, словно у зверя, уловившего, незнакомый запах, черты лица начали неуловимо меняться.

Порой, когда мною овладевали волчьи инстинкты, я тоже испытывал подобное возбуждение, и даже малейшие следы чужого запаха

заставляли меня приноживаться и предупреждающе скалить зубы.

Я понятия не имел, как долго продлится его транс, но ничуть не удивился, когда все неожиданно кончилось.

Волшебник медленно поднялся и плотнее запахнул меховую накидку. Взгляд его был абсолютно спокоен. Я сразу же понял, что у него все получилось.

Казалось, он собирается произнести магические слова, но маг лишь медленно отступил на шаг назад, продолжая задумчиво смотреть на меня.

— Мы оба должны быть очень осторожны, чтобы не оплывуть, — сказал он. — Эти заклинания могут показаться простыми, но стоит допустить малейшую оплошность, и все закончится очень печально. Ты понял?

Я весь обратился во внимание.

Он молчал почти минуту, словно давая мне понять, что осознает мое нетерпение и доволен, что я не пытаюсь задать ему лишние вопросы.

— Слова на самом деле просты, — наконец сказал маг. — Они на языке, которого ты не знаешь, но это не имеет значения. Это короткие, отрывистые слова без шипящих звуков, и если ты в состоянии произнести «Тиг-тат», то сможешь произнести и их. Неважно, если ты не сможешь выговорить их в точности так, как это собираюсь сделать я. Они настолько заряжены магией, что, даже

если ты произнесешь их заикаясь и запинаясь, ликантропическая трансформация наступит мгновенно.

Как я уже сказал, — продолжал он, — Итиллин обеспечила мне защиту на то время, пока я буду их произносить. Иначе я бы тоже стал волком.

— И ты хочешь, чтобы я произнес их, прямо сейчас?

Волшебник покачал головой.

— Это последнее, чего хотели бы от тебя Итиллин и я, — сказал он. — Ты должен покинуть эту пещеру в своем обычном облике, если намерен сдержать данное мне обещание, а также исполнить все, о чем она может попросить тебя в дальнейшем, ибо она заслужила твою благодарность. Ты сам поймешь, когда наступит подходящий момент. Когда ты увидишь одиноко едущего по пустыне Ламариля...

— Но если я не произнесу эти слова следом за тобой...

— Ты должен запомнить их, — прервал он меня. — Просто внимательно слушай. Слов всего четыре, все из одного или двух слогов. Я буду говорить медленно.

— Но моя память...

Он снова не дал мне договорить.

— Они навсегда врежутся в твою память, едва ты их услышишь. Ты никогда их не забудешь. Это тоже составная часть магии.

Он подождал, но, когда я ничего не ответил, быстро добавил:

— Навсегда забудь о ложном поверье, что для ликантропии необходимо дожждаться восхода луны или смены ее фаз. Ты можешь произнести магические слова в любое время, когда пожелаешь совершить трансформацию. А произнося их в обратном порядке, от последнего слова к первому, ты снова обретишь человеческий облик, так же быстро, как опускался на все четыре лапы. Слушай же.

Он выпрямился во весь рост, и то, что я считал какими-то невероятными заклинаниями, показалось мне бормотанием пьяницы, бредущего домой поздно ночью.

Я запомнил слова сразу же, лишь только он умолк. Мысленно повторил их три или четыре раза, плотно сжав губы, чтобы с них не сорвался даже самый тихий шепот.

Чтобы сосредоточиться, я опустил взгляд, и тут же хриплое дыхание Белого Мага сменилось странным шелестящим звуком.

Я решил, что, выполнив свою утомительную задачу, он просто отошел в глубь пещеры, и не обращал на него внимания, пока хриплое дыхание не послышалось вновь. И на этот раз оно казалось иным. Оно напоминало тяжелое дыхание зверя.

Резко подняв голову, я увидел, что передо мной уже не человек, а громадный, покрытый шерстью зверь с остроконечными ушами, оскаленными зубами и яростно горящими глазами, зверь медленно пятился назад, с его черных губ стекала слюна.

Я мгновенно понял, что он отступает лишь для того, чтобы тут же броситься на меня с кровожадным воем обезумевшего от голода волка. Ибо это был гигантский волк, самый крупный из всех, кого я встречал в ночных лесах и ледяных пустынях, он намного превосходил силой тех волков, что вскормили меня и считали своим соплеменником. Никогда прежде мне не приходилось видеть такого волка.

Я был уверен, что через две-три секунды этот чудовищный зверь вцепится мне в горло. Он стоял между мной и моим оружием и готов был прыгнуть, как только я пошевелюсь. Обладай я человеческой глупостью, я бы мог решить и иначе. Но я был не настолько глуп.

На расстоянии вытянутой руки на стене висела длинная пика с железным наконечником, на котором все еще болтались клочья почерневшей плоти. В то самое мгновение, когда зверь прыгнул, я рванул оружие к себе и ударил изо всей силы. Острый конец вонзился в его глаз, с хрустом войдя глубоко внутрь черепа.

Он поднялся на задние лапы, молотя когтями воздух. Я выдернул пику, отскочил назад и нанес удар, вонзив острие так глубоко в его внутренности, что оружие вырвалось из моей руки, оставшись в глухо ударившемся о пол пещеры теле.

Слегка потрясенный внезапностью нападения, но достаточно спокойно, как бывало все-

гда, если убийство прошло гладко и без вреда для меня, я наблюдал, как громадный зверь вновь превращается в человека.

Белый Маг в конвульсиях извивался на земле, хватаясь за грудь в тщетных попытках выдернуть пронзившее его железное древко. Серый волчий хвост исчез, а мгновение спустя звериный мех вновь сменился человеческими волосами. Они так пропитались кровью, что казалось, будто его грудь покрыта крошечными кровавыми червячками, расползавшимися из страшной раны.

Он выгнулся в жуткой судороге, и длинная волчья морда медленно превратилась в человеческое лицо. Прежде чем неподвижно вытянуться на полу пещеры, он взглянул на меня, заставив вспомнить те времена, когда мною овладевала жажда убийства и я чувствовал, как мной управляют неподвластные мне силы. В такие мгновения я полностью ощущал себя волком, но когда безумие проходило, меня начинали мучить сомнения, хоть я все еще оставался безжалостным убийцей, которого не трогали ни хлещущая кровь врага, ни отрубленные конечности. Я чувствовал себя так, словно оказался посреди ревающего потока на краю водопада, где не было ни камней, ни свисающих веток, за которые можно уцепиться.

Я произносил слова превращения лишь про себя. Губы мои не шевелились. Это Белый Маг произносил их вслух, неоднократно заверив

меня, что ему не угрожает опасность. Если бы он с самого начала хотел меня убить, зачем ему было прибегать к столь изощренному обману? Хватило бы одного удара, когда я стоял к нему спиной, или выпада мечом, едва я вошел в пещеру.

Неужели Ледяная Богиня обманула и предала его, дав ему лживое обещание? Неужели она хотела, чтобы он стал волком, зная, что ничто не в силах остановить превращения, стоит ему лишь произнести заклинание?

Неужели она хотела, чтобы он прыгнул на меня и перегрыз мне горло? Или маг совершил самоубийство, зная, что если я нападу на него с пикой, это будет равносильно тому, что он сам бросится на нее? Возможно, обладая пророческим даром, Итиллин была уверена, что я поступлю именно так, поскольку, по глупости, я снял свою новую руку.

Острые пики могло сделать то, на что не был способен меч. Считается, что кол, вбитый в сердце вампира, может навсегда положить конец его ночным похождениям. Неужели увечья, причиненные пикой, разрушили магическую силу волшебника, лишив его возможности шансов избежать смерти? Не заслужил ли он ненависть Ледяной Богини, по неизвестной мне причине, и не свершил ли он сам над собой акт возмездия? А вдруг подобное могло произойти лишь с помощью ликантропии? Волк-оборотень, как и вампир,—

сверхъестественное существо, и, убитый в трансформированном состоянии, он мог остаться мертвым навсегда. Все могло быть иначе, если бы он успел обрести человеческий облик, прежде чем душа покинула его тело. Но теперь он должен рассыпаться в прах.

Я отогнал от себя эти безумные мысли, возможно, не имевшие ничего общего с действительностью. Я был уверен лишь в одном: в пещере мне угрожала смертельная опасность. Я поднял мою руку-оружие и пристегнул ее на место. Убрав в ножны меч Делрина, я вышел в ночь.

Простиравшуюся вокруг пустыню все еще заливал серебристый свет луны. Песчаная равнина, монотонность которой лишь изредка нарушали одинокие валуны, тянулась на многие мили, от пещеры до самого горизонта, столь далекого, что, казалось, он сливался со звездным небом.

Слегка пошатываясь, я пошел вперед, полный решимости не отступать и никогда не возвращаться к побережью. Если тот, кто лежал в освещенной красным светом пещере, говорил правду, теперь я обладал даром ликантропии и следовал предначертанным свыше путем. Сознание того, что я могу стать настоящим волком, было для меня важнее всего, и ни за одно оружие, даже самое чудесное, я не променял бы этот бесценный дар. Я шел выпрямившись, как и подобает

человеку. Возможно, я стал относиться к людям еще более пренебрежительно, чем прежде, хотя с легкостью перенимал их привычки для собственного удобства, не теряя при этом ни капли волчьего чувства собственного достоинства.

Я шагал и шагал по серой пустыне, подгоняемый странным чувством, что если буду следовать пути, которым продолжала вести меня Ледяная Богиня, то рано или поздно встречу того, кого ищу. Как бы жестока и безжалостна ни была ее цель, я не мог поверить, что она желала погубить меня. Пророчество, вознесенное ею в нашу первую встречу, привело меня в неописуемую ярость, поскольку, по словам Итиллин, меня должны были всю жизнь преследовать опасности и лишения, я никогда не найду покоя и жить мне осталось не слишком долго.

Однако из этих слов явствовало, что она вовсе не хотела становиться на сторону моих врагов и что моим предназначением было спасти цивилизацию — все человечество! — в час некой роковой битвы. И потому у меня не оставалось другого выбора, кроме как во всем следовать ее указаниям, ибо меня окружала чужая, незнакомая земля, на которой жизнь одинокого волка подвергалась ежеминутным опасностям.

Я потерял счет времени, продолжая размеренно шагать по пустыне. Я знал лишь, что минуты складываются в часы и что тьма сме-

няется рассветом, а затем новой ночью, освещенной сиянием луны.

Когда я наконец увидел его, сперва он показался мне подрагивающей точкой над горизонтом. Однако точка быстро увеличивалась, превратившись в фигуру всадника в сверкавших под серебристым лунным светом доспехах и шлеме. Он двигался по равнине в мою сторону.

Уже один его конь изумлял, ибо никогда прежде я не встречал подобного животного, — полосатого, словно зебра, и похожего на лошадь, но с головой рептилии, покачивавшейся из стороны в сторону. Я слышал о подобных созданиях, мифических существах из легенд далеких северных стран, но никогда не принимал эти рассказы всерьез. Магия может творить чудеса, и я не сомневался, что голова животного — лишь иллюзия, созданная колдовским заклинанием, чтобы еще больше удивить человека, созерцающего, как Ламариль Непобедимый в полном одиночестве едет на восток впереди своих легионов.

По мере приближения всадника полностью подтверждалось все, что говорил о нем Белый Маг. Это был самый громадный человек из всех виденных мною, если не считать настоящих гигантов, непропорционально сложенных и внешне неуклюжих. Он производил впечатление великого воина, каждый мускул которого закален в сражениях. А держался он подобно легендарному властителю, право

которого командовать не оспаривалось с первого дня его рождения, даже когда он был еще младенцем, хнычущим на руках кормилицы.

Его нагрудник и шлем покрывали замысловатые узоры, но меч был лишен украшений. Сияющий клинок, длинный и острый, казалось уже был готов косить врагов направо и налево. Или, возможно, он служил предупреждением любому мародеру, который отважился бы выскочить из-за укрытия в безумной попытке напасть на Ламариля.

Его внезапное появление на краю пустыни застало меня врасплох. Решение пришлось принимать мгновенно. В какой мере связывало меня обещание, данное Белому Магу, теперь, когда он был мертв и убийство Ламариля уже не имело для него никакого значения?

Я не мог ответить на этот вопрос, не зная ничего о том, почему он погиб и какую роль сыграла в этом Ледяная Ведьма. Однако, даже если она предала нас обоих, мне следовало сдержать обещание. Дар ликантропии был каким-то образом связан с моим предназначением, и что-то подсказывало мне, что, хорошо это или плохо, но я должен следовать этому предназначению до самого конца.

Сняв свою новую руку, я положил ее на песок рядом с мечом Делрина. Выпрямившись, в точности так же, как Белый Маг, когда он

произносил четыре слова, оказавшиеся для него роковыми, я повторил их медленно и отчетливо.

Какое-то мгновение я думал, что ничего не происходит. Затем, посмотрев вниз, я увидел, что мое тело начало вытягиваться и менять форму, становясь уже от груди до пояса.

Мои туловище и бедра начали покрываться жесткой белой шерстью, которая росла очень быстро, и еще до того, как упасть на четвереньки, я заметил, что моя одежда исчезла. Вероятно, исчезла бы и моя искусственная рука, если бы я ее не снял. Меня это не удивило, поскольку вполне соответствовало тому, что я прежде слышал о ликантропическом превращении. Одежда каким-то странным образом исчезает и появляется вновь, когда в ней снова возникает необходимость. Мчась по равнине навстречу всаднику, я сообразил, что вырывавшийся из моего горла вой стал более диким, чем прежде, и что мои челюсти превратились в настоящие волчьи. От лязганья зубов мою голову мотало из стороны в сторону, а из пасти на песок падала белая слюна.

Меня отделяло от Ламариля не более восьмидесяти футов, но, казалось, он меня не замечал. Он сосредоточенно смотрел вперед, словно обдумывая свои будущие победы.

Не дожидаясь, пока он подъедет ближе, я несся длинными скачками в его сторону так быстро, что, когда его взгляд наконец упал

на меня, было уже слишком поздно что-либо предпринимать, кроме как резко остановить своего «коня» и, защищаясь, поднять меч. В следующее мгновение я прыгнул прямо к его горлу.

Меч Ламариля остановил меня. Он ударил плашмя по правому боку, и я полетел в песок.

Ламариль тут же соскочил с «коня», который тотчас галопом унесся прочь и взревел так яростно, что его рев отозвался эхом от далеких скал. Подняв меч, он наступал на меня, изрыгая проклятия на незнакомом мне языке. О том, что это именно проклятия, свидетельствовали пылающие диким блеском глаза и искривленный ненавистью рот.

Один его рост должен был повергать людей в страх. Однако крупные размеры человека, ничего не значат для волка. Люди кажутся ему слишком уязвимыми.

Лишь его искусство владения мечом, которое так превозносил Белый Маг, заставило меня поостеречься и удержало от повторного прыжка.

Я начал кружить вокруг Ламариля столь быстро, что он дважды промахнулся, пытаясь ударить меня мечом. Наконец, когда он на мгновение отвернулся, пытаясь определить источник звука, существовавшего, возможно, лишь в его воображении или бывшего лишь шорохом песка на ветру, я воспользовался представившимся мне шансом.

Я прыгнул к правой ноге Ламария, вонзил в нее зубы и начал раздирать плоть, пока он не завопил, уронив меч на песок. Столь прославленный и героический воин тут же превратился в жалкое зрелище. Однако я не собирался жалеть его и был уверен в том, что он и не ждал от меня пощады.

Я продолжал терзать его тело, пока песок вокруг него не пропитался кровью и он не затих с разорванным горлом.

Наслаждаясь видом бездыханного тела, которое совершенно не вызывало у меня отвращения, которое мог бы испытывать человек, я вдруг ощутил непреодолимое желание вернуть себе человеческий облик. Мне хотелось убедиться, действительно ли ликантропическая трансформация обратима, как утверждал Белый Маг. Если нет, если он солгал мне, то незнакомая местность, в которой я оказался, могла стать для меня столь враждебной и опасной, что я, возможно, не долго прожил бы в облике волка.

Отважного воина можно ненавидеть и опасаться, но волк, бегущий в ночи, изначально считается воплощением зла и немедленно становится мишенью для копий и отравленных стрел.

Я помчался туда, где оставил свое оружие, и, спеша вновь обрести руку и меч, произнес слова в обратном порядке.

Намного быстрее, чем ожидал, я обнаружил, что снова стою выпрямившись. Несом-

ненно, еще какое-то мгновение внешне я походил на волка, присевшего на задние лапы. Однако вместе с переменной, заставившей меня подняться в полный рост, начала исчезать и шерсть на моей спине и бедрах. Я ясно чувствовал, как с легким шелестящим звуком моя кожа покрылась вновь возникшей одеждой. Ощущение было таким, словно при превращении ткань растворилась, повиснув вокруг меня облачком мельчайших частиц. Впрочем, я перестал удивляться, вспомнив, как лед превращается во влажный пар, а затем снова становится льдом.

Едва я выпрямился, моя искусственная рука, казалось, сама прыгнула мне в ладонь. Я даже не заметил, как пристегнул ее на место. Пошатываясь, я огляделся по сторонам, и тут посреди освещенной лунным светом пустыни раздался голос, отчетливый и звонкий, словно Ледяная Ведьма преодолела все барьеры пространства и времени, чтобы донести до меня важную весть. Речь ее сопровождалась легким звоном, будто миллионы ледяных кристалликов кружили внутри стеклянного сосуда размером с земной шар, мелодично ударяясь о его поверхность.

— Ты отлично справился со своей задачей. — Услышал я. — Лишь сбросив человеческую оболочку, лишь призвав на помощь великий дар ликантропии... ты можешь быть уверен в грядущих победах против врагов намного более грозных, чем все встреченные тобой

прежде. Кровь должна литься рекой, ибо велика опасность, что все живое может исчезнуть с лица земли.

Много раз тебе приходилось убивать без жалости и пощады. Однако мало считать себя волком в человеческом обличье. То, что верно для волка, верно и для льва и медведя, и для какого-нибудь маленького дикого зверька, который вынужден убивать, чтобы выжить. Лишь они могут черпать силу от великих Древних, правящих среди холодных ветров, что обдают нас своим ледяным дыханием из глубин космоса. Древние все еще пребывают во сне, и силы, лежащие в основе их власти, недоступны пониманию Человека. Эти силы намного древнее Ледяных Богов, первой дочерью которых я являюсь. Лишь когда ты бежишь сквозь ночь в облике настоящего волка, их дремлющая сила вливается в тебя; люди же в состоянии общаться с ними только в мимолетных снах, туманных и пугающих, которые человек стремится забыть, боясь сойти с ума.

Но наступит день, когда Древние проснутся и земля содрогнется от их необузданного гнева, ибо лишь случайность в начале времен отбросила их в темные глубины Вселенной. Однако день этот лежит в далеком будущем, и сейчас неразумно заострять на нем внимание, ибо земля может погибнуть в любую минуту. Достаточно знать, что, когда ты бежишь сквозь ночь в облике настоящего волка, Йог-Согот и

всемогущий Ктулху могут придать тебе силы, и если ты прислушаешься, то услышишь далекий лай Псов Тиндалоса.

За время всех моих странствий я никогда ни от кого не слышал о подобных богах. Однако это никак не противоречило словам Итиллин. Боги эти были столь ужасны, что люди действительно пытались стереть из памяти любое упоминание о них, чтобы не сойти с ума.

Как ни странно, сейчас меня волновал совершенно другой вопрос — не столь устрашающий, но для меня намного более важный.

— Почему ты предала Белого Мага? — спросил я. — Зачем тебе потребовалось, чтобы он превратился в настоящего волка и чтобы я убил его? Лгал ли он мне, говоря, что может произнести заклинание, не подвергая себя опасности? Разве ты не обещала ему, что его защитит могущественная магия, которую ты поможешь призвать на помощь во время транса, в который он погрузился? Значит ли это, что ты ненавидела Белого Мага и хотела его гибели?

— Как можно ненавидеть ничтожного червя? — донеслось до меня. — И что значат обещания, данные червю? Он был лишь несчастным, лживым созданием, желавшим помочь мне только ради того, чтобы заслужить мою благосклонность. Он надеялся, что я обращу часть моих магических сил ему на пользу. Его гибель не имеет никакого значения. Все

это лишь часть испытания, которому я хотела тебя подвергнуть, чтобы не сомневаться, что даром ликантропии будет наделян достойный.

В человеческом облике ты убил чудовищного зверя, мгновенно осознав угрожающую тебе опасность и умело воспользовавшись повернувшимся тебе под руку оружием. Затем, уже в облике волка, ты снова убил, на этот раз выдающегося воина, не имевшего себе равных в этих краях, — Ламариля Непобедимого. Ты успешно следовал моим указаниям и оказался хорошим убийцей.

Однако вместе мы сможем действовать еще успешнее. У нас теперь общие цели, и впредь, когда тебе снова придется убивать, я всегда буду рядом. Ты будешь черпать свои силы и у Древних.

— Мне многое непонятно, — сказал я. — Если Древние, о которых ты говоришь, полны злобы и вражды не только к человечеству, но и к хранителям земной цивилизации — даже к Ледяным Богам, — как они могут защитить нас в этой борьбе? Разве они не твои и не мои враги? И разве мне не было предсказано стать спасителем Немедии?

— Ты спасешь Немедию, — ответила она, — ибо теперь, когда ты бежишь сквозь ночь в облике волка, непостижимое могущество Древних придаст тебе новые, неведомые силы. Ты даже сможешь подчинить эти силы нашим целям.

— Нашим целям? — переспросил я. — Я ничего не понял. Ты хочешь сказать, что Древних можно заставить либо защитить, либо уничтожить нас?

— Может показаться, что я говорю загадками, но это на самом деле не так, — сказала Итиллин. — Древних не в силах подчинить себе ни человек, ни волк, ни даже Ледяные Боги. Древние неподвластны никому. Однако всякий раз, становясь волком, ты сможешь впитывать их силы всеми фибрами своего существа — непостижимые силы, которых тебе не удастся понять до конца, но которые ты сможешь подчинить себе, заставить их защищать тебя и помогать в борьбе с врагами Немедии.

Итиллин замолчала, затем голос ее зазвучал еще убедительнее:

— Даже самый маленький лесной зверек может стать грозным и опасным. Даже он, хотя и крайне примитивным образом, может подчинить эти силы себе, борясь за выживание.

— Но человек — тоже животное, — возразил я. — Почему же он, в отличие от волка...

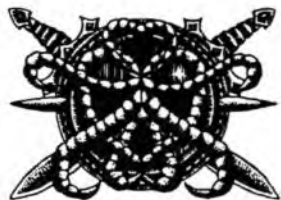
Прежде чем я успел договорить, она ответила, и мне не было нужды спрашивать дальше, ибо никто не знал людей лучше, чем я.

— Пресловутый человеческий разум на самом деле лишь прикрытие людского невежества. Он не позволяет человеку подчинить

себе силы, которыми он в определенной степени обладает. Каждое живое существо в состоянии обрести силу от Древних в мгновение смертельной опасности.

Некоторые люди, возможно, в силу своей кровожадности и варварской природы могут обратить подобные силы себе на пользу, но им никогда не удастся сделать это в той мере, что волку или тигру. Ментуменен, например, ошибочно полагает, будто могущество Древних можно обратить на службу врагам Немедии. Он даже верит, что может призвать на помощь самих Древних. Он способен лишь отчасти подчинить себе их силы, но ты можешь победить его, если тебе удастся подчинить их себе. Так или иначе, Ментуменена ждет неминуемое поражение и гибель.

Глава тринадцатая ВОЙНА БОГОВ

-Т

ы должен найти Шанару. Она ближе, чем ты думаешь. Следуй на север за зверем Ламария.

Эти слова Итиллин вселили в меня надежду.

Откровения Ледяной Ведьмы переполняли мой разум множеством образов, приводивших меня в полное замешательство. Обругав ее последними словами, я поспешил

на север по следам коня-рептилии, некогда принадлежавшего Ламарилю. Поднимаясь на песчаные дюны и спускаясь с них, я все больше ощущал себя зверем, и с каждой милей мною овладевало нестерпимое желание принять волчий облик, казавшийся мне более естественным в этой дикой местности.

Поднявшись на очередной из бесчисленных холмов, я увидел перед собой оазис, или то, что я посчитал оазисом. Мысль о воде гнала меня вниз, в прохладную тень, но что-то инстинктивно удерживало меня. Волк чувствует колдовство намного лучше человека. Сидевший во мне зверь приюхивался к знойному воздуху, к чему-то незнакомому, таившемуся внизу. Однако мне нужна была вода. С ворчаньем оскалив зубы и сжав рукоять меча, я крадучись двинулся в сторону деревьев.

Волосы поднялись у меня на загривке; в воздухе ощущалось присутствие чего-то сверхъестественного. Я вспомнил жуткий остров посреди моря Вилайт.

Здесь деревья никак не походили на деревья пустыни. Их стволы были слишком искривлены, а широкие листья простирались над головой, словно балдахин. Пока я шел к пруду, мне казалось, что деревья перешептываются друг с другом, словно таинственные существа. Зарывав, словно хищник, не подпускающий завистливых соперников к только что убитой добыче, я погрузил лицо в воду. Она показала мне пьянящим вином.

Оторвавшись от воды, я взглянул на ночное небо. Над пустыней оно сияло миллионами звезд, рассыпанных словно драгоценные камни на бархате, а здесь, над оазисом, не было видно ни одной! Надо мной простиралась сплошная чернота, будто колоссальная тень накрыла меня, заперев в этом таинственном месте. Среди деревьев что-то шелестело, словно они тихо дышали, склоняясь ко мне и пытаясь обнять.

— Гор! — прошептал чей-то голос. — Дитя Земли!

И меч Делрина, и оружие, созданное Дар'ахом Хумарлом, мгновенно сверкнули в моих руках. Я готов убивать — достаточно малейшего повода. Кто-то пошевелился среди густой листвы.

— Мы — твои братья. Следуй за нами.

На песок прыгнули три фигуры и встали передо мной. Они были без оружия и слишком малы для того, чтобы представлять реальную угрозу. Кожа их походила на древесную кору, руки напоминали тонкие ветви. Когда они повернулись ко мне, я услышал легкий скрип их тел.

— Кто вы? — прорычал я.

— Демоны Стихий, — хором прошептали они. — Наша цель — служить тебе, хотя мы служим Великой. Мы проводим тебя к ней.

Они приблизились и окружили меня. Я продолжал держать оружие наготове, но земля подо мной неожиданно задрожала и начала проваливаться. Я слышал о подобных явлении-

ях в пустыне, но был уверен, что сейчас против меня действует чья-то злая магия. Было слишком поздно атаковать демонов и даже опасно шевелиться, ибо земля проглатывала меня.

— Не бойся, Гор,— прошептали демоны, не отрывая от меня взгляда.— Твои враги далеко. Прими благословение, которое найдешь внизу, и обрети новые силы.

К моему ужасу, меня начало засыпать песком. Меня пытались похоронить заживо! Я выкрикивал проклятия в адрес богов и прочих тварей, заманивших меня в ловушку, но, видимо, было уже слишком поздно, поскольку демоны даже не пытались меня успокоить. Небо померкло. Под тяжестью песка я упал на колени, и он начал сжимать меня со всех сторон, затягивая в холодную бездну. Песок заполнял мне глаза, уши, рот. Мне показалось, что я умер.

То, что последовало далее, больше напоминало сон, нежели реальность. Я знал, что погребен глубоко под землей. Вокруг меня не было ничего, кроме земли и песка. И тем не менее меня не терзали душевные и телесные муки. Меня окутало тепло и покой, а затем ощущение удивительной ясности в мыслях. Я слился с землей, словно с утробой, что меня породила.

До меня доносился голос, подобный шелесту морских волн, столь спокойный и тихий, что приглушил даже мою звериную ярость. Я

знал, что ко мне обращается сама Земля, и ощущал свою принадлежность к бесконечному круговороту всех ее созданий, одушевленных и неодушевленных.

— Ты дитя земли, Гор. Набирайся же от меня сил.

Я хотел что-то сказать, спросить, но не мог. Мой разум напоминал сосуд, который она должна была наполнить пьянящим вином истины. Я ощущал вкус Земли, ее запах, слышал ее шепот.

— Я погрузила тебя так глубоко в себя, чтобы боги не услышали ничего из того, что я скажу. Боги! Как же они используют моих несчастных детей! — продолжал голос.— Как же они используют тебя, Гор, в своей бесконечной войне! И они рассказали тебе так мало — лишь намеки, разрозненные фрагменты единой мозаики, не более того. Они посылали тебе видения, которым надлежало вести тебя по пути, уже предначертанному ими. И тем не менее у тебя достаточно сил, чтобы пойти своим собственным путем, даже если он и приведет к той же цели, что они для тебя избрали.

Меня уже давно мучает эта война богов, ибо я вынуждена сражаться против них — Богов Порядка и Богов Хаоса! Их вражда вечна, и я презираю их, ибо они терзают меня и моих истинных детей, словно волки загнанного оленя. Боги Порядка — в частности, Ледяные Боги, которым служит Итиллин,— стре-

мятся поднять цивилизацию до недостижимых высот, ибо верят, что человек и боги смогут мирно сосуществовать лишь в том случае, если человечество выберется из варварства. Они хотят объединить все враждующие народы твоего мира, Гор. Объединить их в новой империи, которая превзойдет все существовавшие до сих пор. В Немедии!

Но, как и всему живому, им противостоят Боги Хаоса. В незапамятные времена, когда они развязали небесную войну, разрушившую структуру мира, я едва не погибла, превратившись в безжизненный кусок камня, но все-таки сумела выстоять. Как видишь, я снова жива и дала новые силы своим детям. Однако злобные Боги Хаоса все еще пытаются разрушить творения Порядка и полностью изменить структуру живого, приспособив ее к своим низменным нуждам, извратив и расчленив этот и все остальные миры,—даже те, что еще только возникнут в будущем.

Их конфликт вечен. Вместе с ними сражается бесчисленное множество полубогов и демонов, духов и порождений тьмы, ибо чудовищная небесная война затягивает в свое жерло все сущее.

Я презираю их — Богов Порядка и Богов Хаоса! Я никогда не имела с ними ничего общего, ибо они обесчестили меня и подчинили моих детей своим, а не моим целям! Я должна им сопротивляться, если хочу продол-

жать существовать. Я изгоню их прочь — бога за богом, демона за демоном.

Есть и другие. Многие миллионы лет назад среди звезд и множества вселенных блуждали чудовищные создания, подчинявшиеся не Повелителям Хаоса, а лишь своим гнусным, но не менее ужасным причудам. Они тоже отбирали у меня жизненную силу, отдавая ее своему отродью. За подобное святотатство другие боги заковали их в невидимые цепи и обрекли на вечное изгнание. Теперь они пребывают во сне — бессмертные, но лишенные свободы. Многие из них покоятся глубоко внутри меня, и я поддерживаю их сон, не давая ему прерваться ни на мгновение. Итиллин рассказывала тебе о них — о Древних. Остерегайся пользоваться их силой! Иначе тебе придется дорого заплатить.

Ты, Гор, не такой, как другие люди. Ты ведь чувствовал это с самого рождения — так же, как чувствовала Гудрун, твоя мать. Она бросила тебя волкам не из-за твоей кривой ноги. Она знала, что ты — дитя земли, о котором позаботится сама природа. И разве я не сделала этого? Разве тебя не приводила в восхищение твоя дикая жизнь, твоя способность выжить там, где погиб бы любой другой?

Есть люди — мои истинные дети, Гор, и есть те, кого подчинили своим целям боги. Именно животное начало заставило Ледяных Богов заметить тебя. Чтобы превратить Немедию в оплот всемогущей цивилизации, они должны

дать волю насилию и хаосу, ибо только так они смогут подчинить себе всех остальных. Им нужен человек, который больше чем человек — и в прошлом им уже приходилось прибегать к помощи подобных людей, таких как чародей-альбинос с розовыми глазами или гигант из Киммерии. На этот раз таким человеком оказался ты. Никто еще не был так близок к природе, как Гор Сильный! Тебе предназначено спасти их цивилизацию и заложить фундамент новой империи — на крови. Однако цивилизация сама по себе противна твоей натуре, и потому ты не намерен им повиноваться.

Но как насчет моих желаний, Гор? Еще раз повторяю: я против всех, кто насилует меня и позорит меня своим отродьем! Я против Богов Порядка, поскольку они стремятся придать случайному ходу событий неестественную упорядоченность, а это приведет ко всеобщему уничтожению. Я против Повелителей Хаоса, которые пытаются изменить все сущее и создать новые вселенные, в которых нет места здравому смыслу, лишь страданиям.

Итак, я говорю тебе, дитя земли, — ступай и создай Немедийскую империю. Подчини себе другие народы. Я же буду поступать в соответствии с собственным планом, и знай — я разрушу ее! Не с помощью огня, наводнения, землетрясения или бури, а с помощью рабов Ледяных Богов! Я погоню их на юг — киммерийцев, ваниров, айсиров, — заставив в стра-

хе бежать пред надвигающейся стеной льда. Им покажется, будто сами боги, которым они поклонялись, обратили против них свой гнев. Да, будут жестокие войны, но в конце концов Ледяных Богов не станет! Конечно, на их место придут другие, ибо Боги Порядка неуязвимы, как и Боги Хаоса, но я снова восстану против них.

Итак, следуй своему предназначению, Гор! Стань основателем Немедии, даже если это тебе и не по душе. Если ты потерпишь неудачу, это пойдет на пользу Повелителям Хаоса. Если им удастся изменить будущее, мы все погибнем. Ты получил оружие и способности, которые должны помочь тебе. Хаос лишил тебя руки, но Итиллин дала тебе новую, а вдобавок ко всему наделила тебя даром ликантропии. Пользуйся этим даром с осторожностью, ибо он делает тебя ближе ко мне. У тебя есть еще одно оружие, могущество которого я скрывала от Ледяных Богов с тех пор, как оно впервые появилось на свет, — меч Делрина. Он был выкован огненными демонами глубоко в моих недрах, еще во времена моей молодости. Если ты призовешь дремлющие силы Древних, меч защитит тебя от возможных последствий, а без него ты погрузишься в бездну их могучей воли, как уже бывало со многими и будет впредь.

Но больше всего остерегайся Ментумена! Этот полубог стремится к власти и гос-

подству над миром, и ничто иное его не интересует. Однако он — орудие в руках Сета и Повелителей Хаоса, хотя сам не понимает, как именно они его используют! Он намеревается посадить Ташако на трон Немедии, развратив мальчишку и похитив его разум. Он использует против тебя и Шанару, Гор. Как бессердечны боги! Они уже воспользовались ею как приманкой, очаровав тебя ее красотой. Однако они никогда не позволят тебе получить ее. Разве Ледяная Ведьма не говорила тебе, что ты умрешь, не оставив потомства? Тебя не удивляло, что лоно Шанары остается бесплодным, хотя она столько времени провела с тобой? Да, ты не оставишь потомства, чтобы в будущем твой род не претендовал на трон Немедии. Ледяные Боги используют сидящего внутри тебя зверя, чтобы ты завоевал трон для них, но их конечная цель — безграничная власть над всем человечеством. Если это произойдет, я стану матерью, лишившейся детей. Нет, дитя земли, королем Немедии должен стать Хьялмар. Это входит и в планы Ментуменена, поскольку он знает, что если Шанара и Хьялмар станут любовниками, ты возненавидишь своего друга. Трещина между вами расколется Немедию надвое и оставит ее без владыки.

Ты не должен допустить, чтобы Ментуменен разрушил империю еще до ее рождения! Необходимо расстроить планы Хаоса. Примиись с тем, что Шанара не принадлежит тебе.

Примиись со славной судьбой Хьялмара — ему предстоит убить Горма, вождя пиктов. Не ссорься с Хьялмаром, ибо этим ты лишь окажешь услугу Хаосу. Ведь Хаос уже пытался обманом заставить тебя служить себе. На острове в море Вилайет ты видел во сне крылатых бронзовых чудовищ, а проснувшись, обнаружил своих товарищей убитыми, и тебе показалось, что они погибли от твоей руки. Я слышала, как ты кричал, что будешь сражаться со всем человечеством, всеми богами и всеми демонами и что ты сравнишь землю своим мечом. Над тобой насмеялись призраки, тени мертвых — твоей семьи и всех, кого ты убил. «Вся природа, вся земля и все, что за ее пределами, презирают тебя!» — смеялись они. Такова изощренная ложь Хаоса! Будь осторожен, ибо Хаос может попытаться использовать тебя. Не противоречь сидящему внутри тебя зверю, Гор, ибо вся природа и вся земля — твоя истинная надежда. Мы — твои союзники. Будь уверен, что говоришь от имени дикой природы, ибо это действительно так! Ты — мой голос, мой меч, мой защитник!

Видения, которые показывала мне таинственная стихия, с бешеной скоростью проносились перед моим мысленным взором. Наконец-то величественная картина мира предстала передо мной во всей своей полноте. До сих пор я мог видеть лишь ее отдельные фрагменты. Итиллин не солгала, нет! Она обманула меня. Я был прав, не доверяя ей. Она показала

и рассказала мне лишь столько, сколько было необходимо, чтобы я отправился в свой путь. Она дразнила меня, используя в качестве приманки Шанару. Шанара! Неужели то, что говорила Земля-оракул, правда? Неужели она никогда не станет моей? Однако мои размышления прервал глухой голос:

— Активность Хаоса невероятно возросла с тех пор, как Ментуменен невольно вызвал к жизни разрушительные силы, которые не в состоянии себе подчинить. Его сделки с Сетом и другими богомерзкими существами с Юга стали предвестниками многих бедствий, подобных эпидемиям. Одним из таких бедствий стали Ламариль и его армия — создания Хаоса. Белый Маг, Телордрик, служивший Итиллин, пытался уничтожить Ламарилю и тех, кто следовал за ним, но безуспешно. В конце концов Телордрик сам продался силам Хаоса и тем навлек на себя гнев Итиллин, которой служил. Именно гнев Ледяной Богини стал причиной его гибели. С твоей помощью, Гор... Итиллин с легкостью могла уничтожить Телордрика сама, но предоставила это тебе, не рассказав об истинных причинах случившегося. Смерть очистила Телордрика, и его душа отправилась не в Хаос, а в утробу земли. Если бы его убила Итиллин, то она отправила бы его в Хаос, а она никогда не посылала своим заклятым врагам ничего больше комка пыли! Так что тебя обманули еще раз.

Телордрик рассказал тебе, что когда ты убьешь Ламарилю, его легионы в панике разбегутся. Это действительно так. Но Ментуменен вновь собрал их. Сейчас вместе с Ташако и пленной Шанарой он намеревается выйти вместе со своей армией в море Вилайет, чтобы развязать войну. Не знаю, правда, когда именно. Я не могу прочесть то, что таится в сердце Ментуменена, ибо он настолько пропитан Хаосом, что то небольшое человеческое, что в нем оставалось, умерло.

Ты, Гор, должен отправиться на север. Найди эту армию и способ, как уничтожить ее, а если сможешь, то и самого колдуна. Доставь Шанару назад в Бельверус, несмотря на то что я говорила тебе о ее предназначении. Ты должен уничтожить армию Ламарили, иначе Хаос осмелеет, и его новые порождения наверняка будут еще ужаснее. Ткань между измерениями столь тонка! Знай, Гор, что надвигается битва титанов не только здесь, в твоём мире, но по всей вселенной. Перевороты и катаклизмы бывали и прежде, но исход этого конфликта решит не только мою судьбу, но судьбы всех времен и всех вселенных. Конфликт между тобой и Ментумененом — это ось, на которой держится равновесие во всем мире...

Последовал тяжкий вздох, словно землю утомила произнесенная тирада. Меня окутала тишина, и я ощутил прилив новых сил; Земля наплатила меня ими, словно я действительно был ее сыном. Похоже, она сказала все, что

хотела сказать, открыв мне тайны, прежде ставившие меня в тупик. Теперь мне предстояло выбрать свой путь.

Ментуменен и Шанара где-то рядом. Я должен найти их и обрушить на голову колдуна все таившиеся во мне силы. Он — та самая дыра, через которую Хаос выплескивался на землю.

Я потряс головой и обнаружил, что снова стою на берегу пруда. Демоны исчезли, и деревья утратили свой странный вид, превратившись в обычные пальмы. Рядом с собой я увидел тушу оленя и не стал тратить время, задаваясь вопросом, как она сюда попала. Я просто вонзил в нее зубы и начал жадно отрывать кровавые куски, словно дикий зверь, каковым я, собственно, и был. Теперь я знал, что если хочу чего-либо добиться, то должен сбросить остатки своей цивилизованной оболочки. Я был сыном земли, свободным зверем, и лишь мой неукротимый нрав мог позволить мне завладеть тем, что принадлежало мне и моей матери-земле.

Небо снова прояснилось, мерцая мириадами звезд, взошла полная луна. Я поднял голову и завыл. Звук, вырывавшийся из моего горла, ничем не отличался от воя настоящего волка. Вдыхая ночной воздух и пытаясь уловить запахи следа зверя Ламариля, я посмотрел на север. Моя цель была где-то там, на берегу моря Вилайет. Закончив пиршество, я помчался к ней по песчаным дюнам.

Два дня и две ночи я выслеживал зверя Ламариля, останавливаясь лишь затем, чтобы добыть еды. Я был пустынным хищником, намного опаснее шакала. Я раздирал свою добычу на части и пил горячую кровь, с наслаждением ощущая, как она вливается в мои жилы. Никогда прежде я не был столь далек от Джеймса Эллисона, ибо по-настоящему вернулся в первобытное состояние. От комплексов и страхов современного человека не осталось и следа. Я был сыном земли; в моем сердце и в моих жилах пульсировала та же чистая энергия, что наполняла внутренности планеты под моими ногами.

Наконец я добрался до высокого каменного утеса, с которого открывался вид на долину. Там, в нескольких милях от освещенных луной вод Вилайета, я увидел войско Ламариля. С этого расстояния я не мог различить отдельных воинов, но знал, что они не принадлежат этому измерению. Вероятно, они были порождением преисподней, ибо они выстроились рядами, словно восставшие из могил. Безмолвные, подобно мумиям, которых мне доводилось видеть среди руин северных городов. Над ними носились летучие существа, очертаний которых я не мог разобрать даже в свете полной луны, но и они, видимо, тоже были порождениями Хаоса, вызванными Ментуменом.

Справа виднелись шатры — вероятно, в них находились Шанара и мерзкий мальчишка, Та-

шако, которому я намеревался перегрызть глотку еще до рассвета. Земля сказала, что я должен уничтожить эту орду. Но как это сделать? Превратиться в волка и бросаться на всех подряд? Но внизу выстроились тысячи кошмарных созданий. Не оживут ли они, если я попытаюсь на них напасть?

Нет, я должен атаковать самого Ментуменена. Он не мог знать, что я здесь, так близко. Все же я должен был стать волком и тайком обождать лагерь. Мне очень не хотелось прятать меч Делрина — теперь, когда мне стало известно его истинное предназначение, — но я все же решил закопать его вместе со своей искусственной рукой. Запомнив место, я произнес магические слова Телордрика. Превращение произошло почти мгновенно, и я стал белым волком, шерсть которого засеребрилась в сиянии луны. Пробравшись среди песчаных холмов к границе лагеря, я двинулся в сторону шатров.

Снаружи были привязаны какие-то трехголовые бестии, явно не принадлежавшие этому миру. Почувяв мой запах, они вскочили, сверкнув ярко-красными глазами, и зарычали, грохоча цепями. Я отскочил в тень. Из шатра вышли люди, и у меня поднялась шерсть на загривке, ибо среди них был Ташако. Высоко подняв факелы, они внимательно вглядывались в ночную тьму, но меня не заметили. Однако трехголовые твари продолжали рычать. Если бы их спустили с цепи, я бы

разорвал их в куски и швырнул их туши обратно в лагерь! Однако люди успокоили этих монстров.

Если Ментуменен здесь, я не смогу подобраться к нему незамеченным. Я не стал рисковать, ведь превосходство было явно на их стороне. Я вспомнил слова Итиллин и слова матери-земли. Силы Древних доступны мне. Телордрик произносил мрачно звучащие имена — Йог-Согот, Ктулху и Псы Тиндалоса. Псы! Где-то в глубинах моего волчьего разума я слышал их далекий вой, словно доносившийся сюда из бескрайних межзвездных просторов. Не помогут ли Псы волку-оборотню? Посмотрим.

Пошарив в потаенных глубинах памяти, я нашел тайные ключи, с помощью которых я мог призвать на помощь Псов. Земля говорила, что держит Древних в плену; теперь же я чувствовал, что она извлекает часть их сил и передает мне, и я знал, что следует делать. Я нашел ровное место и когтями нацарапал на песке два квадрата, один внутри другого. Затем я помочился на четыре угла внутреннего квадрата и, встав посреди него, задрал голову к луне и звездам. Псы Тиндалоса должны были появиться в углах внешнего квадрата. Я завыл, и мне показалось, что подо мной содрогается земля.

Лагерь мгновенно ожил. Над рядами неподвижных воинов разнесся жуткий вопль. Трехголовые твари заливались яростным лаем.

Казалось, сам Хаос рвется с поводка, чуя приближение ужасной силы.

Я продолжал выть, и земля у моих ног стала скользкой от слюны. По звездному небу побежала рябь, словно оно отражалось в неспокойной воде. Я услышал глухой, душераздирающий рык и обернулся. Позади меня, внутри первого квадрата, стоял поджарый лохматый зверь, ростом по плечо человеку. Его взгляд мог бы свести с ума, а зубы сверкали, словно ножи. С них стекала пенящаяся слюна, более смертоносная, чем любой яд. Вскоре меня окружала уже целая стая этих чудовищ, они с ворчанием обнюхивали мои метки. Их тяжелое дыхание казалось шумом волн из глубин космической бездны, однако ко мне они не приближались. Это были Псы Тиндалоса.

Издав радостный крик, я выскочил из внутреннего квадрата и помчался в сторону лагеря, где теперь царил настоящий бедлам. Псы за моей спиной тут же подняли такой вой и лай, какого еще не приходилось слышать никому из смертных. Мы стаяй ворвались в лагерь, раздирая зубами и когтями все живое, попадавшееся нам на пути. Не знаю, как мне удавалось управлять Псами, но они отлично справлялись со своей задачей. Они набросились на воинов Ламариля, утоляя свой зверский аппетит и разрывая на куски всех, кто оказывался рядом. Ни один земной зверь не способен испытывать такой голод, как они.

Мне удалось увидеть исчадия ада, составлявшие армию Хаоса. Вокруг вопили и шипели чудовищные твари — пародии на людей и животных. Они прыгали, ползали, извивались... Это было достаточным доказательством того, что Хаосу удалось прорвать ткань между измерениями и вторгнуться в наш мир. Я не испытывал никакой жалости, разрывая эти мерзкие создания на части. Над нами с воплями носились многоголовые твари с острыми как бритва когтями. Подпрыгнув, я схватил одну из них зубами за крыло. Оторвав голову твари, я отшвырнул тело далеко в сторону. Весь забрызганный кровью, я перегрызал глотки другим монстрам, и мне казалось, что, если понадобится, я смогу призвать на помощь самих Древних! Моим разумом словно овладела некая темная сила, которая стерла все мысли, кроме звериного желания убивать.

Время словно остановилось, пока я давал выход своей безумной злобе. Передо мной оказался один из шатров. Я рванул в сторону полог, загораживавший вход. Внутри, прикрываясь телохранителями, стоял Ташако. С яростным рыком я кинулся на них. Быстрый как ртуть, я увернулся от их клинков и, сбив воинов с ног, перегрыз им глотки. Прежде чем Ташако кинулся бежать, я повалил его на землю и поставил лапу ему на горло. Он дико завопил. Теперь я видел, что Хаос действительно изменил его; один лишь вид его

казался мне невероятно отталкивающим. Он словно уже не принадлежал этому миру.

Будучи зверем, я не мог разговаривать, но я прорычал слова, которые снова сделали меня Гором. Ташако смолк, с ужасом глядя на мое искаженное ненавистью лицо.

— Гор? — проквашал он. — Это ты? Ты тоже стал орудием Хаоса?

Я не испытывал никакой жалости к тому, кто предал меня и желал моей смерти. Одной рукой схватив мальчишку за тонкую шею, я переломил ее, словно тростинку. Смерть его была быстрой и милосердной. Вытерев кровь с лица, я вышел наружу. Псы сеяли хаос среди созданий Хаоса. Вокруг, насколько хватало взгляда, бушевал кровавый океан. Шум стоял неимоверный.

Я кинулся к другим шатрам, валя их опоры, но там было пусто, если не считать растерзанных тел приспешников Ментуменена. Но где же сам колдун?

Над головой послышался шум крыльев. Один из Псов подпрыгнул, едва увернувшись от острых когтей. Это была та самая громадная летучая тварь, которую я уже видел раньше, над островом посреди моря.

— Гор! — донесся до меня полный ужаса женский голос — голос Шанары. Я стоял, беспомощно глядя, как летучий монстр — которм, как я знал, был изменивший свой облик Ментуменен — уносится в освещенное луной небо. Ему снова удалось уйти от меня. Но я

думал уже не о нем, а о Шанаре. На меня нахлынуло непреодолимое желание вновь обрести ее, желание, горячее, как только что пролитая мною кровь. Она выкрикнула лишь одно слово, мое имя, но это значило для меня больше любых других слов. Любовь? Да. Что бы ни заявляли боги и как бы ни подтверждали их слова Земля, я знал, что Шанара любит меня. Лишь уверенность в этом удерживала меня от безумия.

Справившись со звериной яростью, я начал размышлять, что делать дальше. Взглянув на творившийся вокруг ад, я вдруг понял, что его нужно прекратить. Вместо того чтобы уничтожать отродья Хаоса, нужно обратить их себе на пользу!

Я завыл, призывая Псов Тиндалоса. Как и прежде, они тут же повиновались. Псы легли на песок, вывалив черные языки и слизывая кровь и грязь со своих поджарых боков. Они ждали. Войско напоминало раненого зверя, стонущего от страха и боли. Я должен был им воспользоваться. Если я хочу завоевать Немедию, мне нужны союзники. Я уже подчинил себе ужасную силу Псов, а теперь я собирался воспользоваться и этими силами, и любыми другими, которые могли бы мне помочь. Я должен стать разрушительным орудием, каким стремился стать Ментуменен. К дьяволу всех богов! Когда в этом мрачном войске отпадет необходимость, я уничтожу его так, как и настаивала Земля.

Я быстро поднялся на песчаный холм, чтобы найти меч Делрина и свою механическую руку.

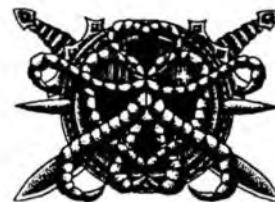
Сейчас я двигался подобно волку. Можно ли провести границу между человеком-волком и волком-оборотнем? Если так, то она с каждым часом становилась все тоньше. Я взял меч и, подняв голову к небу, снова завыл. Пусть все боги слышат меня! Я больше не игрушка в их руках. Пусть они сражаются друг с другом и несут гибель человечеству! Я останусь в живых! Я и мои дикие братья — мы выживем и заново заселим землю.

Я отпустил Псов до завтра. Они умчались в пустыню, и даже когда они уже скрылись из виду, горячий пустынный ветер все еще доносил до меня их хриплое дыхание. На рассвете мне предстояло отправиться в долгий путь, который в конце концов должен был привести меня в тыл гирканцев. Псы Тиндалоса будут патрулировать мое чудовищное войско с флангов, пожирая любого, кто нарушит строй. Страх стал моим орудием. Я был готов уничтожить любого, кто встанет на моем пути.

Пусть сотрясается земля, пусть содрогаются звезды! Пусть сражаются боги — дети Земли презирают их!

Глава четырнадцатая ПУТИ ХАОСА

В

ойско добралось до степей. Вокруг до самого горизонта тянулась однообразная твердая поверхность цвета засохшего навоза, которую лишь изредка украшали травяные кочки, похожие на щетинистые желтые скальпы. Небо было еще более пустынно, чем земля; ни облачка не нарушало его яркую голубизну. Горизонт

казался размытым из-за жары и клубящейся пыли. Я постоянно всматривался вдаль, следя, не появится ли вражеский дозор. Хотя зрение мое было острым, как у волка, мне приходилось напрягаться, вглядываясь в туманную дымку,—но это меня не печалило, поскольку позволяло отвлечься от созерцания войска, которым мне приходилось командовать.

Все входившие в его состав люди, кроме одного, погибли во время нашего нападения на лагерь. Возможно, некоторые из существ, шагавших впереди меня, тоже когда-то были людьми. Неестественно ровная поступь, монотонная, словно удары гигантского механического молота, окутывала их клубами пыли, достаточно было одного взгляда, чтобы увиденное запомнилось надолго.

У одного невероятно вытянутая губа болталась ниже подбородка, у другого голова торчала из влажной дыры между плечами, у третьего на левой щеке, подрагивая и моргая на ходу, улыбалось недоразвитое второе лицо. Фигура, тащившаяся слева от меня, вполне могла сойти за обыкновенного воина, если бы не глаза, торчавшие на некоем подобии улиточных рожек. Меня так и тянуло в свирепой звериной ярости наброситься на эти существа и с отвращением растерзать их. Но я не мог этого сделать, ибо они вели меня к моей цели.

Итак Ментуменен ошибся. Вспомнив об этом, я мрачно улыбнулся. Прошлой ночью, когда он бежал, унося с собой Шанару, головы его вои-

нов поворачивались ему вслед. Когда самая жуткая из его тварей устремилась было за ним, я готов был убить их всех, но понял, что они могут помочь мне. Хоть и лишённые разума, воины Хаоса все еще были преданы Ментуменену и последовали бы за ним куда угодно. Поскольку таким образом они неизбежно приведут меня и к гирканцам, я был вдвойне прав, отправившись за ними следом.

Единственного человека, пережившего бойню в лагере, я оставил в живых. Запах его страха привел меня к песчаному холму, за которым он прятался. Судя по темной коже и выбритой макушке, он был одним из приспешников Ментуменена. Намереваясь вцепиться в его дрожащее горло, я вдруг подумал, что он может рассказать о планах своего хозяина. Я связал ему руки — это оказалось не слишком приятным занятием, поскольку его левая рука была исковеркана Хаосом и кончики пальцев раздулись, напоминая желе. Теперь он ехал верхом рядом со мной.

Меня бесило его униженное подобострастие. Он походил на побитого пса, который, лежа на брюхе, лижет ноги хозяина. Более того, он, видимо, считал, что я пощадил его просто за то, что он человек. Пользы от него не было. То ли союз с Хаосом, то ли могущество Ментуменена стерли из его памяти даже собственное имя. Я решил, что, когда мы разобьем лагерь, я выбью из него все секреты, какие бы средства для этого ни потребовались.

К полудню я уже не мог выносить ни его преданного взгляда, ни его молчания. Вокруг тянулась бескрайняя степь — однообразное море иссохшей травы, цвета старческой кожи, неприятно хрустевшей под ногами шагающих воинов. В воздухе висела пелена бурых облаков. Редкие порывы ветра поднимали клубы пыли. Вдоль флангов войска в траве скользили длинные угловатые тени, и я знал, что Псы Тиндалоса всегда начеку. Однако, видя постоянно удаляющийся горизонт и тучи мух, которые взмывали над пересохшими лужами, безжалостно жала войско, я чувствовал себя одиноким. Бездействие доводило меня до бешенства.

Взгляд мой был прикован к шагавшему впереди меня воину. Его жирная голова достигала ширины плеч, а над ней жужжал рой мух. Внезапно в безволосой макушке открылся десяток влажных отверстий, поглотивших насекомых. Больше я этого выносить не мог; нужно было что-то делать, иначе я бы сошел с ума. Вытащив меч Делрина, я коснулся им, горла связанного пленника.

— Расскажи мне про Ментуменена, — прорычал я. — Говори или сгниешь здесь, облепленный мухами.

Лицо стигийца сморщилось, казалось, он вот-вот разрыдается.

— Я не могу спать, — в страхе прошептал он. — Мой господин... Он ждет меня в моих снах. Он хочет... — вздрогнув, он замолчал.

Каких кошмаров боялся этот несчастный? Я вспомнил, как Ментуменен явился передо мной на роковом острове. Схватив за повод коня, на котором ехал пленник, я слегка ткнул стигийца мечом в горло, пустив кровь.

— Говори, иначе заснешь навеки.

— Сет ждет, — пролепетал он. Возможно, страх смерти вернул ему память. — Однажды я видел его морду. Он всегда стоит у плеча господина и слушает...

Меня утомил этот бред, и я едва сдержался, чтобы не воткнуть меч глубже. Вдруг стигиец успокоился, словно понял, что обречен, независимо от того, скажет он что-нибудь или нет.

— Я знаю, чего хочет мой господин, — прошептал он.

«Говори же, и побыстрее», — сказала вместо меня острие моего меча.

Он огляделся по сторонам, должно быть, опасаясь, что орда чудовищ может наброситься на него.

— Он явится в снах вождям гирканцев и пиктов. Он убедит их объединить силы против Немедии. Да, он в состоянии убедить их даже в этом. Он предложит им в помощь союзников, против которых эта армия — ничто. Но когда они завоюют Немедию, вожди станут его марионетками, а он сам — императором.

От его спокойствия не осталось и следа. Глаза судорожно забежали, распухшие пальцы прижались к губам. Если бы он знал, что Мен-

туменен — сам марионетка Хаоса, насколько сильнее был бы его страх! Однако я лишь позвериному оскалится. Если Ментуменен марионетка, кто же тогда я, Гор Сильный?

Я окинул взглядом бескрайнее поле выжженной травы. Казалось, ничто, кроме поднимающейся и оседавшей желтыми облаками пыли, не двигалось. Я остался один, наедине со своими мыслями, ибо стал чужим и для людей, и для богов. Ледяные Боги лишили меня трона, богиня земли, называвшая меня своей матерью, похитила мою любимую. Лишь Хаос помогал мне, бессознательно ведя меня к цели.

Как недоставало мне сейчас вкуса крови, боевых кличей, стонов раненых и поверженных — чего угодно, только не забивавшейся во все поры пыли и бесконечного шелеста сухой травы! Как я жаждал поразить тех, кто пленил Шанару, и унести ее прочь — но для кого?

Пленный стигиец вздрогнул, услышав мой глухой рык, но я рычал не на него. Ради всех богов — если кому-то из них еще можно доверять — я бы никому не отдал Шанару. Гарак похитил ее у меня и подарил лстывому эмиру; а теперь на нее претендовал Хьялмар. Стал бы он, как я, сражаться за нее клыками и когтями? Нет, он бы соблазнил ее ласковыми словами. Для другого он слишком слаб, ибо он — человек.

Возможно, степная жара иссушила мой разум, если я позволил себе подумывать подобное о

своим друге. Но мог ли я назвать другом кого-нибудь из людей? Не был ли мертвый пейзаж доказательством того, что богиня земли покинула меня, пока я не понадобится ей вновь? В отсутствие жертв моя жажда крови могла быть обращена лишь внутрь меня самого.

Внезапно я заметил на горизонте пятнышко, которое не двигалось и не изменялось, лишь увеличивалось по мере нашего приближения. Это был небольшой куст — первый, увиденный мной за весь день. Вспыхнувшее было чувство благодарности тут же улетучилось, ибо меня привела сюда орда Хаоса, а не богиня земли. Тем не менее я знал, что редкие леса посреди степей обычно расположены по берегам озер или рек. Надеясь утолить мучившую меня жажду, я поспешил следом за войском.

Первые ряды чудовищ уже почти достигли озера, когда из-за деревьев появился небольшой отряд конных гирканцев. Они тоже направлялись к воде. Пораженные видом и размерами моего войска, они развернулись и бросились прочь. Хор ужасных воплей, с которыми орда кинулась за ними следом, казался не более диким, чем мой собственный ликующий рев. Выхватив меч Делрина, я прищпорил коня.

Ослепленный яростью, я устремился к гирканцам с левого фланга. Я считал ниже своего достоинства пользоваться искусственной рукой не только потому, что ею было трудно действовать, держа в другой руке меч, но и

потому, что она была творением цивилизации, вызывавшей у меня отвращение. Однако именно рука спасла меня от стрелы, которую не сумел отразить мой щит, когда гирканцы начали в отчаянии отбиваться. А затем я набросился на них, подобно кровожадному зверю, и они увидели пламя смерти, пылающее в моих глазах.

Первого из них отвлек вид следовавших за мной чудовищ. Мой меч тотчас вонзился ему в живот, и я почувствовал, как лезвие задело позвоночник. Я выдернул меч, и мой противник распластался на земле среди собственных внутренностей.

Воин, превосходивший меня ростом, разрубил пополам мой щит и отсек бы мне руку, но рука эта была металлической. Его клинок отскочил и поранил мне плечо. Обезумев от боли и ярости, я выбил щит из его рук, а мой меч глубоко вошел ему в бок. Хлынула кровь.

В горячем красном тумане боя у меня мелькнула мысль, что, возможно, я все-таки оказываю услугу богине земли; земля жадно впитывала кровь, сухая трава стала теперь мокрой и красной. Я обрушился на следующего воина и сбил его с ног ударом щита, крепко закрепленного в металлической руке. Когда противник упал, мой меч расколол его череп.

Четвертый воин пытался убежать от двух монстров, напоминавших людей, если не считать, что их руки были длиной с туловище. Они обхватили задние ноги лошади, пытаясь ее по-

валить. Всадник был обречен, но он заслуживал смерти, подобающей воину. Одним ударом меча я снес ему голову. Чудовища все еще цеплялись за отчаянно кричащую лошадь, одна нога которой уже была оторвана. Чувствуя тошноту, я прикончил несчастное животное.

Гирканцы были повержены. Я окинул взглядом поле битвы и затрясся от ярости. Комок подступил к моему горлу, ибо существа, которыми я якобы командовал, вели себя не как люди, но и не как звери. Их свирепость была извращенной, нечеловеческой и несовместимой с тем, что зовется разумом.

Некоторые гирканцы еще были живы. Одна из тварей просовывала щупальце в горло жертвы, намереваясь вырвать ее внутренности. Два звероподобных монстра отрывали руки и ноги умирающего воина и тут же пожирали их. Еще двое волокли вопящего голого гирканца по острой как бритва траве. Куда бы ни падал мой взгляд, армия нелюдей удовлетворяла свою звериную страсть на раненых, умирающих и даже на мертвых.

И это войско я считал подвластным себе! Не менее отвратительной казалась мне и моя собственная глупость. Неужели Ментуменен рассчитывал, что я решу оставить в живых его армию и что силы Хаоса подчинят меня себе точно так же, как они подчинили Ташако? Мог ли он предвидеть, что мне придет в голову встать во главе его войска, в то время как на самом деле я мог лишь следовать за ним? Не-

ужели моя растущая ненависть ко всему живому — первый признак того, что меня поработают силы Хаоса?

Ментуменен не принял в расчет мои новые способности. Со зловещим выражением на лице я двинулся прочь от кровавой бойни. Пленник-стигиец прятался среди деревьев. Он не принимал участия в резне, и пока что мне не хотелось его убивать. Убедившись, что его руки крепко связаны, я поехал к дальнему берегу озера. Напоив коня, я привязал его к дереву, затем спрятал меч и металлическую руку под корнями деревьев.

Мне казалось недостаточным спустить Псов Тиндалоса на чудовищное войско. Я участвовал в их зверствах против гирканцев, пусть даже неумышленно. Теперь же я должен был повести стаю против них, чтобы полностью очиститься от влияния Хаоса. Произнеся магические слова, я тут же покрылся густой шерстью, обретя острые клыки и когти, готовые рвать врагов. Едва сдерживая звериную ярость, я совершил ритуал с квадратами.

Псы тут же примчались ко мне. Почему они показались мне теперь более тощими, более угловатыми, а их морды почти человеческими. Так могли бы выглядеть люди, если бы произошли от каких-то невероятных, наделенных столь же темным и далеким разумом существ из дальних уголков вселенной. Однако у меня не было времени на подобные размышления. Взыв, я повел стаю на чудовищную орду.

Твари были слишком заняты своими извращенными забавами, чтобы заметить надвигающуюся гибель. Тех, кто пытался бежать, стая настигала без каких-либо усилий. Я сбиwal с ног чудовище за чудовищем, раздираал клыками глотки и выплевывал куски студенистого мяса, отвратительный вкус которого еще больше сводил меня с ума, не позволяя оставить в живых ни одного из монстров. Их крики — вопли, булькающий клекот, хриплое рычание — приводили меня в еще большее неистовство.

Когда с последним из них было покончено, я, тяжело дыша и зализывая раны, лег на брюхо. Вокруг меня на блестящей от крови траве лежала стая, и эта картина напомнила мне мое детство среди волков. Я слишком устал, чтобы куда-либо идти.

Внезапно мне показалось, что мой мозг улавливает мысли Псов. Они были единым разумом, и их мысли были мыслями их хозяев, Древних. Я видел глаза с человеческую голову, широко раскрытые над морскими и каменными просторами. Нечто черное и бесформенное бурлило посреди безграничной тьмы. Казалось, пузыри танцевали в такт чудовищной музыке, а потом превращались в странные существа, которые выползали на черную как смоль поверхность, а затем вновь погружались в бездну. А над всем миром маячил огромный черный силуэт с кожистыми крыльями и перепончатыми когтями.

Вздвогнув, я пришел в себя. Глаза Псов равнодушно наблюдали за мной. Какие силы я пробудил, призвав на помощь стаю? Удастся ли мне противостоять бесконечно чуждому могуществу? Я не знал ни слов, ни ритуала, чтобы избавиться от Псов, но должен был остерегаться вызывать их слишком часто, ибо я не знал, какими еще силам я мог невзначай дать волю.

Итак, у меня не осталось ничего — ни войска, ни Псов. Я мог надеяться лишь на то, что меч Делрина поможет мне победить Ментуменена. Я должен был следовать тем же путем, по которому шла орда, и верить, что этот путь в конце концов приведет меня к цели. Пробормотав обратное заклинание, я направился к озеру.

Вернуться в человеческий облик оказалось нелегко. Кожа моя, будто покрылась короткой щетиной, и мне пришлось приложить усилие, чтобы подняться с четверенек.

Несколько мгновений я вглядывался в мрак среди деревьев. По стволам скользили тени, между ними колыхался туман; мне чудилось, будто я всматриваюсь в глубокий ил. Затем, взревев, я бросился вперед. Мой конь исчез!

Еще не добежав до нужного мне дерева, я знал, что меч Делрина похищен. Псы не предупредили меня. Зачем, если он должен был защитить меня от их хозяев? Металлическая рука все так же лежала под корнями. Видимо, двойной груз оказался слишком тяжелым для похитителя.

Схватив руку и пристегнув ее на место, я увидел вора. Пленник-стигиец, руки которого теперь были развязаны, скакал в сторону горизонта — туда, куда устремилась орда. Он низко пригнулся к шее лошади, словно хотел сделаться невидимым. Меч Делрина тускло блестел в его руках. Хаос помог ему освободиться.

Я уже собирался призвать на помощь Псов, как вдруг на дальнем краю леса увидел своего коня. Сначала я принял его за спутанную массу ветвей и листвы. Возможно, он оборвал поводья, испугавшись Псов. Во всяком случае, похититель не смог его поймать.

Пробравшись через сплетение корней и густые кусты, я подошел к коню, стараясь не напугать его. Хотя я ездил на нем лишь со времен сражения на море Вилайет, казалось, он чувствовал во мне животное начало и знал, что я не причиню ему вреда. Конь вскидывал голову и с фырканием пятился, но все же позволил себя погладить, в то время как я успокаивал его тихими звуками, которые издавал скорее инстинктивно, нежели понимая, зачем я это делаю.

Продолжая что-то нашептывать, я вывел коня из леса. Затем, уже не в силах сдерживать охватившую меня ярость и издав нечленораздельный рык, скорее волчий, чем человеческий, я прищипорил коня и пустился в погоню за стигийцем, который уже почти скрылся за горизонтом. На морде коня появи-

лась пена, на боках выступил пот, но я готов был гнать его вперед, пока не разорвется его сердце или пока я не верну свой меч.

Небо потемнело, раздался раскаты грома. Струи дождя ударили мне в лицо, одновременно освежая и приводя меня в еще большее бешенство. Однако сейчас я жаждал не воды, а крови стигийца. Я уже нагонял его. Повернув свою лысую голову, он увидел меня и начал отчаянно колотить ногами по бокам лошади.

Дождь кончился, но гроза продолжала бушевать. Вспыхивали молнии, разрезая облака огненными росчерками. Небо превратилось в нависший надо мной свинцовый утес. Кажется, он готов в любую минуту обрушиться. Вокруг не было ничего, кроме крошечной, словно подвешенной между землей и небом фигурки всадника. Я взялся за металлическое запястье. Скоро я настигну свою добычу.

Пейзаж был не столь однообразен, как могло показаться. На горизонте возник небольшой лес, к которому, похоже, и спешил беглец. Вскоре мое предположение подтвердилось. На одном из ближних деревьев восседала черная тварь. Над кожистыми перепончатыми крыльями виднелось лицо, которое отдаленно походило на человеческое. Это был Ментумен.

Почему он не полетел навстречу своему приспешнику? Возможно, колдуну хотелось позабавиться с нами обоими. Хотя я не был

уверен, что беглец достаточно близко, медлить было нельзя. Обхватив круп коня ногами, я тщательно прицелился и нажал на металлический спусковой крючок.

Сначала мне показалось, что стрела пролетит у бегльца над головой. Затем она начала опускаться, теряя скорость, ударила его в поясницу и хоть и не вонзилась в тело, но свалила седока с лошади. Меч Делрина вылетел из рук стигийца и вонзился в землю в нескольких ярдах от него.

Услышав шум кожистых крыльев, я злое осканился, будучи уверенным, что схвачу меч первым. Беглец лежал неподвижно, лицом к небу. Пришпоривая коня, я видел, что летучая тварь даже не взлетела. Что ж, пусть будет рядом, когда меч Делрина вернется ко мне!

Мгновение спустя я увидел, почему он не торопится. Из-за деревьев навстречу мне выехало около десятка гирканцев.

Что ж, я готов сразиться и с ними. Я ближе к мечу, чем они, а мой конь взбешен не меньше своего всадника. Стоит мне только схватить меч, и на землю прольется намного больше их крови, нежели моей. Но, когда первая стрела вонзилась мне в бедро, до меча было еще далеко.

Хотя мне показалось, что в мою плоть воткнулась докрасна раскаленная кочерга, я все равно успел бы добраться до меча, но вторая стрела попала коню в глаз. Я рухнул на твер-

дую, как камень, землю, а конь упал сверху, придавив мою металлическую руку. Теперь я был безоружен и не мог освободиться, так как рука была зажата до самого плеча.

Ко мне приближалась смерть — двое гирканских всадников уже подняли мечи, готовые изрубить меня на куски. Однако внезапно за их спинами раздался голос:

— Взять его живым!

Отчаянно пытаясь высвободить придавленный обрубок руки, я увидел, как крылатая тварь взлетела с дерева. Она спикировала на своего приспешника и когтями разорвала ему горло.

Когда гирканцы спешили, я начал отчаянно отбиваться ногами, рыча, словно пойманный зверь. Я отбил ногой один меч, но получил рукоятью другого удар, который мог бы проломить череп человеку не столь крепкому, как я. Впрочем, и мне показалось, будто мой череп раскалывается на куски. Последнее, что я увидел — поднимавшегося к зениту Ментуменена с мечом Делрина в когтях

Глава пятнадцатая ПЕЩЕРЫ СТИГИИ

К

азалось, меня окутала кромешная тьма, пронизываемая яркими вспышками. Я слышал лязг оружия гирканцев, слышал их смех и язвительные замечания.

Думаю, именно это и вывело меня из оцепенения. В глазах у меня внезапно прояснилось, и я свирепо уставился на гирканцев.

— Итиллин! — послал я беззвучный призыв, как это уже бывало прежде. — Если в тебе осталась хоть капля сострадания, о прекрасная Ледяная Ведьма, учительница, защитница и мучительница, — мне нужна твоя помощь!

Земля, что считает меня своим сыном, — приди мне на помощь!

И меч, Меч Делрина, — вслух произнес я, хотя мой голос оказался не более, чем приглушенным шепотом. — Могучий Меч, с которым сплетена моя судьба, покинь заоблачные высоты и вернись на Землю, где ты был выкован, вернись в мою руку!

Красный туман рассеялся. Передо мной стояла Ледяная Дочь Богов, прекрасное тело которой казалось жемчужным с кровавым оттенком. Она улыбалась мне, на этот раз без тени презрения. Никогда еще она не казалась мне столь чистой, столь желанной и столь опасной. Но теперь не для меня.

Нет! На этот раз ее гнев был направлен на тех, кто пытался захватить меня в плен. Описав рукой полукруг, она вытянула указательный палец, словно вылепленный скульптором из снега, и легко выдохнула. Небольшое облачко пара поплыло вдоль ее изящной руки. Оно росло, вытягиваясь в ту сторону, куда указывал палец. Брызнули снежные хлопья, и тела гирканцев под ними побелели. Морозные узоры украсили их доспехи, глаза превратились в ледяные шарики. Повисла абсолютная тишина. Мои недавние противники стояли, наполовину

вытащив мечи, словно белокаменные статуи. Презрительные ухмылки застыли на их губах.

Затем Итиллин перевела холодный как лед взгляд на меня. Такой же холодной была и ее улыбка, и окружавшая ее аура. Но, привыкший к пронизывающим ветрам, я почти не ощущал холода.

За ее плечом я увидел летучую тварь, уносившуюся все выше и выше в серо-стальное небо. Внезапно освещенные магическим сиянием облака разошлись. Я понял замысел Ментуменена сразу же, словно был его братом по духу.

Он намеревался спикировать подобно орлу, нанося удары мечом, словно хищным железным клювом. Его первой жертвой должна была стать Итиллин. Не будучи ни призраком, ни сонным видением, она казалась вполне уязвимой в своем нынешнем теле. Следом за ней наступала моя очередь.

Я попытался что-то сказать, но из моего горла вырвался лишь хрип. Сложив крылья, колдун устремился к земле, обгоняя свист ветра.

Я поднял свободную руку и показал на него. Итиллин, вероятно, подумала, что я протягиваю руку к ней.

Она больше не улыбалась. Голос ее звучал словно хрустальный колокольчик.

— Ты просил моей помощи. Разве этого недостаточно? Зачем ты звал еще и Гею? Если она значит для тебя больше, чем я, пусть теперь она тебе помогает!

Тело ее стало прозрачным, превратилось в радужную пленку и исчезло. Я остался один, покинутый всеми.

Мои мысли мчались быстрее любого демона, даже быстрее скорости света (об этом мог бы рассказать Джеймс Эллисон, если бы я, Гор, имел возможность общаться с ним в этот критический момент).

Я был уверен, что Итиллин не покинула меня навсегда, и криво улыбался, даже в миг смертельной опасности. Я по-прежнему оставался для нее врагом, но сейчас появилось новое чувство — ревность.

Шанара, моя любимая, все еще терзала холодное сердце Итиллин, а теперь у Ледяной Ведьмы возникла еще одна причина для того, чтобы меня ненавидеть. Я чувствовал, что, сам того не зная, нанес ей ответный удар. Интересно, — подумал я, — какие чувства испытывала бы она, если бы я призвал на помощь только ее и не обратился к Земле?

Люди — противоречивые создания. Как оказалось, Итиллин тоже. Она показала мне, что, хоть на мгновение, но может быть настоящей женщиной...

Передо мной вновь возникло прекрасное лицо Шанары. Нет! Я не до такой степени был привязан к Ледяной Богине!

Она приходила на мой зов. Она спасала меня — но лишь для своих собственных целей. Теперь же она предоставила мне возможность выпутываться самому. Наверняка она

сейчас наблюдает за мной. Наверняка смеется над моим затруднительным положением. И вновь, как и много раз прежде, я ее проклинал.

Мои мысли неслись с бешеной скоростью. Пикирующий к земле силуэт почти не успел увеличиться. Лежа на теплой груди Земли, я, подобно Антею, черпал из нее силы.

Напрягшись, я вновь попытался вырвать придавленную руку. Я не осмеливался произносить магические слова в подобном состоянии. Если бы позволяло время, я мог клыками разорвать мешавшую мне конскую тушу.

Звериной частью своего естества я ощущал, что могу сразиться с летучей тварью почти на равных. Дернув руку изо всех сил, я почувствовал, как что-то щелкнуло, и понял, что это выскочило лезвие ножа. Согнув железные пальцы, удлинившиеся теперь на фут острой как бритва стали, я вонзил их в мертвую плоть.

Моя рука сразу покрылась лошадиной кровью и скользким жиром. Рыча и ругаясь, я наконец освободился. С небес стремительно падал мой враг, огромный как орел, кондор или птица Рок. В солнечных лучах ярко блестел меч, готовый пронзить меня, вспороть мне брюхо! Будь проклята, Итиллин! Проклинаю вас, надменные Ледяные Боги! О Земля! Неужели Гору пришел конец?

Внезапно я увидел, что сияние стало ярче и даже затмило блеск солнца. Это было свечение раскаленного добела металла!

Широко распростертые черные крылья били по воздуху, не давая колдуну врезаться в землю. Пронзительный вопль Ментуменена напоминал свист пикирующего самолета. Аналогия стала еще более полной, когда летучей твари наконец удалось выровнять полет.

С неба падала настоящая зажигательная бомба! Я, Гор, никогда не видел и даже не мог себе представить ничего подобного. Однако я сразу же узнал свой меч, раскаленный добела, с дымящейся рукоятью, он падал прямо в круг замороженных воинов, в центре которого стоял я. И мне показалось, будто я слышу голос Земли: «Ты сказал: Меч, вернись туда, где ты был выкован! Теперь он возвращается, и если ты хочешь вновь обрести его, тебе придется проделать долгий путь».

Меч вонзился в землю и исчез в ней. Колдун, продолжая дико вопить, взмыл в небо и, оставляя за собой дымный след, скрылся в облаках, из которых тотчас полил дождь.

Я знал, что без меча я беззащитен перед всемогущими Древними. Без меча слишком опасно призывать их сомнительную помощь. Я мог лишь предполагать, как скоро они обратят на меня внимание. Из дыры, которую оставил после себя ушедший в землю меч, поднимался пар. Будь я кротом или мышью, я бы забрался в эту нору. Будучи человеком, я не мог этого сделать. Будучи волком? Мне показалось, что я знаю способ, как добраться туда, где сейчас находится меч, но даже если и

получится, вход в обитель Огненных Демонов слишком далеко, а времени у меня слишком мало.

Стигиец, приспешник Ментуменена, рассказал мне достаточно. Возможно, он знал и кое-что еще, важное для меня. Я направился туда, где лежало его тело. Под жаркими лучами солнца замерзшие люди и лошади оттаивали и падали на землю. Один из них сидел с таким нелепым выражением лица, что я не удержался от улыбки. Он меня не заметил, поскольку был мертв.

Но стигиец меня заметил! Он лежал в луже крови, которая продолжала течь из ужасной раны в его горле. Он не мог говорить, и лишь бульканье доносилось из его груди, когда он пытался что-то произнести.

Он показал на лезвие, все еще торчавшее между моих стальных пальцев, затем жестом изобразил, будто его голова отделяется от тела. Я присел рядом.

— Сет не давал тебе спать. Теперь он не дает тебе умереть, так?

Он кивнул, и его пальцы заскребли по земле, поспешно царапая неразборчивые рунические знаки.

«Освободи меня огнем. Тогда я смогу заснуть. Даже Сет не в силах восстановить тело из пепла! Гор, ради твоей матери, освободи меня!»

— Я убил свою мать. Если окажешь мне услугу, я освобожу тебя. Потом сможешь заснуть.

Он снова начал царапать пальцами по земле. Я прочитал:

«Заснуть — да! Заснуть навсегда — да! Я помогу тебе, чем пожелаешь».

— Тогда отведи меня ко входу в Стигийские Пещеры, откуда я мог бы добраться до обитатели Огненных Демонов. Но сначала...

Я взял стрелу, поместил ее в самострел, встроенный в мою механическую руку, и взвел пружину. Коснувшись кнопки, я убрал лезвие. Затем я снял пояс с убитого гирканца, туго обмотал им металлическую руку и, сняв, привязал ее к поясу стигийца.

— Вставай! — прорычал я. — Ты мертв, и я не могу убить тебя во второй раз, но, пока ты в состоянии двигаться и твоя душа остается внутри твоего гниющего тела, ты все еще можешь чувствовать боль.

Его искажившиеся черты, дрожащие руки и судорожно подергивающиеся мышцы свидетельствовали о том, что моя догадка верна.

— Я знаю много способов, как сделать больно, — проскрежетал я и тут же продемонстрировал один из них. Он захрипел, заскулил, и взгляд его стал отчаянным и просящим. Я отпустил его.

— Помни — зубы могут сделать куда больнее! — сказал я и произнес слова превращения. Вместе — волк-оборотень и живой мертвец — мы отправились в путь.

Я намеревался двигаться на северо-запад, однако приходилось идти в западном направ-

лении, к Стигийским Пещерам, расположенным во владениях Сета. Затем нам предстояло спуститься в их черные бездны, чтобы отыскать меч. Я должен был вернуть его! Мое сердце влекло меня к Шанаре. Мой разум обгонял тело. Берегись, Итиллин! Только попробуй снова насмехаться надо мной!

Я знал лишь одно. Прежде чем я умру, как каждый из людей, я должен увидеть вонючую кровь Ментуменена на лезвии Меча, сколь бы едкой и отвратительной она ни была.

Когда я, Джеймс Эллисон, перечитываю написанное мною, я порой удивляюсь тому, что я, Гор, так хорошо помню некоторые события, но с трудом могу вспомнить в подробностях другие, которые кажутся мне — слабому человеку в ином мире — не менее важными.

Возможно, дело в том, что события, значимые для Гора, глубоко впечатались в его память, а оттуда и в мою; те эпизоды, которые он считал несущественными, стерлись из тайных глубин подсознания, которыми, как утверждают психиатры, мы обладаем.

Так или иначе, путешествие в Стигию казалось мне, Гору, утомительным и долгим, хоть и обошлось без всяких происшествий. Я помню...

Солнце, словно огненный шар, пылало на бронзовом небе. Песок был раскален, словно дверца печи. Рядом со мной неугомымо бежал

стигиец, обескровленный и высохший, со скрипущими от отсутствия жидкости суставами. Однако он был жив, и его мучили жара и желание как можно скорее умереть и уйти в забвение. А силы, которые я черпал от Древних, казалось, оставляли во мне все меньше и меньше человеческого.

Иногда я бежал впереди, иногда, просто ради развлечения, пристраивался сзади, щелкая зубами и покусывая его за пятки. Осторожно, чтобы не надкусить сухожилия, ибо даже сейчас, становясь с каждым днем все больше зверем и все меньше человеком, я знал, что он нужен мне как проводник. Однако меня отчаянно мучил голод, и я чувствовал, что скоро уже не смогу себя сдерживать. Я уже почти не жалел, что вынужден прибегать к помощи опасных сил, и наслаждался пребыванием в обличье волка!

Я помню, что не ощущал запаха разложения стигийца, хотя подобное мне казалось странным. Сейчас меня это не удивляет, поскольку мне приходилось видеть другие тела, превратившиеся в мумии от жары и сухости в песках Аризоны, — а пустыни мало отличаются друг от друга. Запаха не было, однако над нами терпеливо кружили стервятники, ожидая, когда им достанется добыча. Видя меня, они знали, что человек рано или поздно будет мертв!

Итак я и мой жуткий спутник вместе пересекали пустыню, отделявшую Туран от темных

земель Стигии, и вступили во владения Сета. Линия туманных облаков, висевших над рекой Стикс, подсказала нам, что граница рядом. Мы приближались к ней, а иссушенные деревья тянули к нам сухие, лишенные листьев ветви, словно прося воды или желая предостеречь нас об опасности.

Если так, в подобном предупреждении не было необходимости. Пока что мне вовсе не хотелось пересекать реку.

Лишь стервятники видели, как мы подошли к огромной дыре, куда с грохотом уходила река Стикс, исчезая в Стигийских пещерах.

Если нам удастся выйти из них, мы окажемся в Стигии.

Бросив последний взгляд на стервятников, с разочарованными криками круживших над краем бездны, мы начали спускаться по ступеням, вырубленным в камне тысячелетия назад. Так давно, что лишь вождь Кул мог знать, были ли они творением человеческих рук или же гибких пальцев змеелюдей, с которыми он сражался в Валузии.

Я знал лишь то, что жители Стигии не вырубали эти ступени, ибо они испытывали благоговейный страх перед Сетом, могучим Богом, гнева которого следовало опасаться. Так что скорее всего ступени в скале вырубili сами обитатели пещер.

Лестница спускалась вдоль стены, которая была дальше всего от водопада. Края ступеней стерлись от тысячи прошедших по ним ног и

были покрыты слизью, из-за которой не удавалось разглядеть следы моих предшественников. Судя по всему, лестницей не пользовались уже давно.

Произнеся магические слова, я забрал у стигийца свою механическую руку. Мне пришлось повторить их трижды, прежде чем началось превращение. Никогда еще оно не проходило столь тяжело и столь болезненно; никогда прежде я так не сожалел о необходимости изменять свой облик, никогда мне так не хотелось оставаться хищником и никогда еще, становясь человеком, я не чувствовал себя таким слабым.

Однако, хоть я и знал, что в облике зверя могу успешнее противостоять Бессмертному Червю, Сету, единственной моей надеждой вновь обрести меч, единственной моей защитой от влияния Древних оставалось обличье человека.

По мере того как мы спускались все глубже, тьма рассеивалась. Слизь на ступенях и стенах испускала призрачное свечение и расползалась от моего прикосновения, словно некая, судорожно пытавшаяся отпрянуть форма жизни.

Обрушивавшийся в бездну водопад все меньше походил на водяной столб и все больше на облако брызг, освещенное снизу колеблющимся красноватым светом, который тоже казался мне живым.

Воистину жизнь окружала меня со всех сторон, но жизнь эта не была дружественной

ни ко мне, ни к любому другому из людей. Яростно зарывав, я поднял свою смертоносную руку. Стигиец начертил на слизи, покрывавшей стену, неровный круг.

Снизу послышался пронзительный, повторявшийся снова и снова звук, напоминавший флейту. Он пронизывал меня до костей, заставляя вибрировать и содрогаться мою плоть. Мне казалось, еще немного и я упаду, расплывшись лужей слизи, которая, как я теперь понял, состояла из тел мужчин и женщин, продолжавших чувствовать, страдать и помнить верхний мир.

Стигиец нарисовал внутри круга фигуру четвероногого змея с человеческой головой. Я понял, что это символ Слепого Флейтиста, Посланника Богов, ибо он был изображен играющим на флейте.

Мой спутник, безуспешно силясь что-то сказать, показал вниз. Наконец он нацарапал на слизи единственное слово, которое дрожало и расплывалось, но я успел прочесть: «Ад», — и понял, что мы находимся в Стигийской Преисподней.

— Сет там, внизу? — спросил я. Скрипя шейными позвонками, он покачал головой и нарисовал еще одну картинку, на этот раз невероятно уродливое существо с головой крокодила. Он с ненавистью посмотрел на меня, и я понял, что если бы этот зловещий демон, доставивший ему столько мучений, находился сейчас в своей мрачной обители, нас бы уже заметили.

Мы продолжали спускаться, и вокруг становилось все светлее. Звук флейты стал громче. К горлу подступила тошнота. Водяные брызги превратились в облако густого тумана, освещенного снизу пляшущими языками пламени.

Стены высыхали от шедшего снизу тепла, их уже не покрывала дрожащая слизь. Вместо нее ползали белые черви, которые приподнимались на своих задних сегментах, глядя на нас крошечными черными глазками. На лестнице было мало места, но мы старательно избегали их прикосновений и наконец оказались на широкой каменной площадке, на которую я ступил с облегчением, хотя это еще не было дном колодца.

С площадки в темноту уходил коридор, откуда доносились жуткие звуки флейты. Я не осмелился войти в него и продолжал спускаться вниз, вниз, вниз, ступень за ступенью в Ад, и за мной неотступно следовал объятый ужасом стигиец. Однако по мере того как я оказывался все ниже, мой страх начал постепенно проходить.

Меня охватило странное спокойствие. Я чувствовал, что недалек от цели, давно ожидающей моего появления. Итиллин говорила, что я никогда не изведу подобного покоя. Возможно, это продлится недолго, но впервые за всю свою долгую, дику, трагическую жизнь я был совершенно спокоен. В некотором смысле я возвращался домой, в породившую меня утробу — не в ту, которую я нена-

видел и презирал, не в утробу Гудрун Златокудрой, которую, если бы она каким-то чудом возродилась, я с удовольствием убил бы снова, а в утробу моей истинной матери, Геи, родившей в муках и скорби все расы Человечества, лишь для того, чтобы ее терзали и опустошали те, кого она вскормила, защищала и любила.

Да, любила! На меня нахлынула волна чувств. Впервые за всю мою горькую жизнь меня охватило чувство жалости и привязанности, и они были для меня столь новыми, столь странными и столь добрыми, что, закрыв лицо руками, я упал на колени, и Гор — Могучий Гор, Ужасный Гор, Гор Внушающий Страх — рыдался словно ребенок, ища утешения у Матери-Земли, в глубоких подземельях темной и порочной страны Стигии, в самом логове Сета, друга Древних и хозяина Ментуменена, моего смертельного врага!

В голове у меня зазвучал тихий голос:

— Любимый мой сын, ты встретился лицом к лицу с воплощением ужаса, но не дрогнул. Ты выполнил свой долг, и ты заслужил награду. Прими же ее и освободи своего спутника!

Я поднял голову. По уходившей в бездонную пропасть лестнице, раздвигая покачивающиеся волны тумана, ко мне поднималось сверкающее облако. Оно увеличивалось в размерах, приобретая форму огненного гиганта, вид которого был ужасен, хотя я и знал, что он не испытывает ко мне вражды.

У него были руки и ноги, голова и туловище, и в одной пылающей руке, окруженной волнами мерцающего света и жара, он держал меч — могучий меч Делрина, казавшийся черным на фоне живого огня, которым, собственно, и был этот посланник из Страны Огненных Демонов, где некогда выковали этот Меч.

Гигант держал меч за лезвие, протягивая мне рукоятью. Я колебался, опасаясь обжечься, и протянул в ответ свою металлическую руку. Демон опустил меч, и его огненные губы раздвинулись в улыбке.

Раздался тихий, спокойный голос:

— Не бойся ничего, сын мой. Здесь тебе никто не причинит вреда, но опасность уже в пути, и ты должен быть вооружен. Возьми то, что принадлежит тебе, ибо сюда идет Ментуменен. Он не знает, что ты его ждешь... С ним та, за кого ты должен сразиться!

Я вытянул вперед здоровую руку и, взявшись за протянутую рукоять, обнаружил, что она холодная.

Стигиец умоляюще смотрел на меня. Он сделал шаг к Огненному Демону и снова посмотрел на меня, словно ожидая разрешения.

— Прими и ты свою награду, — сказал я. — Теперь ты можешь умереть. Ты мне больше не нужен. Ты свободен и можешь навсегда освободиться от Сета!

Он бросился в распростертые объятия демона, словно в объятия любовницы. Его ис-

сохшее тело вспыхнуло, будто вязанка хвороста в очаге, и вверх поднялось облако едкого дыма. Лишь горстка белого пепла упала на камни. Я растер пепел подошвой сандалии и смахнул его с края пропасти.

— Иди же с миром и предстань перед Высшим Судом. А если чаша весов склонится против тебя, скажи им, что перед ними явлюсь я, дабы говорить от твоего имени! Ты никогда больше не будешь принадлежать Богу-Крокодилу.

Оставшись один, я повернулся к выходу и начал подниматься навстречу собственной судьбе — какой бы она ни была.

Теперь я точно знал, что Ментуменен, Повелители Хаоса, Древние и Сет — союзники. Какие еще требовались доказательства, если я слышал самого Плакальщика Тьмы, игравшего на своей флейте в мрачных пещерах, ожидая Сета?

Я слышал, что у него есть единственный враг, которого он по-настоящему опасался — Ктуга Фомальгаут, который с радостью пришел бы нам на помощь, если бы его позвали.

Карабкаясь вверх, я продолжал размышлять. Теперь я мог более четко представить себе расклад сил в предстоящей битве. С одной стороны — вышеупомянутые ужасные враги; с другой — Ктуга и все человечество, не только жители Немедии, но и Мать-Земля, которой наверняка досаждали пещеры — бо-

лезненная рана на ее теле — и Ледяные Боги, Повелители Порядка.

Трудно было сказать что-либо о преданности Псов Тиндалоса, которых я вызвал, возможно, себе на погибель. Мог ли я отослать их назад? В легенде утверждалось, что еще ни одному человеку не удавалось этого сделать, не расставшись с жизнью в качестве платы за их услуги!

А в центре событий были мы с Шанарой — жалкие насекомые среди сражающихся богов.

Главное теперь не просто спасти цивилизацию Немедии, а *всю* цивилизацию! Только я обладал знаниями, которые должен был дать миру, чтобы человечество могло заранее подготовиться и провести черту между союзниками и врагами.

Если я погибну в этих пещерах, даже Сет не знает, что будет дальше. Призвать на помощь Древних я тоже не мог — это равносильно тому, что я сам приглашу палача и заточу топор для своей собственной шеи!

Я продолжал карабкаться наверх. Я обязан выжить. Мне, Гору, варвару, у которого никогда не было друзей и который никогда в них не нуждался, было странно чувствовать такую ответственность. Да, у меня был долг, долг перед самим собой. И я намеревался исполнить его любой ценой.

Я выбрался на площадку и на цыпочках миновал коридор, из темноты которого про-

должали раздаваться заунывные звуки флейты.

Увы, меня заметили. Как? Возможно, когда мы спускались! Тогда нам не помешали, ибо кто мог скрыться от Сета? Однако чтобы незванный гость вновь поднялся к свежему воздуху и безопасности? Такого просто не могло произойти!

Послышался жуткий, леденящий кровь вой, затем кто-то дважды позвал: «Игнай! Игнай!» Последовавший за этим смех оказался еще страшнее, ибо хлюпающие шаги в коридоре становились громче, а туман расходился в стороны перед невидимым чудовищем.

Я застыл на месте. Что мог сделать меч против такого гиганта? Оставалось только догадываться.

Из лежавшей внизу бездны, эхом отдаваясь от стен, донесся другой крик, крик о помощи, обращенный к единственному могущественному врагу чудовищного флейтиста. Я сразу же узнал этот голос. Гея, Земля-Прорицательница, Мать-Земля, призывала своих союзников на помощь Гору, ее сыну!

— Ф'нглуи мглв'нафх Ктуга Фомальгаут н'гха-гхаа наф'л тхагн! Иа Ктуга!

Крик повторился трижды, и вскоре пришел ответ. Могучие крылья сотрясли воздух пещеры. Я прижался к скользким ступеням. Меня накрыла жаркая волна. От стен и лестницы шел пар. Воздух обжигал легкие, металлическая рука и меч жгли мою плоть. Чудови-

ще влетело в коридор, откуда послышалось шипение горящего мяса, повалили клубы дыма и раздались такие жуткие вопли, что я побежал вверх по лестнице, забыв про усталость.

Борьба в пропасти продолжалась. Жар высушил ступени, и ноги легко и быстро несли меня к поверхности.

Затем внизу наступила тишина, и кто-то начал подниматься по ступеням. Кто? Сначала я мог лишь догадываться, затем нарастающий жар подсказал мне, что победителя можно не опасаться. Я прижался к стене, и огромные крылья пронеслись мимо. Вверху виднелось круглое отверстие входа, на фоне которого ярко сверкали звезды, а среди них — темный силуэт Фомальгаута, столь сверхъестественный, что я не в силах описать его. Хлопая крыльями, он исчез вдали.

Когда я наконец выбрался наверх, мне показалось, что Ктуга возвращается. Мгновение спустя я понял, что ошибся. Я слишком хорошо знал чудовищную тварь, напоминавшую летучую мышь, — Ментуменена! И он знал, что это я — Гор!

Послышался пронзительный вопль, и тварь, спикировав, кинулась ко мне. Прежде чем упасть, я успел подставить меч, и клинок погрузился глубоко в ее плоть. Летучая тварь бесформенной грудой полетела прямо в водопад, а потом рухнула в бездну.

Меня вдавливало в землю чье-то бесчувственное тело. Раздраженно оттолкнув его в

сторону, я заглянул за край пропасти. Внизу, среди яростной пены, брызг и тумана, вздымался фонтан искр и горящих углей, который не могла погасить ревушая вода!

Столб пламени поднялся над землей, осветив все вокруг, и я увидел у своих ног Шанару. Схватив ее, я бросился бежать, а позади меня рушились стены, шипел пар и слышался ужасающий предсмертный рев.

Земля дрожала у меня под ногами. Я перепрыгивал через широкие трещины и бежал, спасая свою жизнь. Нет, две жизни, ибо Шанара у меня на руках еще дышала!

Выбравшись на твердую почву, я огляделся. Гигантский факел все еще с ревом поднимался в небо. Затем он уменьшился и погас, словно свеча.

Почти у самых моих ног в земле образовалась впадина — песок устремился в пещеру. Стикс, словно дикий зверь, метался по пустыне в поисках нового русла.

Стигийских пещер больше не существовало. Рана на груди Матери-Геи затянулась навсегда. Где-то глубоко под землей Огненные Демоны вновь могли предаваться своим мирным занятиям, и больше никто не мог им помешать.

Но Слепой Флейтист? Был ли он бессмертным? Суждено ли нам когда-либо встретиться вновь? Смог ли Ментуменен взлететь над огненным факелом? Я знал лишь одно: как я и поклялся себе, его кровь наконец обагрила

мой меч. Я повернул на север, в сторону Немедии, держа на руках бесчувственную Шанару, нежную, дорогую и прекрасную.

И еще я знал: если Ментуменен выжил, он стал калекон, как и я. Я отрубил когтистую лапу, которой он держал Шанару за пояс, — то есть ногу колдуна, в его другом воплощении.

Плотно сжав губы, я шагал по пустыне, сверяя направление по звездам. Наши силы существенно сравнялись.

Мои мрачные союзники — Псы Тиндалоса — не покинули меня. То и дело я ощущал прикосновение их холодных жилистых тел к моей ноге и слышал их хриплое дыхание. Однако, как ни странно, их присутствие меня не пугало. Да, они могли не вернуться в свое странное измерение до самой моей смерти. Или их все-таки можно обмануть, умертвив другого? Я чувствовал, что среди моих многочисленных врагов наверняка найдется один, пригодный для этой цели!

Мне удавалось с честью выйти из многих затруднительных положений. Теперь же, вновь обретя свою любовь, я не сомневался, что смогу справиться и с этим.

Что ж — вперед, в осажденную Немедию! Берегитесь, гирканцы! К вам идет Гор, с мечом Делрина и в окружении внушающей ужас стаи, неся смерть вашим мужчинам и слезы вашим женщинам!

Глава шестнадцатая ТРИЖДЫ ПРОКЛЯТЫЙ

Я

шел по пустыне вдоль берега великой реки Стикс, с бесчувственной Шанарой на руках, а рядом бежали чудовищные Псы. Они были невидимы, и я лишь слышал их тяжелое дыхание и время от времени ощущал прикосновения их жесткой шкуры. Я шел сквозь ночь, на север, ведомый мерцавшими над головой звездами; но

даже могучие силы, которыми я, Джеймс Эллисон, обладал в те почти забытые дни, когда был Гором, братоубийцей и оборотнем, иссякали. Порой я спотыкался и падал от усталости, будучи все-таки созданием из плоти и крови, в отличие от Псов, колдовских созданий, неутомимо бежавших в ночи. В конце концов, задыхаясь, я рухнул на песок. Шанара, не проснувшись, вскрикнула и пошевелилась, затем снова затихла. Я протянул руку, чтобы удостовериться, что она еще жива, но последние силы покинули меня, и я заснул рядом с моей любимой. Не знаю, как долго я проспал посреди пустыни, охраняемый лишь Матерью-Землей, Геей, но солнце успело подняться и зайти снова по крайней мере один раз, ибо, когда я снова пришел в себя, стояла ночь, хотя уже занимался рассвет.

Окончательно разбудил меня слабый голос Шанары, просившей воды. Казалось, она совершенно не удивилась, увидев меня, лишь едва слышно еще раз попросила пить. Неподалеку с ревом неслась река Стикс, но вода в ней была черной и тусклой, и я отказался от мысли напиться из этого зачарованного потока. Спотыкаясь, я отправился на поиски другого источника. В конце концов я нашел маленький мутный ручеек среди колючей пустынной растительности и позвал Шанару. Вода была мутной и горьковатой, с привкусом песка, и Шанара морщилась, утоляя жажду. На поясе у меня все еще висел старый высохший мех для вина, который сохранился

со времен давно забытого пиршества. Я размочил его и наполнил водой. Воды в нем уместилось явно недостаточно для путешествия через пустыню, но волчьи инстинкты подсказывали мне, что это все же лучше, чем пить из черных вод Стикса. Шанара, вновь мучимая жаждой, направилась было к реке, но я приказал ей вернуться. Она, хоть и с неохотой, повиновалась. До этого мы не обменялись ни единым словом, и я сожалел, что мои первые слова, обращенные к любимой после столь долгих поисков, оказались такими резкими.

Весь следующий день мы брели на север, и вода попадалась нам на пути крайне редко. Я давал Шанаре пить из своего меха, но сам отказывался от воды, предпочитая мучиться жаждой, чем вынуждать Шанару пить из чудовищной реки. На третью ночь река превратилась в ручей, бежавший среди скал. Лежать и слышать шум воды оказалось настоящей пыткой, но я был рад, что завтра мы будем уже далеко от реки, источник которой лежал во владениях Древних, реки, насыщенной кровью скрытых под землей слугителей Хаоса. Даже если бы мне предстояло умереть от жажды, ничто не могло заставить меня смочить губы этой водой.

Шанара выпила последние капли воды из меха и теперь спала, тихо постанывая. Не в силах заснуть, я с тревогой смотрел на

нее. Что произошло с ней в пещерах Стигии, в руках колдуна? Я мог никогда не узнать этого. Я сомневался, что и она сама это знала. Временами она казалась оглушенной и полубезумной, после всех ужасов и лишений, что ей пришлось пережить, от ее прежней красоты почти ничего не осталось. Однако для меня она по-прежнему оставалась такой же прекрасной, и меня мало волновали издевательские слова Ментуменена, что однажды Шанара с отвержением отвергнет меня, сочтя диким зверем. Во всяком случае, пока что она покорно следовала за мной, ни на что не жалуясь, даже когда не попевала за мной. Возможно, ей тоже не терпелось скорее оказаться дома, в Немедии.

Однако сейчас, глядя на ее беспокойный сон, я начал задумываться. Как с ней обращался Ментуменен? Если моя любимая пострадала от его рук, мрачно размышлял я, он уже заплатил за это своей ногой, или когтистой лапой. Ибо сколь бы великим магом ни был Ментуменен, он, как и я, оставался существом из плоти и крови, существом, вполне уязвимым для меча Делрина. Гея предупреждала меня, что Шанара, возможно, не была мне верной. Что ж, подумал я, глядя на ее изможденные черты, за это она тоже заплатила. В мире, подобном этому, женщина не имела иного выбора, кроме как повиноваться тому, кто вла-

дел ее телом. Ведь и своей невестой я сделал ее, по сути, силой, и то, что мы полюбили друг друга, было лишь одним из благословений, данных мне вместе со множеством проклятий. Нет, я не стану спрашивать Шанару, какую цену ей пришлось заплатить, чтобы пережить выпавшие на ее долю тяжкие испытания. Об этом следовало забыть. Как и о самих Стигийских пещерах, исчезнувших навсегда.

Вновь взглянув на Шанару, кутавшуюся в мой плащ и разорванные лохмотья некогда пышного платья, я вдруг увидел, что то, что с ней произошло, скрыть уже не удастся. Живот ее округлился... и я знал, что это значит. Стали понятными и ее изможденный вид, и постоянно мучившая ее жажда. Не одно лишь чувство голода заставляло ее искать в пути горькую пустынную траву. В теле Шанары зрело проклятие Геи.

Кто же стал отцом этого ребенка? Я сам, еще до того, как ее похитили из моих объятий? Ментуменен, одержимый ненавистью и злобой? Или еще хуже — некое безымянное существо из мира колдовства и зла? Несмотря на проклятие Итиллин, ребенок мог вполне оказаться и моим. «...Ты никогда не станешь отцом сына, который будет править после тебя...» Речь шла не о том, что у меня никогда не будет сына, но о том, что я не стану основателем династии. Что ж, в то время никто не мог быть уверен в собственной

жизни, а королевства — в собственном существовании, и, возможно, даже боги не знали, какие именно династии станут править. Как показывал мой извилистый жизненный путь, даже планы богов далеко не всегда сбывались.

Да и почему я должен верить словам Ледяной Ведьмы? Задумавшись, я лег рядом с Шанарой и крепко обнял ее. Меня совершенно не беспокоило, что ребенок, растущий в ее утробе, может оказаться не моим. Что значило родство для меня, выброшенного умирать на снегу рукой отца, который посеял семя *моей* жизни и остался недоволен урожаем? Что значило родство для меня, Гора Братоубийцы, который убил четверых своих братьев и обрек на смерть Гудрун Златокудрую? Я, вскормленный и воспитанный волчицей, с которой у меня не было ни капли общей крови, решил, что усыновлю ребенка Шанары, отвергнув лежащее на мне проклятие. Возможно, я действительно никогда не стану отцом сына, который будет править после меня и встанет рядом с Хьялмаром из Немедии, но сын Шанары, приемыш Гора, после моей смерти возьмет в руки меч Делрина и понесет память о Горе сквозь века.

Обнимая Шанару, я заснул, и, видимо, крепко, поскольку, когда я проснулся, ее не было рядом. В тусклых рассветных сумерках я услышал звук, от которого моя кровь обрати-

лась в лед. Вскочив, я увидел Шанару, которая, спотыкаясь и роняя ноги, спускалась по камням к ручейку. Я закричал, чтобы она вернулась, но, когда я бросился к ней, она уже наклонилась к воде и жадно пила. Я оттащил ее назад, но взгляд ее был отсутствующим, по лицу и подбородку текла влага, и, глядя в ее пустые глаза, я понял, что мои инстинкты не обманули меня. Воды Стикса действительно полны зла, и Шанара испытала на себе их проклятие — она не узнавала меня и ничего не помнила. Она снова наклонилась к воде, но я железной хваткой вцепился в ее руку и потащил назад по каменистому склону. Следовало держаться подальше от вод Стикса, даже если при этом мы отклонялись от цели.

Что так неудержимо влекло ее к водам Стикса, если, проведя столько времени в Стигии, она вновь выбрала безумие и тьму? Когда я смотрел в ее пустые глаза, мне казалось, будто я снова слышу Слепого Флейтиста в сердце Хаоса. Не было ли это эхом того, что заполняло сейчас разум Шанары?

Несмотря на ее сопротивление и проклятия, мы направились прочь от реки, и к полудню шума воды уже не было слышно. Пустыня постепенно уступала место более гостеприимному пейзажу. К вечеру мы нашли источник с чистой водой и напились досыта. Какой-то крестьянин, уходя от вооруженных орд, бесчинствовавших в этих

краях, оставил амбар, полный зерна, сушеных кореньев и свежего сена, где мы впервые провели ночь во вполне сносных условиях.

Однако единственный глоток из Стикса стер из памяти Шанары все воспоминания о ее пребывании под землей. Возможно, это стало для нее благом, поскольку ей казалось, что мы снова в Немедии и возвращаемся в город, где впервые полюбили друг друга. Никакие мои слова не могли изменить этой уверенности. Воспоминания о плене, ужасе, насилии исчезли из ее памяти. Она смущенно разглядывала лохмотья своего платья, мою металлическую руку, свои исхудавшие и огрубевшие ладони, но когда я попытался рассказать ей о том, что случилось, она лишь непонимающе качала головой. Она ничего не помнила, и я чувствовал, что это к лучшему, поскольку, лежа в моих объятиях, она становилась все той же юной девушкой, какой была давным-давно, когда я только переходил от жизни волка к жизни человека, и сердце мое снова пело от нашей любви. А к исходу следующего дня мы пришли в селение, где жили люди.

А теперь я, Джеймс Эллисон, бывший когда-то Гором Братоубийцей, пятым сыном Делрина, вынужден признаться, что дальше в

моих воспоминаниях наступает пробел. По какой-то неизвестной причине в моей памяти зияет провал, как и у Шанары. Возможно, я все же выпил глоток воды из Стикса. Или капля этой воды попала мне в рот, когда я целовал губы Шанары? Или же все дальнейшие дни и месяцы были полны лишь бессмысленных лишений и потому преданы забвению? Так или иначе, я ничего не помнил о том, как мы с Шанарой вернулись в Немедию и как нас там встретили. Остались лишь смутные воспоминания об огромной толпе, приветствовавшей меня, и о великой битве, в которой гирканцы падали наземь, словно срываемые ветром осенние листья. Помню, что мы захватили город с высокими башнями на краю ледяной пустыни. Помню, что нас осадили враги и нам пришлось отступить в дикие края, подобные тем, где я когда-то охотился со стаей волков. И еще я помню, что однажды ночью в селении на краю пустыни память возвратилась ко мне, и я увидел группу беседующих немедийцев и себя, Гора, среди них.

— Удача оставила нас,— говорил бородастый воин,— но мы можем вернуть то, что нам принадлежало, и никому более не отдавать. Даже если этому дьявольскому отродью удалось подкупом пробраться в высшие круги, многие в Немедии продолжают поддерживать нас. С нами наши великие вожди — Гор и Хьялмар. Луд рассказывал о пе-

щерах в ледяной пустыне, где мы могли бы спрятать наши припасы и оружие, прежде чем оставшиеся в живых айсиры и ваниры смогут вновь прийти к нам на помощь. — Он показал на рослого мужчину в одежде из шкур.

— Да, я знаю эти пещеры, и Гор тоже их знает, — сказал Луд, — поскольку эти края знакомы ему с детства. Ты сможешь провести нас туда, Гор?

Я молча кивнул. Мне не слишком хотелось возвращаться туда, где я бегал когда-то вместе с волками и куда меня вышвырнула моя родня. Мне казалось, что там меня вечно будут преследовать призраки. Однако проклятие времен юности каким-то образом вновь вернуло меня сюда, и я чувствовал себя обреченным. Когда совет закончился, ноги сами собой понесли меня к самому большому дому в селении, к нашему с Шанарой дому.

Провал в памяти оказался глубже, чем я предполагал. Живот Шанары сильно увеличился, лицо осунулось, хотя продолжало казаться мне все таким же прекрасным. Женщина, ухаживавшая за ней, отступила в сторону, и я подошел к лежащей на груди шкур Шанаре. Несмотря на измученный вид, на губах ее появилась счастливая улыбка.

— Я рада, что ты пришел, — сказала она. — Думаю, еще день, может, два — и ты сможешь

взять на руки сына Гора — того, кого ждет меч Делрина!

Улыбнувшись, я погладил ее по волосам, благословляя тот единственный глоток воды из Стикса, что стер все ее воспоминания о Стигийских пещерах. Не помнила она и того, что когда-то носила шелка и драгоценности. Теперь ее вполне удовлетворяли грубая одежда из шкур и маленькое ожерелье из сверкающих звериных зубов, которое кто-то где-то для нее нашел. Однако я твердо решил, что еще до конца зимы должен вновь увидеть ее в пышных дворцах Немедии и ее сына — *нашего* сына — в золотой колыбели! Да, его отец был вскормлен молоком волчицы, но сын Гора должен иметь няnek, кормилиц и игрушки и должен вырасти принцем Южных земель!

Однако сейчас мы вынуждены были вновь уходить на север, в ледяную пустыню. Пока я шел во главе отряда по замерзшему снегу, а Шанару несли на носилках четверо крепких воинов. Я не мог ее оставить, мне казалось, что следом за мной по льду крадутся призраки. То и дело я ощущал прикосновение к моей ноге призрачной фигуры, похожей на одного из моих бывших братьев-волков, которые вместе со мной сосали волчицу и с которыми я дрался за кость с остатками мяса. Я знал, что невидимые Псы Тиндалоса всегда со мной, но порой в морозном тумане появлялись и другие существа. Каждый

раз, когда я касался рукояти меча, я словно наяву видел широкое красное лицо Делрина, которое сменяли лица моих братьев. Снова и снова, как когда-то прежде, я повторял их имена:

— Раки Быстрый. Сигизмунд Медведь. Обри Хитрый. Элвин Молчаливый.

— Гор... Братоубийца! Гор Проклятый!

А затем мне показалось, что в тумане перед мной возникло лицо женщины, которое все время изменялось, как менялся я сам, превращаясь из волка в человека и обратно в волка. Мгновение ее лицо было лицом Гудрун Златокудрой, потом оно превращалось в лицо Итиллин, Ледяной Девы, а затем снова в лицо Гудрун.

— Эй! Гор, что с тобой? — слышался чей-то голос, и я, вздрогнув, схватился за меч, ибо голос этот показался мне голосом Судьбы. Затем, призвав на помощь остатки рассудка, я увидел перед собой лицо Луда и заморгал, пытаюсь стряхнуть с век видения и иней. — Что с тобой? — повторил он. — Ты словно не в себе!

Я что-то пробормотал в свое оправдание. Да, я действительно был не в себе; на мне вновь лежало проклятие, от которого я, казалось, избавился за время долгого путешествия на юг. Не следовало сюда возвращаться; я должен был держаться подальше от ледяной пустыни, где меня поджидало проклятие Итиллин. Проклятие, о котором я

успел забыть в теплых южных странах! И проклятие Итиллин лежало не только на мне, но и на моем сыне...

Что ж, возможно, он не был моим сыном и потому мог избежать этого проклятия. Однако древняя, яростная боль мучила мою ногу. Мучила с тех пор, когда я, голый хромой малыш, ковылял по льду следом за своими братьями-волками.

Следующую ночь мы провели в еще более убогом селении, где было лишь восемь или десять домов из ледяных блоков, стоявших на фундаменте из древних костей. Жители селения в течение многих лет собирали кости моржей и китов, не зная никаких других строительных материалов. Шанара была слаба и все время молчала. Лишь поев немного жирного мяса, которое смогли добыть наши охотники, она оживилась. Вскоре после захода солнца, который в этих широтах наступал рано, женщина, которая ухаживала за ней, сказала мне, что у Шанары начались схватки. За годы, проведенные среди людей, я уже привык к тому, что женщины производят на свет потомство далеко не так легко, как волки, и потому оставил Шанару на попечение повитухи. Вскоре после полуночи, когда я сидел среди воинов, угрюмо потягивая вино и ворча над их шутками, женщина вновь позвала меня, и я увидел Шанару, лежавшую на соломе с красным сморщенным младенцем у груди.

Он казался очень маленьким, морщинистым и безобразным. Безволосый, он не был симпатичен, как новорожденный волчонок, однако Шанара держала его на руках, что-то тихо ему напевая, и, полагая, он казался ей красавцем. Я погладил его по лысой головке и поцеловал Шанару. Она, устало улыбнувшись мне, прошептала:

— Я слышала... что народ Северных земель... выбрасывает своих младенцев, если у них не все в порядке. Но ведь ты не выбросишь его, правда, мой любимый Волк?

И, откинув шкуры, в которые был завернут ребенок, она показала мне изуродованную маленькую ножку.

На какое-то мгновение слова застряли у меня в горле. Значит, ребенок был моим, и на нем лежало проклятие! Однако я спокойно ответил:

— Моя нога тоже была кривой от рождения, однако с возрастом она выпрямилась благодаря упражнениям и бегу. Когда он подрастет и сможет бегать, мы не должны его слишком баловать, моя дорогая.— И я погладил маленькую кривую ножку, такую крошечную, что она легко уместилась в моей ладони.

В ту ночь, когда я спал рядом с Шанарой, призраки, казалось, роились возле моей подушки. Лицо Делрина висело в воздухе надомной, и до меня доносился издевательский голос моей матери, Гудрун Златокудрой: «Ка-

ков отец, таков и сын! Но этому суждено умереть среди льдов, и он уже не вернется, чтобы убивать!» Вокруг меня, словно в кошмаре, кружили лица убитых братьев, нарушая мой беспокойный сон.

А затем на фоне ледяных кристаллов, белых и сверкающих, казалось, заполнявших все пространство вокруг нас, появилось лицо Итиллин. Я лежал, не в силах пошевелиться, в то время как мерцающая Ледяная Богиня нависла над Шанарой и младенцем.

— Иди же,— шептал беззвучный голос,— иди же! Ты обречена, Шанара, решившая разделить проклятие и судьбу братоубийцы! Иди! Ты не можешь противостоять моей воле, испив воды темной реки. Я повелеваю тебе вспомнить все, о чем ты забыла...

Покрытая инеем Ледяная Богиня наклонилась и коснулась Шанары холодным пальцем, окутав ее морозным дыханием. Я попытался вскочить, закричать: «Оставь ее, Ледяная Ведьма! Я один навлек на себя твое проклятие! Моя жена и сын ни в чем не повинны!» Готовый сражаться зубами и когтями, словно волк, я хотел вскочить, хватаясь за меч, но ее холодное дыхание сковало меня, не давая пошевелиться. Мне показалось, что я вижу, как Шанара с ребенком на руках поднимается с постели и скользит следом за удаляющейся фигурой Ледяной Богини. Итиллин обернулась, бросив на меня торжествующий взгляд, и лицо ее преврати-

лось в насмешливо улыбающееся лицо Гудрун Златокудрой. Раздался ее ликующий смех, и я проснулся.

Я проснулся, благодаря Гею за то, что это был всего лишь сон, и повернулся на постели, чтобы обнять Шанару, однако мои руки нащупали лишь пустоту. Она исчезла!

Неужели... о Боги! Неужели все это произошло в действительности? Нет, боги не входят в дома смертных, не приходят и мертвые, чтобы посмеяться над своими убийцами. Однако я все еще видел насмешливые глаза Гудрун Златокудрой, слышал проклятия, которыми она меня осыпала. Вскочив с постели, я бросился к двери. Полная луна освещала лед холодным сиянием, на севере занималась голубоватая мерцающая утренняя заря, и всюду лежали тени. Мне казалось, что на фоне зари я вижу более бледную тень... или это было мерцание призрачного силуэта Итиллин, уводящей объятую сном Шанару за собой, на смерть в ледяной пустыне?

Проклятие! Зарывав, словно раненый волк, я схватил меч Делрина и побежал — голый, босиком — по замерзшему снегу, выкрикивая имя Шанары. Проклятие, проклятие Итиллин... У меня никогда не будет сына, который мог бы основать династию... Неужели мой сын должен погибнуть вместе с Шанарой прямо здесь и сейчас, среди льдов и снега? Я мчался изо всех сил; я еще

надеялся найти их до того, как они погибнут...

Я бежал, задыхаясь, ругаясь и моля богов, и наконец различил впереди очертания Шанары. Я позвал ее, но, похоже, она меня не слышала. Неужели она вспомнила все, что случилось с ней в руках колдуна Ментуменена, и воспоминания лишили ее рассудка? Неужели дыхание Итиллин вернуло ей память, так милостиво отнятую водами Стикса? Сколь ужасны были картины колдовства, насилия и отчаяния, возникавшие в ее мозгу, пока я лежал, скованный кошмарным сном?

Однако она шла спотыкаясь, еще слабая после родов, и я постепенно настигал ее удаляющуюся фигуру.

А затем, когда мне уже казалось, что я вот-вот догоню Шанару, передо мной возникла черная тень, и на меня, источая отвратительный запах падали и метя острым клювом мне в глаза, опустилась громадная зловещая птица. Я резко выбросил вверх руку с мечом; чудовище отпрянуло, глядя на меня полными боли и безумной злобы сверкающими глазами. Даже в таком виде я его узнал; это был колдун Ментуменен! Ментуменен, раненный моим клинком, спустился на своих колдовских крыльях, став между мной и моей обезумевшей женой!

— Пропусти меня, — сказал я сквозь зубы. — Клянусь своим мечом — когда Шанара будет

в безопасности, я готов сразиться с тобой, если пожелаешь, голыми руками и зубами!

Громадный силуэт летучей твари быстро уменьшился, и передо мной появился Ментуменен в своем человеческом облике, стоя на одной ноге. По его фигуре пробегали зеленые колдовские огоньки.

— Что ж, пусть будет так,— насмешливо сказал он,— но пусть сначала она избавится от своего неполноценного щенка... Пусть она бросит его волкам, как когда-то бросили тебя. Но на этот раз без надежды на спасение. И на этом закончится твой проклятый род! Ты отрубил мне ногу; и, несмотря на все мое колдовство, я обречен на хромоту до нескорого еще дня моей смерти. Но твой сын заплатит за мою хромоту! Сын Гора станет добычей волков, а сам Гор — жертвой моей мести. А Шанара... Шанара отправится вместе со мной в преисподнюю, на мой трон!

— Ты и в самом деле сейчас отправишься в преисподнюю, дьявольское отродье,— закричал я, бросаясь на него с мечом Делрина. Казалось, он не вооружен; однако когда он выбросил вперед руку, в ней появилось оружие — зеркальное отражение моего собственного меча, колдовским образом парировавшее мои удары. Проклятье, да был ли здесь он сам, или же это всего лишь еще один призрак, еще одна иллюзия, чудовищный кошмар, порожденный страхом и опасениями за жизнь Шанары и младенца?

В отчаянии я попытался призвать на помощь Гею и Богов Порядка, которым я вынужден был служить в их борьбе против сил Хаоса. Передо мной стоял не человек, даже не колдун, а самый настоящий демон Хаоса, явившийся, чтобы лишить меня самого дорогого, что у меня было. Однако никто не пришел мне на помощь; в моем распоряжении не осталось ничего, кроме меча Делрина и моих собственных сил. И, как бы я ни старался, я не мог пробиться сквозь сверкающую преграду его меча. Защищенный магией, Ментуменен не давал мне двинуться с места, в то время как Шанара уходила все дальше и дальше в ледяную пустыню вместе с нашим новорожденным сыном.

Как простой смертный может убить демона? Ответ лишь один — никак. Меч не в силах противостоять магии. Я был вооружен мечом, и он тоже... и внезапно я понял, в чем заключается ответ. Мой противник мог владеть лишь тем оружием, которым владел я, точной его копией. Я отшвырнул меч Делрина далеко в сторону и, еще не успев обернуться, услышал отчаянный крик Ментумене-на, ибо, как я и предполагал, теперь, когда я разоружился, он вынужден полагаться лишь на собственные силы!

С волчьим рычанием я набросился на него, мои зубы коснулись его горла, и я почувствовал едкий, отвратительный вкус его черной крови. Он царапался и плевался, пыта-

ясь вонзить ногти мне в глаза, но я безжалостно продолжал сжимать зубами его горло, железной хваткой удерживая его руки. Магия ничем не могла ему помочь. Из раны на горле хлестала кровь, силы явно покидали его.

Я поднял Ментуменена над головой и бросил на свое колено, переломив ему спину.

Выпустив из рук обмякшее тело, я с ужасом увидел, как оно уменьшилось в размерах и исчезло. На льду остался лишь изломанный труп ворона. Вот каков был конец колдуна Ментуменена! Мне показалось, что в тумане на мгновение возникла голова самого Сета. Боги южных земель не могли выжить среди здешних ледяных просторов без поддержки тех, кто им поклонялся! Что ж, Ментуменен ошибся, когда, движимый местью, изменил облик и полетел на север, покинув страну своего Бога! Сет, видимо, и в самом деле вернулся в Южные Земли, но уже без своего ручного ворона, Ментуменена!

Вырвавшись из объятий леденящего ужаса, я схватил меч Делрина и побежал по исчезающим вдаль следам Шанары. Где-то завыл волк. Далеко над горизонтом занимался рассвет. И мне показалось, что я вижу Шанару...

Я бежал, с трудом переводя дыхание и сжимая в руке меч Делрина. Я должен, должен успеть отогнать волков! Отчаянная схват-

ка с колдуном Ментумененом почти лишила меня сил, но, если придется, я готов сражаться зубами и когтями за свою самку и детеныша... Я был уже не человеком, а обложенным со всех сторон волком. Я завыл, и откуда-то издали послышался ответный вой. Волки! Я увидел стаю волков, которые рычали и дрались, и откуда-то снизу слышался человеческий крик. Я налетел на зверей, размахивая мечом Делрина, и волки разбежались в стороны от разящей стали.

На льду передо мной, все еще сжимая в объятиях сына, лежала Шанара.

Волки успели растерзать их обоих. Они были мертвы.

Подняв голову к небу, я завыл. Проклятие действительно сбылось. Я, братоубийца, лишился своих близких.

— Итиллин! — взывал я. — Смотри же, вот оно, твое проклятие! Смотри же, Ледяная Ведьма, и вы, все боги, предавшие меня! Гор-Волк больше не станет вмешиваться в дела богов и людей. Я не буду больше пешкой в руках Порядка или Хаоса, но буду волком среди волков, как мне и было предначертано, когда меня выбросили в снег!

Я швырнул на лед меч Делрина.

— Я не стану больше носить меч, который убил моих близких и не смог спасти ни мою любимую, ни моего сына!

Я сорвал с себя одежду из шкур.

— Я не стану больше носить человеческие лохмотья! Идите же ко мне, Псы! Я, Волк среди Псов, навсегда остаюсь здесь, во льдах, и в конце концов умру, как зверь, которым я был со дня своего рождения! И будьте вы прокляты, все боги, все люди и все цивилизации!

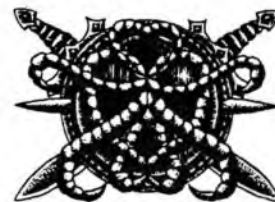
Человеческий облик слетел с меня, словно тонкая водяная пленка. Упав на четвереньки, я помчался на север, к холодным северным звездам.

Позади я слышал смех Ледяной Богини, доводивший меня до безумия.

За мной по пятам бежали Псы.

Глава семнадцатая ТУМАННАЯ РЕКА

-В

ы негодай, Джеймс Эллисон!

Я стоял у окна своей квартиры в Сан-Франциско, глядя на туман, струившийся, словно ледяная река, через Золотые Ворота. Услышав голос одного из своих гостей, я не спеша повернулся к сидящим в мягких кожаных креслах возле камина.

Ароматные поленья почти догорели, но их пламени все еще хватало, чтобы освещать комнату.

Голос принадлежал Юрико Ямасита — пожалуй, самой красивой женщине из всех, кого я когда-либо встречал. Отблески пламени мерцали в ее темных глазах, на длинных черных волосах и подобранном им в тон костюме, который лишь подчеркивал ее изящную фигуру. Юрико — единственная женщина, которая в одиночку поднялась по опасному северному склону Эвереста. Кроме того, она голыми руками убила не менее пяти вооруженных мужчин, причем трех из них за один раз.

— Негодяй, дорогая моя? — улыбнулся я. — Вовсе нет. По крайней мере, как Джеймс Эллисон. Хотя я уверен, что, по нынешним меркам, в большинстве своих прежних воплощений я действительно был негодяем. Как и многие из нас.

— Вы действительно верите во все эти перевоплощения?

На этот раз ко мне обращался Абрахам Стейнман. Его складная инвалидная коляска лежала в прихожей. Глядя на Абрахама, сидевшего возле камина, никто бы не предположил, что он парализован с детства. Однако повреждение позвоночника, превратившее его тело в пассивный придаток голове, нисколько не помешало появлению наиболее изобретательно-го разума со времен Эдисона.

Величайшим изобретением Стейнмана на сегодняшний день, изобретением, освободившим индустриальный мир от зависимости от стран ОПЕК и сделавшим Стейнмана первым миллиардером, добившимся успеха собственными силами, был Универсальный Преобразователь Стейнмана. Это устройство, размеры которого могли колебаться от наручных часов до Большой Плотины Куле, могло преобразовывать энергию из любой формы в любую другую форму, в том числе превращать энергию солнца, ветра или тепла в электричество, с коэффициентом полезного действия свыше девяноста девяти процентов.

Эйб Стейнман держал гигантский штат, занимавшийся его изобретениями, но вдобавок у него была и собственная лаборатория в деревянном сарае. И он поклялся, что в этом деревянном сарае он разработает управляемые биотоками мозга миниатюрные аппараты, с помощью которых сможет через три года ходить, а через пять — играть в Американской лиге, даже если для этого ему придется купить свою собственную команду.

— Я не просто верю в перевоплощение, Эйб, — ответил я на его вопрос. — Не более чем вы «верите» в существование ураганов или кислорода. Они *существуют*. Вы знаете о том, что они существуют, но не это делает их реальными. Ураганы будут существовать, незави-

симо от того, верите вы в них или нет. Молекулы кислорода, пары атомов с атомным весом восемь и валентностью два будут существовать, независимо от того, верите вы в них или нет. Мы все перевоплощаемся, раз за разом. И вера не имеет к этому никакого отношения.

— Вы не правы.— Он медленно покачал головой — одно из немногих движений, на которые он был способен.— Самое главное — именно в вере. Если бы мы все верили в перевоплощение, не имело бы никакого смысла бороться за что-либо в этом мире. Можно было бы просто лежать и ждать лучшей жизни, если нам не нравится эта. Нет, Джим, именно вера в то, что именно эта жизнь — наш единственный шанс, заставляет нас любыми путями стремиться к успеху. И некоторые его действительно добиваются!

Мой третий гость громко хмыкнул. Протянув ухоженную руку к маленькому серебряному блюдецку с ободком из синего стекла, он поднял его и взял крошечную серебряную ложечку. Осторожно наполнив ложечку тонким белым порошком, он предложил ее Юрико и Абрахаму, затем наполнил ложечку для себя.

Помолчав, он сказал:

— Я согласен, что главное — в вере, но вера в перевоплощение не обязательно так расслабляет человека, как вы утверждаете, Эйб.

— Вот вам пример,— возразил Стейнман.— Подобная вера оказалась серьезным препятствием на пути прогресса Индии. Одна из величайших культур мира пришла в застой и упадок. Зачем трудиться? Зачем заботиться о собственном успехе или о прогрессе общества, если знаешь, что всегда будешь иметь новые и новые шансы в последующих жизнях? Когда-нибудь мы все станем королями, если верно следовать карме, так что ни к чему заботиться об улучшении жизни множества крестьян, даже если мы сами в этой жизни всего лишь крестьяне!

— Ах, Эйб, Эйб,— ответил его собеседник.— Вам бы следовало время от времени высовывать нос из своей лаборатории и наблюдать, что происходит в мире. Вовсе не вера в перевоплощение привела Индию к отсталости, а всего лишь Британская Восточно-Индийская Компания! Индия до сих пор пытается избавиться от дурного влияния, которое англичане привнесли в ее древнюю культуру.

Стейнман усмехнулся:

— Что ж, сенатор, я преклоняюсь перед вашими глубокими познаниями в политике.

Сенатор Макферсон улыбнулся в ответ.

Гарднер Хендрикс Макферсон был наиболее выдающимся из всех курсантов, вышедших из Вест-Пойнта со времен Дугласа Макартура. Он даже побил рекорд Макартура по скорости повышения от младшего лейтенанта

до бригадного генерала. Его звезда продолжала восходить на военном небосклоне, когда он поразил нацию своим решением подать в отставку и баллотироваться в Сенат Соединенных Штатов.

Он победил на выборах и благодаря своим выдающимся способностям стал лидером меньшинства еще до конца своего первого срока — еще одно беспрецедентное достижение Макферсона. Никто не сомневался, что ему суждено стать Президентом США, и вопрос заключался лишь в том, произойдет это через четыре года или через восемь.

Макферсон поставил синее блюдечко на стол, взял с подноса тайскую палочку и поджег ее зажигалкой из чистого золота. Медленно вдохнув дым, он кивнул и передал палочку сидевшей справа от него Юрико.

— Вряд ли вы хотели перевести нашу беседу на рельсы абстрактной философии, Юрико, когда назвали нашего любезного хозяина негодяем, — сказал Макферсон, наклоняясь к альпинистке. — Но что вы все-таки имели в виду?

— Я просто имела в виду, что Джеймс поступил как негодяй, оборвав свою историю на середине. Мне даже не интересно, истина это или сказка про белого бычка. Я с должным уважением отношусь к вашим убеждениям, Абрахам и Гарднер. Но Джеймс... — Она покачала головой. Поленья в камине с шипением

вспыхнули, и золотые огоньки заплескали в волосах Юрико.

Сделав несколько шагов по мягкому керманшаханскому ковру, я остановился возле нее. Юрико протянула мне тайскую палочку, словно говоря: «Не обращай внимания на мои слова, между нами все остается по-прежнему». Кивнув, я вдохнул ароматный дым, подержал палочку для Стейнмана и передал ее сенатору Макферсону.

Из динамиков, скрытых за бесценным старинным гобеленом, полилась тихая музыка Моцарта.

— Что бы вы хотели услышать дальше? — спросил я.

Юрико рассмеялась.

— Джеймс, вам повезло, что вы унаследовали свое состояние. Вам бы никогда не удалось хорошо заработать, если бы вы пытались писать романы.

— Я никогда не считал себя ни бизнесменом, ни писателем, — ответил я. — Но что вас, собственно, не устраивает? Я просто рассказал вам историю жизни Гора, пятого сына Делрина. Так, как я ее прожил. Да, моя дорогая, именно так, как я прожил ее неизмеримые тысячелетия тому назад. Вам может не нравиться стиль моего изложения, но какие могут быть возражения против истины?

— Что ж, Джеймс, давайте еще раз взглянем на вашу историю. То есть историю Гора.

Ее изящные руки, казалось, поплыли по воздуху.

— Вы начали свою жизнь брошенным калекой, которого вскормила оказавшаяся поблизости волчица. Что-то знакомое, не так ли?

Я кивнул.

— Вы выжили, ваша кривая нога стала здоровой, и вас воспитали волки. Затем вы вернулись в человеческое общество, отомстив семье, которая бросила вас в младенчестве.

— Да.

— А затем на вашу долю выпали самые невероятные приключения. Включая войны, насилие и кровавые убийства.

— Но что именно смущает вас в моем рассказе? — спросил я.

Она улыбнулась.

— Я готова согласиться с самыми невероятными вещами, Джеймс, я даже готова не принимать во внимание сверхъестественные вмешательства, которые происходят столь часто. Допустим, что это всего лишь варварская интерпретация событий, для которых сегодня могли бы найтись иные объяснения.

— Например?

— Например. — Она протянула руку и слегка коснулась моей ладони. Я почувствовал легкое возбуждение, которым всегда сопровождалось ее прикосновение. — Например, та странная история на острове. Что там слу-

чалось? Проснулся вулкан, из его расплавленного чрева появились бронзовые роботы, уничтожили всех спутников Гора и улетели в небо. Ну и ну!

— Это было на самом деле, — рассердился я.

— Конечно. Но была ли в этом замешана магия? Не могла ли в то время существовать другая, более развитая цивилизация? Может, это были геологи, изучавшие тот вулкан. Когда началось извержение, они собрали свои находки и улетели. Это были не роботы, а люди в защитных костюмах.

— И все же, Юрико, почему вы назвали меня негодяем?

— Потому, Джеймс, что вы не закончили свою невероятную сагу. После крови и страданий, после смерти ваших жены и ребенка, после смерти вашего заклятого врага Ментуменена вы снова стали жить вместе с волками. И что произошло дальше?

Прежде чем я успел ответить, послышалось еще одно возражение, на этот раз от Абрахама Стейнмана.

— Мне не вполне понятен пантеон ваших богов, Эллисон.

Я стоял спиной к огню, ожидая дальнейших разъяснений.

— В начале вашей истории вы ссылались на некоторых скандинавских божеств. Да, Имир — знакомая фигура. Итиллин не столь известна, но данное вами описание

вписывается в скандинавскую концепцию. Но затем у вас появляется Митра, которому в течение нескольких веков поклонялись как некой альтернативе Христа. Иштар, великая богиня Вавилона. Сет, египетский бог-дьявол, убивший своего брата Осириса. Гея, греческая богиня Земли. И Псы Тиндалоса — насколько я помню, творения современного гения, Белкнапа. Не говоря уже о Ктулху, Йог-Соготе, Ктуге Фомальгауте.

Он прищелкнул языком, словно учитель, поймавший малолетнего ученика на лжи. Полагаю, на фоне его выдающегося интеллекта мы все выглядели малолетками.

— Если все это происходило тысячи поколений назад, — продолжал Абрахам, — каким образом могли сойтись вместе боги и существа из столь различных культур и эпох?

— Я не могу этого объяснить, — сказал я. — То, что я рассказал вам, — лишь краткий очерк жизни, которую я прожил задолго до нынешней. То, что произошло, — произошло, и я не стану пытаться ни защищаться, ни оправдываться. Мы не в суде. Если не хотите мне верить, считайте все это просто сказкой. Надеюсь, я развлék вас за эти несколько часов. И вы вообще не обязаны мне верить.

— Что ж, — решил Стейнман, — полагаю, это достаточно честно с вашей стороны.

— Однако, — вновь заговорил сенатор Макферсон, — давайте все же удовлетворим лю-

бопытство мисс Ямасита. Расскажите, что случилось после того, как вы вернулись к волкам. Наверняка ваши воспоминания на этом не заканчиваются?

— Конечно, нет, — сказал я.

Итак, я снова стал волком и душой, и по большей части телом. Я словно вернулся во времена своего детства, в ту страшную пору, когда Гудрун Златокудрая отказалась от меня и Делрин Отважный вынес меня на лед умирать.

Волк-оборотень, волк-человек, человек-волк — какая, собственно, разница? Я старался не думать и не вспоминать об ужасных событиях, в которых мне довелось участвовать, и об ужасных поступках, которые я совершил с тех пор, как впервые встретил айси-ров и ваниров.

Менялся ли я? Сверхалось ли надо мной таинственное ликантропическое превращение в занесенной снегом пустыне? Произносил ли я несколько магических слов, которые узнал от Белого Мага, бегая то на двух, то на четырех ногах, сражаясь то с помощью кулаков или металлической руки, то с помощью звериных клыков и когтей?

Не знаю, и меня это не интересовало.

Видимо, время от времени я все же менял облик, превращаясь из волка-оборотня в человека-волка. Впрочем, какое это имело значение?

Самое главное — я забыл обо всех страданиях, которые мне пришлось пережить. Я не помнил ни о сражениях, ни об убийствах, ни о полученных мною ранах. Все это казалось некой огромной игрой, в которой победа в битве, завоевание нации, свержение династии значили не больше, чем выигрыш в шахматы или потеря фигуры.

Мне достаточно часто приходилось видеть смерть, чтобы понять, что она неизбежно приходит ко всем людям и вообще ко всем живым существам и что с нею можно бороться и пытаться ее избежать лишь для того, чтобы продлить ту военную игру, которую мы называем жизнью. Здесь, среди волчьей стаи, мне удалось забыть единственное воспоминание, которое не смогла принять моя душа, — воспоминание о моей жене Шанаре и моем безымянном сыне, что лежали мертвыми на замерзшем снегу.

Мрачная ирония судьбы — я, без колебаний убивший родителей и братьев, радовавшийся их предсмертной агонии, не смог вынести утраты тех, кого сам любил больше всех на свете.

Я уверен, Ледяная Ведьма Итилиин холодно и безжалостно смеялась над моим горем! И лишь жизнь среди волков, добровольный отказ от человеческой личности, человеческого сознания, человеческих воспоминаний позволяли мне жить дальше.

Вместе с волками я охотился на лосей, наслаждаясь едким запахом страха, исходящим от добычи, когда гигантское травоядное понимало, что загнано в ловушку и обречено. Я пьянел от ощущения живой плоти под моими клыками, от вкуса горячей крови на языке.

Я стал пользоваться уважением среди волков за свой острый нюх и несравненное умение отслеживать добычу. В мгновения атаки не было никого бесстрашнее и яростнее меня. И никого ужаснее и кровожаднее меня, когда наступал миг убийства.

Соревнуясь с другими в отваге, ловкости и силе, я занимал все более высокие посты в волчьей иерархии, пока не оказался вторым после вожака стаи. И однажды настал день, когда я ощутил странное, непреодолимое влечение. Я чувствовал, как поднимается моя шерсть, вываливается язык и раздуваются ноздри, возбужденные ни с чем не сравнимым запахом: запахом самки.

Я поднялся со своего места и вскоре нашел источник всемогущего запаха. Это была самка вожака нашей стаи, старого и мудрого волка, повидавшего уже немало зим. Давным-давно он выбрал себе волчицу на всю жизнь — так принято у волков. Однако спустя несколько лет, за которые она подарила ему не один выводок щенков, она умерла, и, проведя какое-то время в трауре — да, и у волков существует понятие «траур»! — он нашел себе дру-

гую, на этот раз молодую самку с блестящими глазами и длинной, густой шерстью.

Однако ее запах влек меня, и я не мог более сопротивляться, точно так же как лед не в силах сопротивляться весеннему солнцу. Я подошел к волчице, лежавшей на мягком снегу. Она посмотрела и лизнула меня в нос.

Мой могучий вой сказал волкам нашей стаи столь же ясно, как человеческая речь сказала бы человеческому уху, что я заявляю свои права на самку вожака и вместе с ней на предводительство в самой стае.

По волчьим законам (да, у волков есть свои законы!) старый вожак мог выбрать один из трех вариантов. Он мог принять мой вызов и сразиться со мной насмерть. Он мог уступить мне волчицу и предводительство в стае, став покорным мне рядовым волком. Кроме того, он мог покинуть стаю, стать одиночим волком и жить, охотясь на мелкую дичь, которую был в состоянии добыть один, или подбирая оставленные другими объедки... Или охотясь на презренного Человека.

Он решил сражаться.

Волки не любят терять время. Вызов был брошен. Старый вожак его принял. Стая собралась вокруг нас, самка вожака расположилась рядом, а мы встали в центре, сверкая глазами и яростно рыча.

Он был старше меня, крупнее и сильнее. Однако реакция его уже была не такой быс-

трой и запас сил — меньше, чем в прежние годы.

Я же не ощущал возраста.

Видимо, мой соперник чувствовал разницу между нами и понял, что единственный шанс победить — напасть быстро и решительно.

Он рванулся вперед и, оказавшись в нескольких шагах от меня, взлетел в воздух, целая желтыми клыками мне в горло.

Рассчитав время, я прижался брюхом к снегу и прыгнул как раз в то мгновение, когда он завершал свой прыжок.

Он промахнулся, скользнул брюхом по моему заду и свалился на снег.

Молниеносно развернувшись, я напал на него сзади и, пока он пытался подняться после неудачного нападения, укусил за заднюю ногу.

Хрипло рыча, он уставился на меня горящими глазами. Мой укус практически не причинил ему вреда. По его шкуре стекала тонкая струйка крови. Он начал отходить в сторону, пытаясь выбрать удобную позицию для новой атаки. Его унизили, и он не хотел быть униженным еще раз.

Он вызывающе зарычал, побуждая меня к нападению, но я медлил, словно насмехаясь над ним. Подойдя к его самке, я помочился на снег рядом с ней, пометив ее как свою собственность, и слегка стукнул ее лапой, не для того чтобы сделать ей больно, а для того чтобы показать — теперь она моя.

Старый вожак чуть не задохнулся от рыка. Он снова метнулся ко мне, на этот раз стелясь низко по земле и намереваясь вцепиться мне в горло снизу. Эта атака была намного опаснее предыдущей.

Я развернулся, отступив на полшага, так что траектория его прыжка лежала под прямым углом — как назвали бы это люди! — к моему собственному положению.

Он попытался скорректировать нападение, и отчасти ему это удалось.

Прыгнув одновременно, мы, лязгая клыками, столкнулись в воздухе и упали на снег. Я повалился на бок, ему же удалось затормозить и удержаться на ногах. Прежде чем я успел подняться, его зубы уже были готовы вонзиться в мягкую плоть моей шеи, положив тем самым конец поединку и моей жизни... если бы не моя густая шерсть и если бы в предыдущем столкновении он не повредил нижнюю челюсть.

Так что вместо разорванной артерии, единственной его добычей оказалась полная пасть густой шерсти и крохотный кусочек моей плоти.

На этот раз я зарычал от ярости и негодования и отполз назад, собираясь восстановить потерянное преимущество.

Мой противник отплевываясь, пытаясь освободить пасть от моей шерсти. Заворчав, я начал обходить его по кругу. Он подошел к самке — символу и призу нашего по-

единка — и встал над ней, предупреждая еще рыча.

В это мгновение я едва не произнес несколько слогов, которые превратили бы меня в человека, вооруженного бронзовой механической рукой Дар'аха Хумарла, человека, готового пронзить врага острым клинком или выпущенной силой пружины стрелой, уничтожив его, как человек уничтожает дикого опасного зверя. Но нет — я сам был зверем, столь же диким, как и мой противник, и даже еще более опасным.

Я подавил желание произнести эти слова и вновь рванулся к сопернику. В десятке шагов от волчицы я сделал вид, будто намереваюсь проскочить слева. Вместо этого я свернул направо. Старый волк дернулся сначала в одну, потом в другую сторону. Еще одно верное движение, и мой противник уже пытался маневрировать в трех направлениях сразу. Он поднялся на задние лапы и, осязаясь на снегу, молотил передними по воздуху.

Собрав все силы моих железных мускулов, я прыгнул, целя не в горло, не в незащищенное брюхо, а в могучую грудь вожака.

Широко раскрыв пасть и наклонив голову вбок, я сомкнул челюсти с обеих сторон его грудной клетки. Мои острые как бритва клыки пронзили густую шерсть и мускулистую плоть старого вожака, словно мягкое

руно и нежное мясо новорожденного ягненка.

Продолжая сжимать челюсти, я почувствовал и услышал, как хрустнули его ребра. Мои зубы сошлись посередине его груди. Я дернул головой, вырывая сердце моего противника, и его безжизненное тело рухнуло на снег.

Он даже не дернулся.

Я бросил свой трофей на снег и поставил на него лапу. Я стоял над побежденным соперником, а стая сидела вокруг. Я издал тихий призывный звук, и волчица, подбежав ко мне, лизнула маленькую ранку на моей шее. Я глухо заворчал, разрешая ей попробовать лежащее перед ней свежее мясо.

Она понюхала тело того, кто был ее самцом, оторвала кусок кровавой плоти и отнесла его в сторону, чтобы съесть.

Один за другим члены стаи почтительно приближались ко мне, их новому вожаку, чтобы получить свою долю мяса.

После того как мое ведущее положение в стае было принято всеми, я вышел из круга, предупреждая прорывав, чтобы никто не смел следовать за мной.

Я долго шел в одиночестве среди снега и льда, пока не наступила ночь. Небо было черным, но ясным, звезды и луна ярко сияли в чистом, почти полярном воздухе. Свет их отражался от белой поверхности, создавая прозрачное подобие дневного света.

Я произнес слова, которые узнал от Телордрика, прежде чем убить Белого Мага. Они были короткими и простыми, чтобы их мог произнести волк, голосовой аппарат которого приспособлен лишь к рычанию и вою, а не к человеческой речи.

Я почувствовал, как изменяется мое тело, как удлиняются мои задние ноги, а передние превращаются в руки. Моя морда превратилась в человеческое лицо. Моя шкура исчезла, оставив лишь бороду и жесткие волосы на теле нормального, хотя и волосатого человека.

Задрав голову, я уставился в небо, бросая вызов моему учителю, покровителю, мучителю и врагу — Итиллин, первой дочери Ледяных Богов.

— Ведьма! — закричал я. — Ведьма! Я стал вожаком волков! Я завоевал себе прекрасную волчицу! Не твой ли она знак? Что еще я должен сделать? Кого еще должен победить? Почему я не могу умереть, Ледяная Ведьма?

Поднялся страшный ветер, вздымая сверкающие кристаллы снега. Подобно призмам, они превращали лунный свет в мерцающую радугу, которая окутывала меня, словно живым многоцветным огнем. Ветер подхватил меня, как ледяной водоворот, уносящий моряка, или торнадо, затягивающий копающегося в земле крестьянина в свою смертоносную утробу.

Меня уносило высоко в воздух, то и дело переворачивая вверх ногами, и вскоре я уже не мог понять, где настоящие луна и звезды, а где их отражения на ледяных склонах внизу. Ветер свистел в моих ушах, и сквозь свист я слышал голоса — или мне так казалось — богов и смертных, с которыми я сражался все эти страшные, тяжкие годы. Всех, кого я знал...

Там были Гудрун и Делрин, старый Браги и четверо убитых мною братьев: Раки и Сигизмунд, Элвин и Обри. Там были Харольф, вождь айсиров, и Хетлунд, его сын, Тьярвакка, айсирский жрец, и Хьялмар, мой товарищ по оружию. Ванирские воины Одерик и Гутрик, Налдь и Кадрик, мой дядя — Хенгист Железная Рука и мой двоюродный брат Тостиг Зверобой.

Там был и Гл'ерф, вождь полулюдей Ми-Го, и Клу'до, с которой я пытался заниматься любовью.

Ага Джунгаз, эмир Турана, и прекрасная Джари, его главная жена. Ушилон, и стигийский колдун Менгуменен, Кай Валконн из Аквилонии и Ламариль Непобедимый, который до встречи со мной вполне оправдывал данный ему титул.

И Гарак, король Немедии, и его сыновья Ташако и Яшати, и его дочь, моя жена, Шанара из Джелы, и наш сын.

Ветер продолжал завывать. Где-то в ответ завывали волки. И вой их превратился в жуткий лай, лай Псов Тиндалоса.

Они окружали меня, и их глаза блестели красным огнем на фоне черного неба и бело-

го снега — Псы, приходившие на зов из самых дальних уголков пространства.

Я увидел Ледяную Ведьму Итиллин, которая смотрела на разворачивавшуюся перед ней сцену, и в глазах ее было не обычное выражение надменного любопытства, а озабоченность, тревога, и — я не мог поверить — страх!

— Гор! — крикнула она. — Гор!

— Что тебе, Ведьма? — ответил я.

— Иди со мной! Беги, беги от Псов, ибо для нас еще не все кончено, для тебя и для меня! Для нас еще не все кончено!

Рассмеявшись, я сорвал бронзовую руку, которую сделал для меня Дар'ах Хумарл из Запорака, и швырнул ее в простиравшуюся подо мной белую мглу.

— Беги со мной, Гор! — вновь закричала Итиллин. — Смертный, зверь, ликантроп, убийца и вождь! Я сделаю тебя одним из бессмертных, одним из Ледяных Богов! Иди же со мной!

Она устремила ко мне сквозь некие вышние измерения, недоступные пониманию ни древнего человека, ни современного ученого. Казалось, каким-то невообразимым образом она приближается ко мне, преодолевая неизмеримые просторы пространства и времени.

Торжествующий лай Псов стал громче, и я увидел перед собой Итиллин, Ледяную Ведьму, окруженную тяжело дышащей, истекающей слюной стаей.

Она повернулась, пытаясь спастись бегством, но было уже слишком поздно.

Псы набросились на нее, раздирая одежду, терзая плоть и проливая ее кровь, не красную, как у любого земного существа, а бледно-голубую. Капля этой крови — единственная капля! — попала мне на кожу.

Вот сюда, где шрам.

Меня обожгло и окутало смертельным холодом, причиняя невыносимые муки и унося в миры неопишуемого экстаза.

Я лишился сознания. Я лишился жизни. Все кончилось.

Все. Все. Все.

* * *

В моем камине слегка потрескивал огонь. Через окно я мог видеть туманную реку, которая текла через Золотые Ворота, растворяясь вместе с лучами утреннего солнца в серых водах Тихого океана.

— И это все, что вы помните, до вашей нынешней жизни в качестве Джеймса Эллисона? — спросил Абрахам Стейнман. — Все, что вы помните о Горе?

К своему удивлению, я обнаружил, что тяжело дышу и весь взъерошен, а моя рубашка и смокинг пропитались потом. «Словно волк, выбирающийся из ледяной реки», — подумал я и потряс головой, собираясь с мыслями.

Я окинул взглядом комнату. Стейнман, сенатор Макферсон и Юрико Ямасита сидели в кожаных креслах, ожидая ответа на вопрос.

Я глубоко вздохнул и вытер мокрый лоб шелковым платком.

— Отнюдь, Абрахам. О нет, это далеко не последнее из того, что я помню. Многие годы спустя после того, как Гор обратился в прах, я прожил жизнь воина-жреца в Атлантиде. Я был пиктом в древней Британии. Я жил в Кхитае — вы наверняка помните сказочный Кхитай на востоке! О, там я стал свидетелем таких событий, принимал участие в таких деяниях, что вы бы мне никогда не поверили, если бы я взял на себя смелость вам о них рассказать.

Да, я жил в Шеме. Я знаю, каково истинное происхождение легенды об Эдеме. Я путешествовал через Берингов пролив, когда перешеек еще соединял этот континент и тот, который мы называем Азией. Я жил среди микстеков в высокогорьях Центральной Америки и среди людей, обитавших возле Южного полюса в городе, который вы никогда не называли бы городом, среди людей, имевших облик, который вы никогда бы не назвали человеческим.

Я прожил все эти жизни, Эйб, и еще многие другие! И, когда эта жизнь, ничтожная жизнь Джеймса Эллисона, завершится — иные последуют за ней. Я не *верю* в это, Эйб. Я это *знаю*!

Он только фыркнул.

— Когда-нибудь я расскажу вам о тех, других жизнях, — продолжал я. — Если, конечно, вы того пожелаете. Если нет — что ж, давай-

те обсудим международную политику или стратегию Оклендского бейсбольного клуба. Или, может быть, развлечемся игрой в шахматы?

— Думаю, нам пора идти, — вмешался сенатор Гарднер Хендрикс Макферсон. — Разрешите подать вам руку, Стейнман?

Стейнман принял предложение.

Я знал, что Стейнман добьется всего, чего намеревался достичь. Я *знал*, что через три года он снова будет ходить и что через пять он будет играть в Американской лиге. Я не стал говорить ему об этом. Это лишь испортило бы все удовольствие.

Стейнман сел в свою инвалидную коляску и покатил к лифту с помощью сенатора, бывшего генерала, Гарднера Хендрикса Макферсона, который втайне надеялся, что его изберут Президентом Соединенных Штатов через четыре года, а может быть, через восемь. Я знал, что он никогда им не станет, но ничего ему не сказал. Это лишь испортило бы все удовольствие.

Дверь лифта с шипением закрылась за сенатором и парализованным инженером.

За моей спиной, на фоне квинтета Моцарта, послышался тихий голос Юрико Ямасита:

— Мне не хочется уходить, Джеймс.

Я повернулся и увидел, что Юрико протягивает мне зажженную тайскую палочку.

— Спасибо, — сказал я. — Спасибо, моя дорогая.

ЗОЛОТО ПУСТЫНИ

ЗОЛОТО ПУСТЫНИ

К

ирби О'Доннелл приоткрыл дверь своей комнаты и выглянул наружу, крепко сжимая в руке свой острый кинжал. Где-то вдалеке тускло горел факел, едва освещая широкий коридор, по обеим сторонам которого тянулись массивные колонны. Промежутки между этими колоннами казались темными колодцами,

в которых легко мог притаиться кто угодно.

Несколько мгновений американец вглядывался в полумрак коридора, но не заметил никакого движения и не услышал шороха. Огромный коридор казался пустынным. Однако он мог бы поклясться, что уловил звук шагов чьих-то босых ног и какое-то прикосновение к его двери.

О'Доннелл всем своим существом чувствовал опасность, незримо крадущуюся к нему из темноты. Он был первым белым человеком, когда-либо побывавшим в недоступном, запретном для чужеземцев древнем городе Шахразаре, спрятавшемся высоко в афганских горах. Он был уверен, что его облик ни у кого не вызывает подозрений и сомнений; он пришел в Шахразар как Али эль-Гази, странствующий курд, а сейчас он был гостем во дворце правителя города. Но крадущиеся шаги, разбудившие его, были зловещим знаком.

Он осторожно шагнул в коридор, закрыв за собой дверь, и в то же мгновение услышал легкий шорох одежды. Молниеносно, словно дикая кошка, он развернулся, и тут же к нему метнулась из тени между колоннами огромная черная фигура. Перед глазами О'Доннелла сверкнуло лезвие ножа, но он успел отскочить в сторону и избежать удара. В тот миг, когда нож со свистом скользнул мимо него, его кинжал по самую рукоятку вошел в черную грудь.

Предсмертный вопль нарушил тишину коридора, но тут же оборвался — из горла чер-

нокожего незнакомца хлынула кровь. Нож негра со звоном упал на мраморный пол, и огромное черное тело, зашатавшись, рухнуло вниз лицом. О'Доннелл перевернул его и стал вглядываться в лицо того, кто хотел его убить. Негр дернулся несколько раз и замер на полу, обгаренным кровью.

Американец узнал этого человека, и пока стоял, глядя на свою жертву, в его сознании пронеслась цепь событий, так неожиданно оборвавшаяся нынешней ночью.

Жажда обрести сокровища привела О'Доннелла, принявшего вид странствующего курда, в недоступный Шахразар. Со времен Чигисхана этот город хранил богатство давно умерших шахов Хорезма.

Многие искатели приключений пытались найти сказочную сокровищницу, и многие из них погибли. Но О'Доннелл нашел ее — только для того, чтобы потерять сокровища. Едва он пришел в Шахразар, как орда туркменов, во главе которых стоял Оркан Богатур, напала на город и захватила его, убив правителя Шайбар-хана. Пока на улицах города еще кипело сражение, О'Доннелл нашел сокровища, спрятанные в потайной комнате дворца, и был поражен видом несметного богатства. Но он не мог унести оттуда сокровища и не решился оставлять их Оркану.

В Шахразаре находился посол одной европейской державы, строившей захватнические планы в отношении Индии и пытавшейся использовать для этой цели богатства Шайбар-хана. О'Доннелл навсегда покончил с этими планами, но опьяненные победой туркмены тщетно продолжали искать сокровища.

Незадолго до этого О'Доннелл под видом курда Али эль-Гази спас жизнь Оркану Богатуру, и новый правитель Шахразара принял мнимого курда в своем дворце, как почетного гостя. Никто и не догадывался о его связи с исчезновением сокровища, но только до поры, до времени — и О'Доннелл еще раз мрачно взглянул на неподвижное черное тело.

Чернокожий был суданцем, слугой посла Сулейман-паши, и звали его Бабер.

О'Доннелл поднял голову и обвел взглядом темные промежутки между колоннами. Ему почудилось легкое движение позади него в темноте. Быстро наклонившись, он схватил безжизненное тело и взвалил его себе на плечи — это удалось сделать только благодаря его стальным мышцам. Затем он двинулся по коридору. Если бы возле его двери нашли труп, то ему неизбежно стали бы задавать вопросы, но на вопросы О'Доннеллу отвечать не хотелось.

Он прошел по безмолвному широкому коридору и спустился по мраморной лестнице в

мерцающий полумрак, словно восточный демон, который тащит свою добычу в ад; затем через задрапированную дверь вышел в небольшой темный коридор и дошел до гладкой мраморной стены.

О'Доннелл ударил ногой по этой стене, и мраморная плита сдвинулась. Он вошел в круглую комнату с куполом и мраморным полом, стены которой были увешаны тяжелыми расшитыми золотом портьерами, между которыми виднелись стены, украшенные золотым орнаментом. Бронзовая лампа излучала мягкий свет, отчего купол казался еще более высоким, теряясь во мраке, а портьеры выглядели таинственно и даже зловеще.

Это и была тайная сокровищница Шайбар-хана, но почему она опустела, знал только Кирби О'Доннелл.

Когда он опустил на пол тело чернокожего слуги, у него вырвался вздох облегчения, потому что даже его стальные мышцы с трудом выдержали эту нагрузку. Он подтащил тело в середину комнаты и положил его на большой каменный круг в центре пола. После этого пересек комнату и взялся за золотую рукоятку, торчавшую из стены и казавшуюся частью золотого орнамента. Он потянул эту рукоятку книзу, и тотчас центральный круг, тихо повернувшись на невидимом стержне, открыл черную дыру, в которую скользнуло тело чернокожего. Из темноты донесся шум бегущей воды и смолк, потому что плита встала на место.

Пол комнаты снова превратился в единое целое.

Шорох за спиной заставил О'Доннелла обернуться. Лампа висела низко, наполняя комнату призрачным нереальным светом. В этом неясном свете он увидел, как дверь бесшумно отворилась, и в комнату вошла какая-то темная высокая фигура.

На пороге стоял высокий стройный человек с длинными нервными руками и овальным лицом бронзового цвета с короткой черной бородой. Раскосые удлинненные глаза пристально смотрели на О'Доннелла, одежда вошедшего была темной, темным был даже тюбан. В его руке угрожающе блеснул револьвер.

— Сулейман-паша! — растерянно пробормотал О'Доннелл.

Он до сих пор не смог понять, был ли этот человек уроженцем Востока, каким он казался, или переодетым европейцем. Может быть, ему удалось проникнуть в тайну самого О'Доннелла? Однако первые же слова посла показали, что это было не так.

— Али эль-Гази, — сказал Сулейман, — ты лишил меня дорогого слуги, однако выдал мне тайну. Никто больше не знает об этой открывающейся плите. Я тоже не знал об этом до тех пор, пока не пошел за тобой после того, как ты убил Бабера. Я видел, как ты вошел сюда, и думал, что здесь находится сокровищница.

До сих пор я подозревал тебя, а теперь утвердился в своих подозрениях. Теперь я знаю, почему сокровища до сих пор не найдены. Ты отправил их туда же, куда отправил тело несчастного Бабера. Ты почетный гость повелителя Оркана Богатура. Но если я расскажу ему, что ты лишил его сокровищ, как ты думаешь, защитит ли тебя его дружба от его гнева?

Назад! — прорычал он. — Я же не сказал, что я непременно расскажу обо всем Оркану. Не могу понять, зачем ты захоронил сокровища, разве что ты был фанатично предан Шайбар-хану.

Он все так же пристально глядел на О'Доннелла:

— Лицо, как у ястреба, тело словно из закаленной стали, — пробормотал он. — Я понял все, курдский щеголь.

— Ты понял, как использовать меня? — осторожно переспросил О'Доннелл.

— Ты можешь помочь мне в той игре, которую я затеял с Орканом Богатуром. Сокровища пропали, но я все же сумею его использовать, мне помогут феринги, пославшие меня сюда. Я сделаю его эмиром Афганистана, а потом и султаном Индии.

— И куклой в руках ферингов, — добавил О'Доннелл.

— Что тебе за дело до этого? — рассмеялся Сулейман. — Думать не твоя забота. Думать буду я, ты будешь выполнять то, что я прикажу.

— Я не сказал, что буду служить тебе,— свирепо буркнул О'Доннелл.

— У тебя нет выбора,— спокойно ответил Сулейман.— Если ты откажешься, то я расскажу Оркану все, что узнал сегодня ночью, и он не выпустит тебя живым.

О'Доннелл подавленно наклонил голову. Он стал жертвой случайных обстоятельств. Вовсе не преданность Шайбар-хану, как думал Сулейман, заставила его сбросить наследство правителя Шахразара — золото и драгоценные камни — в подземную реку. Он знал, что Сулейман плетет интриги с целью сбросить британское владычество в Индии и принести при этом в жертву миллионы невинных людей. Он знал, что Оркан Богатур, этот искатель приключений, приблизивший к себе мнимого курда, всего-навсего игрушка в руках посла. Слишком грозным оружием могли оказаться сокровища в их руках.

Возможно, что Сулейман был русским или восточным орудием русских. Возможно, что у него были какие-то свои тайные планы. Сокровища Хорезма должны были послужить этой его игре, но даже без сокровищ близость посла к трону Шахразара была серьезной угрозой для мира в Индии. Потому О'Доннелл и остался в городе, всячески пытаясь не допустить того, чтобы Сулейман навязал свою волю Оркану Богатуру. А теперь он сам оказался в ловушке.

Он поднял голову и мрачно взглянул на Сулеймана.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил он.

— У меня есть для тебя дело,— ответил Сулейман.— Час назад один из моих секретных агентов донес мне, что воины Курука нашли среди холмов умирающего англичанина, при котором оказались важные бумаги. Я должен получить эти бумаги. Я послал человека к Оркану, а тем временем отправился за тобой, с целью тебя убить.

Однако я переменил свои намерения, когда нашел тебя; ты мне нужен живым, а не мертвым; теперь я не боюсь, что ты будешь действовать против меня. Оркан, конечно, захочет, чтобы эти бумаги попали к нему, так как англичанин был, без сомнения, тайным агентом. А я уговорю правителя послать тебя с отрядом воинов, чтобы добыть их. И запомни — приказы ты получаешь от меня, а то, что приказывает тебе Оркан, не имеет значения.

Он шагнул в сторону и пропустил О'Доннелла вперед.

Они прошли по короткому коридору, фонарик в левой руке Сулеймана светил в спину угрюмого американца. Затем они поднялись по лестнице в широкий зал, пересекли его, вошли в другой коридор и уже оттуда попали в комнату, в которой возле окна с позолоченными рамами стоял Оркан Богатур. Открытое окно выходило во двор, об-

рамленный арками. За окном уже брезжил рассвет. Правитель Шахразара был разодет в атлас и расшитый жемчугами бархат, но под богатыми одеждами угадывалось сильное тело.

Тонкие черты его смуглого лица просветлели при виде почетного гостя, однако О'Доннелл никогда не забывал о том, что из-под маски радушного правителя всегда может показаться дикий степной волк, что Оркан на самом деле повелитель варваров.

— Добро пожаловать, друзья мои,— сказал туркмен, радушным жестом приглашая их в свои покои.— Только подумайте, что я услышал! В трех днях пути отсюда к юго-западу в долине Курука лежат деревни Ахмед-шаха. Четыре дня назад его люди нашли в горах умирающего человека. На нем была одежда афганца, но в предсмертный час он выдал себя. Он оказался англичанином. Когда он умер, его обыскали и нашли при нем бумаги, которые ни одна собака не могла прочитать.

Перед смертью он говорил, что побывал в Бухаре. Мне кажется, что этот феринги был английским шпионом и возвращался в Индию с бумагами, которые были бы ценными для индийского правительства. Я хочу заполучить эти бумаги. Может быть, британцы неплохо заплатят за них. Однако мне не хотелось бы самому отправляться в дорогу, и кроме того, я не хочу отправлять слишком большой отряд.

Если вдруг в мое отсутствие найдутся сокровища, тогда мои собственные люди могут не впустить меня обратно.

— В этом деле дипломатия уместнее, чем сила,— флегматично заметил Сулейман-паша.— Али эль-Гази столь же остер умом, сколь бесстрашен. Пусть он возьмет с собой отряд в пятьдесят человек и отправится в путь.

— Сможешь ли ты сделать это, брат?— взволнованно спросил Оркан.

Взгляд Сулеймана ожег О'Доннелла. Если он хотел избежать пытки огнем и мечом, то должен был произнести единственно возможный ответ.

— На все воля Аллаха,— пробормотал он.— Я могу лишь попытаться.

— Хвала Аллаху!— воскликнул Оркан.— Будь готов отправиться через час. У нас отдыхает один из уроженцев Курука, Дост-шах, сородич Ахмеда, он будет твоим проводником. Я дружен с людьми Курука. Приди к Ахмед-шаху с миром и пообещай ему золото за эти бумаги, только не слишком много, иначе он заподозрит неладное. Впрочем, действуй по своему усмотрению. С отрядом в пятьдесят человек тебе не страшны мелкие племена между Шахразаром и Куруком. А теперь я пойду отбирать для тебя людей.

Как только Оркан вышел из комнаты, Сулейман придвинулся к О'Доннеллу и зашептал:

— Ты должен заполучить эти бумаги, но ни в коем случае не отдавай их Оркану! Приду-

май что угодно, говори, что потерял их в горах, но доставь их *мне*.

— Оркана это разозлит и сделает подозрительным,— возразил О'Доннелл.

— Да, но вдвое больше его прогневит, если он узнает, какая судьба постигла сокровища Хорезма,— ответил Сулейман.— Единственный для тебя шанс остаться в живых — это повиноваться мне. И будь уверен, если твои люди вернутся без тебя и скажут, что ты исчез, по твоим следам немедленно отправится сотня всадников. У тебя нет никакой надежды в одиночку перебраться через эти дьявольские горы. И не вздумай вернуться без бумаг, если не хочешь, чтобы Оркану стало все известно. Твоя жизнь зависит от того, как ты будешь играть в мою игру, запомни это, курд!

* * *

Действительно, единственный выход для О'Доннелла заключался в необходимости играть в «игру» Сулеймана. Так он думал и три дня спустя, когда под видом странствующего курда Али эль-Гази ехал по горной тропе мимо высокого скалистого хребта.

Впереди него на костлявой тощей лошаденке ехал курукский проводник, заросший волосами едва ли не до глаз дикарь в грязном белом тюрбане, а позади единым строем двигались пятьдесят вооруженных воинов Оркана Богатура. Когда О'Доннелл оглядывался

на них, его сердце наполняла гордость от сознания того, что он ведет такой большой отряд. Эти воины не были крестьянами, оторванными от полевых забот, нет, это были высокие сильные люди с повадками и внешностью ястребов; кочевники и сыновья кочевников, родившиеся в седле. Под ними были лучшие кони в этой земле наездников, а их ружья были последнего европейского образца.

— Слушайте! — курук внезапно остановился.

О'Доннелл подъехал к нему и, приподнявшись в широких серебряных стремянах, повернул голову в сторону. Порыв ветра вдоль горного хребта донес эхо отдаленных выстрелов.

Воины позади О'Доннелла тоже услышали эти звуки и все как один инстинктивно схватились за ятаганы.

— Это ружья! — воскликнул Дост-шах. — В горах кто-то сражается.

— Далеко ли еще до Курука? — спросил О'Доннелл.

— Еще час езды,— ответил курук, взглянув на полуденное солнце.— За этим хребтом начинается ущелье Акбара, граница территории Ахмед-шаха. В нескольких милях от него будет Курук.

— Тогда вперед! — скомандовал О'Доннелл.

Они объехали скалу, выдававшуюся из хребта, как овечий нос, и мешавшую видеть, что творится на юге. Здесь тропа сужалась, с одной

стороны ее лежала пропасть, так что всадникам пришлось спешиться и осторожно вести за собой испуганных животных.

Впереди тропа опять становилась шире и полого спускалось к ровному плато, окруженному высокими скалами. Это плато, в свою очередь, заканчивалось узким входом в ущелье, по обеим сторонам которого высились скалы в сотни футов высотой. Возле входа в ущелье стояла каменная башня, в ней были люди, и они стреляли в других, окружавших башню и прятавшихся на плато за валунами и скалистыми уступами. Однако они не стреляли в башню, и О'Доннелл почти сразу это понял.

Слева от башни начиналось извилистое ущелье. В этом ущелье прятались люди, и О'Доннелл увидел, что они загнаны туда, как в ловушку. Те, кто прятался на плато, образовали вокруг ущелья своеобразный кордон и двигались постепенно все ближе, стреляя во время движения. Люди в ущелье отстреливались, и несколько тел лежали, распростершись между скалами. Судя по звукам выстрелов, в ущелье было всего несколько человек, и те, кто был в башне, не могли прийти им на помощь. Было бы равносильно самоубийству бежать от башни к ущелью по открытому пространству.

О'Доннелл велел своим людям остановиться на тропе, недалеко от того места, где она плавно переходила в плато, и подъехал к проводнику.

— Что все это значит? — спросил он.

Дост-шах покачал головой, будто сам был удивлен.

— Это ущелье Акбара, — сказал он. — Башня принадлежит Ахмед-шаху. Иногда на нас нападают дикари, и мы отстреливаемся из башни. В башне и в ущелье могут быть только люди Ахмеда. Но...

Он опять покачал головой и, привязав своего коня к широко раскинувшемуся тамариску, направился вниз по склону, держа наготове ружье и бормоча себе в бороду что-то неразборчивое.

О'Доннелл последовал за ним туда, где заканчивалась тропа и начиналось плато, но он двигался гораздо более решительно, чем курук. Теперь они были на расстоянии ружейного выстрела от стрелявших; над плато свистели пули.

Отсюда О'Доннелл мог уже хорошо разглядеть нападавших, которые прятались за валунами на плато. Они пока не замечали ни его, ни проводника и не могли видеть его отряд на тропе из-за скал. Все их внимание было направлено на ущелье, они все как один выкрикнули что-то свирепое, когда за скалой мелькнул чей-то тюрбан, окрасившийся багряным цветом. Из башни, напротив, донеслись крики отчаяния.

— Пригнись, болван! — крикнул О'Доннелл Дост-шаху, который вытягивал изо всех сил свою длинную шею над большими валунами.

— В башне *должны* быть люди Ахмеда, — неуверенно пробормотал Дост-шах. — Да другого быть не может, иначе — Аллах! — воскликнул он и выпрямился во весь рост, как безумный, словно позабыв обо всем на свете под влиянием собственной отчаянной мысли.

О'Доннелл, выругавшись, попытался потянуть его вниз, однако он продолжал стоять, поднимая ружье, в развевающейся на ветру одежде, словно демон гор.

— Чья же это работа? — воскликнул он. — Это не...

Пуля оборвала его на полуслове. Не сгибая ног, он упал на спину и замер.

— Что он хотел сказать? — вслух пробормотал О'Доннелл. — Это была шальная пуля или его кто-то заметил?

Он не мог с уверенностью сказать, была ли эта пуля выпущена из-за валунов или из башни. Как и в любой стычке в горах, крики и стрельба сливались в единый гул, и их повторяло горное эхо. Одно было ясно: скоро для тех, кто прячется в ущелье, наступит конец, ловушка захлопнется. Они там были укрыты от пуль, но расстояние между ними и нападавшими сокращалось, и недалек был тот миг, когда могла начаться рукопашная схватка.

О'Доннелл вернулся к своему отряду, состоявшему из вольных туркмен, и быстро заговорил:

— Дост-шах убит, но он привел нас к границе территории Ахмед-шаха. В башне куруки, а те, кто напал на них, отрезали путь к башне какому-то их вождю — может быть, самому Ахмед-шаху — и заперли его в ущелье. Я понял это по тому грохоту, который они подняли. Едва ли они старались бы так, чтобы убить нескольких простых воинов. Если мы придем к нему на помощь и сможем его спасти, то мы заручимся его дружбой, и нам легче будет выполнить нашу задачу, Аллах помогает смелым!

Мне показалось, что нападающих не больше сотни; конечно, это вдвое больше нашего отряда, но обстоятельства складываются в нашу пользу. Во-первых, наше преимущество будет в неожиданности, во-вторых, люди в ущелье, конечно, выйдут оттуда, если мы нападём на их врагов. Сейчас куруки заперты в ущелье. Выйти они не могут, они только отстреливаются.

— Мы ждем приказаний, — ответили туркмены.

Туркмены вообще-то недолюбливали курдов, но всем всадникам было известно, что Али эль-Гази — почетный гость их повелителя.

— Десять человек пусть останутся с лошадьми! — распорядился он. — Остальные за мной!

Спустя несколько мгновений люди уже ползли за ним по спуску к плато. Он расположил

туркменов вдоль хребта, проследив при этом, чтобы каждый из них был надежно укрыт за валунами.

Через несколько минут туркмены, оказавшись уже на плато, вскочили на ноги и бросились на осаждавших ущелье с дикими криками и визгом, как стая волков, жаждущих крови; кривые клинки их сабель сверкали на солнце. Ружья в очередной раз выплюнули свинец, и трое из осаждавших упали замертво. Из башни донесся устрашающий многоголосый крик.

О'Доннелл отдал короткий приказ, и туркмены выстрелили. Все они были опытными воинами и не тратили зарядов понапрасну. Половина осаждавших ущелье упала, словно людей сбил с ног чей-то огромный невидимый кулак. Остальные в замешательстве повернулись туда, откуда появились туркмены, заблестела сталь длинных ножей. Туркмены продолжали стрелять.

Туркмены О'Доннелла были воинами, закаленными во множестве кровавых сражений, и их пули били без промаха. Людей на плато охватила паника, теперь они оказались в ловушке — их обстреливали с трех сторон, и казалось, что все они должны неминуемо погибнуть.

Кто-то выкрикнул команду, и они устремились к западному краю плато беспорядочной толпой, пытаясь по дороге укрыться за валунами и редкими кустами. На ветру развевалась их потрепанная одежда.

Вдогонку убежавшим туркмены послали еще один заряд. Из башни на плато выбежали люди.

О'Доннелл бросил последний взгляд на убежавших и крикнул, чтобы привели лошадей. Он прекрасно понимал, какое впечатление должны произвести его туркмены на великолепных турецких жеребцах. Через несколько мгновений он вполне смог насладиться удивленными и восхищенными взглядами и возгласами. Туркмены гарцевали на конях в своих астраханских шапках с ружьями за плечами. Из ущелья тоже вышли люди и тоже удивленно смотрели на отряд О'Доннелла, так неожиданно спасший их.

О'Доннелл, уверенный, что предводитель куруков находится среди людей, вышедших из ущелья, подъехал прямо к оврагу, тянувшемуся вдоль хребта.

Свое ружье он забросил за спину и поднял правую руку в знак того, что пришел с миром; люди, выходявшие из ущелья, опустили ружья и двинулись ему навстречу вместо того, чтобы преследовать бежавших. Те уже успели скрыться среди скал.

Не доехав до оврага шагов десяти, О'Доннелл натянул поводья и прокричал приветствие на языке пушту. Ему ответил низкий хриплый голос, и из ущелья показался высокий широкоплечий человек, следом за которым шли его воины.

— Да снизойдет на тебя милость Аллаха! — крикнул вождь.

Его окрашенная хной борода, как пламя, а глаза бешенно сверкали. Палец одной руки он держал на курке ружья, а другую засунул за широкий шелковый пояс, обхвативший мощный живот. С этого пояса свешивалась широкая кривая сабля и три или четыре ножа.

— Машалла! — прокричал вождь. — Я думал, что это мои люди загнали бешеных псов в ловушку, пока не увидел ваших шапок. Вы, конечно, из Шахразара?

— Да, меня зовут Али эль-Гази, я названный брат Оркана Богатура. А ты, должно быть, Ахмед-шах, повелитель Курука?

В ответ раздался громopodobный смех.

— Ахмед-шах за последние четыре дня успел убраться к дьяволу, — проревел гигант. — Я Афзал-хан, и люди зовут меня Палач.

О'Доннелл скорее почувствовал, чем услышал ропот за спиной. Большинство туркмен понимали язык пушту, а о делах Афзал-хана можно было услышать немало рассказов в туркменских караван-сараях. Даже в этой не знавшей законов земле он был изгнанником, жестоким убийцей, чей дикий путь был отмечен дымом пожарищ и обогрен кровью.

— Но это ущелье ведет в Курук, — обескураженно произнес О'Доннелл.

— Да! — живо согласился Афзал-хан. — Четыре дня назад я пришел в долину с востока и

разогнал курукских собак. Ахмед-шаха я убил своими руками — вот так!

Его глаза налились кровью при этом воспоминании, и он разрядил ружье в сухую ветку тамариска, которая с легким треском обломилась от выстрела. Воспоминание об убийстве, казалось, разбудило в нем дьявола. Он хищно усмехнулся в бороду.

— Я сжег деревни Курука, — спокойно продолжал он. — Моим людям не нужна крыша, которая будет отделять от них небо. Деревенские псы — те, кто остался в живых, — попрятались в горах. Сегодня я выкурил некоторых из их убежищ и охотился за ними, но им удалось отрезать меня от крепости и запретить в этом ущелье. Мы оборонялись. Когда я услышал ваши выстрелы, я думал, что это стреляют мои люди.

О'Доннелл не сразу ответил. Конь под ним нервно приплясывал, видимо, напуганный свирепым видом афганца. Бросив быстрый взгляд в сторону крепости, он увидел по меньшей мере семьдесят человек вполне бандитской наружности, диких, заросших волосами, с хищным волчьим оскалом, с ружьями в руках. Он успел разглядеть ружья — они были много хуже тех, которыми были вооружены туркмены.

Если бы началась схватка, преимущество было бы за конными туркменами. Однако следующий взгляд на ущелье показал О'Доннеллу, что это не так. Из ущелья продолжа-

ли выходить люди, их набралось уже около сотни.

— Псы все-таки подобрались к нам! — прорычал Афзал-хан. — Они вернулись по горам в долину. Будь я навеки проклят, если только я ожидал от них этого возвращения. Брат! — Он взял рукой за стремя О'Доннелла, не обращая внимания на то, как нервничал горячий турецкий жеребец. — Брат, отправляйся со мной в Курук! Сегодня ты спас мою жизнь, и я не хочу оставаться перед тобой в долгу.

О'Доннелл не оглядывался на своих туркменов. Он отлично знал, что они ждут его приказаний и будут им повиноваться. Он мог бы выхватить пистолет и пристрелить Афзал-хана, и потом они проложили бы себе путь через плато в ущелье. Можно было с уверенностью сказать, что многие из бандитов при этом остались бы в живых. Впрочем, у Афзал-хана сейчас были причины вести себя дружелюбно, а кроме того, если он убил Ахмед-шаха, то было логично предположить, что он завладел бумагами, которые О'Доннелл должен был доставить в Шахразар.

— Мы поедem с тобой в Курук, Афзал-хан, — принял решение О'Доннелл.

Афганец потербил пальцами рыжую бороду и проворчал что-то вполне миролюбиво и удовлетворенно.

Ряды оборванных головорезов сомкнулись за ними, когда они двинулись к ущелью, толпа

людей в одеждах из овечьих шкур и засаленных тюрбанах, составлявшая резкий контраст всадникам в высоких меховых шапках и разукрашенных кафтанах.

От О'Доннелла не укрылись завистливые взгляды, которые бросали оборванцы на его туркменов, на их полные патронташи, на прекрасных коней. Оркан Богатур позаботился о том, как должны были выглядеть его воины; он снарядил их с таким расчетом, чтобы они могли победить в небольшой войне.

Афзал-хан все еще держался за стремя О'Доннелла и громко разглагольствовал. Было похоже, что его не интересует ничто на свете, кроме звуков собственного голоса.

О'Доннелл оглядел его и его головорезов. Сам Афзал-хан был юсуфом, афганцем, а вот его люди представляли собой довольно пеструю толпу: здесь были патанцы, ораки, суданцы, африди, гилзы — все такие же отверженные, как их вожак.

Они прошли ущельем — это был узкий проход между скалами, напоминавший лезвие крикового ножа, сорок футов шириной и сотни три ярдов в длину — и оказались возле башни, где Афзал-хан и несколько его приближенных взгромоздились на коней. Вожак отдал приказ своим людям; пятьдесят человек остались в башне, а остальные вышли вслед за ним и его гостями из ущелья на узкую тропу, извивавшуюся среди диких скал.

Афзал Хан замолчал, да и впрямь было не до разговоров на узкой извилистой тропе, нужно было следить за тем, чтобы кони спокойно ступали по ней. Окружавшие тропу скалы были так круты и остры, что О'Доннелл понял все стратегическое значение ущелья Акбара.

Любой человек, на коне или пешком, мог пройти сквозь горы только по этому ущелью. О'Доннеллу было немного не по себе, будто за его спиной захлопнулась некая тяжелая дверь, и он с затаенной опаской поглядывал на Афзал-хана. Стремена у Афзал-хана были такие короткие, что он, сидя в седле, напоминал огромную жабу. Вожак, казалось, был сосредоточен только на дороге.

Когда они добрались до второго ущелья, солнце уже опустилось и стояло низко. Этот проход среди гор даже нельзя было по строгому счету назвать ущельем. Скалы стояли вокруг этого прохода и нависали над ним, как огромные фантастические клыки какого-то чудовища. Проехав мимо всех этих каменных зубов, О'Доннелл взглянул вперед, на долину Курука.

Эта долина была неглубока и окружена отвесными скалами. Она простиралась с востока на запад и выглядела почти идеально круглой; Афзал-хан со своими людьми и О'Доннелл с туркменами въезжали в нее с востока. Западный край долины закрывали скалы.

В долине не было видно ни возделанных полей, ни жилых домов — кругом, сколько мог охватить глаз, лежала обутленная земля. О'Доннеллу стало ясно, что курукские деревни выжжены дотла. В середине долины стояло квадратное каменное ограждение, на одном углу которого высилась башня. Такие сооружения нередко встречались среди холмов и во времена бедствий служили крепостями.

Словно в ответ мыслям О'Доннелла, Афзал-хан указал на каменную башню и сказал:

— Я налетел, как ураган. У них не было времени укрыться там. Их часовые уже ничего не могли сделать, они были слишком беспечны. Мы налетели на них и подняли их на ножи; потом, на рассвете, мы напали на деревни. Конечно, некоторые уцелели, мы не могли перебить их всех. Теперь они будут охотиться за мной, как сегодня, до тех пор пока я всех их не переловлю и не перебью.

О'Доннелл ничего не говорил ни о каких бумагах; это было бы непоправимой глупостью — прямо спросить о них Афзал-хана и вызвать тем самым его подозрения; и О'Доннелл решил подождать удобного случая.

Случай представился неожиданно.

— Ты умеешь читать на урду? — внезапно спросил его Афзал-хан.

— Да! — ответил О'Доннелл и невольно напрягся, его чувства обострились.

— Я не умею; но то, что мне подвернулось, написано не на пушту, — проворчал афганец. — На теле Ахмед-шаха я нашел бумаги, и мне кажется, что они написаны на урду.

— Я смогу их тебе прочитать.

О'Доннелл пытался говорить с безразличным видом, но, по-видимому, ему это плохо удалось. Афзал-хан пристально взглянул на него, потербил бороду и сменил тему разговора. Больше он не заговаривал о бумагах и не предлагал своему гостю взглянуть на них. О'Доннелл про себя проклинал нетерпеливые нотки в своем голосе, которые выдали его заинтересованность. Но теперь он, по крайней мере, знал, что нужные ему бумаги находятся в руках бандита и что их содержание пока Афзал-хану неизвестно.

Афзал-хан прокричал приказ, и его люди рассыпались вдоль скал, окружавших долину. С ним остались человек шестьдесят.

— Они будут выслеживать курукских собак, — пояснил он О'Доннеллу. — Здесь есть тропы, по которым люди могут перебраться через горы, минуя ущелье Акбара, и попасть в долину.

— Разве ущелье Акбара — не единственная дорога в Курук?

— Единственная, по которой можно добираться всадникам. Но есть горные тропы через скалы с юга и с севера, однако я везде выставил своих людей. Одного человека с ру-

жьем вполне достаточно, чтобы охранять любую из этих троп. Мои люди будут рыскать по долине. Меня не застать врасплох, как я застал Ахмед-шаха.

Когда они въехали в долину в сопровождении пеших бандитов, солнце опускалось за западные гребни гор. Ехали и шли молча, словно на всех подействовала тишина разоренной долины. Они направлялись к башне, стоявшей приблизительно на расстоянии мили от края долины. В долине не было ни валунов, ни крупных булыжников, лишь в нескольких сотнях ярдов от укрепления тянулся разрушенный гребень скалы. На полпути от этой скалистой гряды к укреплению и остановился Афзал-хан.

— Располагайтесь здесь! — коротко сказал он, и в его голосе послышался скорее приказ, чем приглашение. — Я со своими людьми займу укрепление, надо держаться подальше от волков. Вон там место для ваших коней. — Он указал на каменный загон возле южных скал. — С гор могут спуститься голодные волки и напасть на лошадей.

— Мы расположимся возле загона, — сказал О'Доннелл, имея в виду, что туркменам надо быть рядом со своими конями.

Афзал-хан нахмурился.

— Ты хочешь, чтобы тебя в темноте пристрелили, приняв за врага? — прорычал он. — Ставьте палатки там, где я сказал. Мои люди в ущелье знают, где будет ваш лагерь, и

если кто-то из них в темноте выйдет в долину и услышит, что люди переговариваются там, где их быть не должно, он будет сперва стрелять, а уж потом разбираться. Кроме того, если через горы переберутся курукские псы и застанут вас спящими внизу, они скатят с гор камни и передавят вас, как букашек.

Все это прозвучало вполне убедительно, и О'Доннелл не стал больше спорить. Чувствовалось, что афганец относится к О'Доннеллу и его туркменам снисходительно, словно утверждая свое превосходство. Что ж, людей у него было больше.

— У нас нет палаток, — ответил американец. — Они нам не нужны. Мы спим под своими плащами. — И он отдал своим людям приказ спешиться там, где указал вожак бандитов. Приказ немедленно был выполнен, лошадей отвели в загон, где, по утверждению афганца, они были в безопасности.

Под предлогом охраны от волков О'Доннелл велел пятерым туркменам сторожить животных. Афзал-хан проворчал в ответ на это что-то неразборчивое и в свою очередь поставил в загон свою лошадь, которая не шла ни в какое сравнение с великолепными турецкими жеребцами.

Его люди не высказывали особенного дружеского расположения к туркменам; они ушли в укрытие, и вскоре там весело затрещали костры, на которых готовилась еда. Начали

готовить нехитрую еду и люди О'Доннелла. Афзал-хан подошел к ним и смотрел на приготовления; его рыжая борода в свете костра казалась обагренной кровью. Блестели украшенные драгоценными камнями рукоятки его ножей, в его ястребиных глазах горело пламя.

— У нас плоховато с едой, — сказал он. Эти курукские псы сами сожгли свои хижины и уничтожили все припасы, когда бежали. Мы все почти голодаем. Так что я не могу предложить вам угощение, хотя вы у меня в гостях. Однако я послал своих людей зарезать нескольких бычков в загоне, что по ту сторону долины, так что завтра утром у нас будет достаточно еды, хвала Аллаху!

О'Доннелл пробормотал несколько вежливых выражений благодарности за заботу. Для бандита, стоявшего вне закона, Афзал-хан вел себя весьма любопытно. Только что он свирепо приказывал им становиться лагерем, а теперь говорил, едва ли не извиняясь.

Приказание разбить лагерь в том месте, в каком это посчитал нужным Афзал-хан, прозвучало так, будто О'Доннелл и его туркмены были пленниками, однако предводитель бандитов не попытался разоружить их отряд. Конечно, подумалось О'Доннеллу, у Афзал-хана нет причин испытывать враждебность по отношению к гостям, а даже если бы они и были, тогда почему он все

же привел их в Курук, а не попытался расправиться с ними в горах, где это было бы проще?

Люди Афзал-хана были угрюмы и молчаливы.

— Али эль-Гази, — Афзал-хан неожиданно повторил курдское имя О'Доннелла. — Почему Гази? Кого из неверных ты убил, чтобы присвоить такое имя?

— Русского, полковника Ивана Куровича.

О'Доннелл говорил правду. Было известно, что он под именем курда Али эль-Гази убил Куровича в одном из многочисленных поединков, каждый день случавшихся возле границы.

Афзал-хан несколько минут обдумывал услышанное. Пламя костра освещало его лицо, делая его выражение еще более хищным и жестоким, чем оно было на самом деле. Он казался сказочным чудовищем среди людей возле костра. Кашлянув, он повернулся и пошел прочь, к укреплению.

* * *

На горы опустилась ночь, и слышалось только завывание ветра среди скал. По темному небу плыли тучи, закрывая и открывая мириады звезд, которые, появляясь и исчезая, холодно сверкали серебряными блестками. Туркмены сгруппировались возле своих небольших костров и только бросали настороженные взгляды через плечо.

Жителям пустынь и степей, им было не по себе в этих зловещих нависших горах; ночь, опустившаяся на долину, словно околдовала их. Они прислушивались к завываниям ветра и вглядывались в темноту, веря, что из нее могут появиться призраки мертвецов. На О'Доннелла все они поглядывали хмуро и сурово.

Их угрюмость и ночной мрак действовали и на американца. Его не покидало предчувствие беды. В Афзал-хане было что-то такое, что отталкивало и пугало, но что именно, О'Доннелл не мог понять.

Этот человек презрел законы, по которым люди судят друг друга. Он был вожаком бандитов. А его чудовищные размеры делали его похожим на сказочного огра.

О'Доннелл сердито тряхнул головой, словно отгоняя наваждение. В конце концов, Афзал-хан — обыкновенный человек из плоти и крови, которого может убить пуля или стальной клинок. Да и какие у него могут быть причины для вероломства? Однако сомнения не уходили.

— Завтра будем пировать, — сказал он своим людям. — Так сказал Афзал-хан.

Туркмены посмотрели на него с прежней суровостью, но в их глазах появился настороженный волчий блеск.

— Мертвецы не пируют, — сказал один из них.

— Что это за разговоры? — возразил О'Доннелл. — Мы все живые, а не мертвецы.

— Мы не делили соль с Афзал-ханом, — отозвался туркмен. — Мы остановились лагерем здесь, на виду, окруженные его убийцами. Конечно, нас уже можно считать мертвецами. Мы похожи на овец, которых привели к мяснику.

Нахмурившись, О'Доннелл оглядел своих людей. В голосе воина прозвучали те самые сомнения и страхи, которые тревожили его самого. Туркмены не выражали недовольства и не роптали на то, что их предводитель завел их в ловушку. Они спокойно рассуждали о той участи, которая, как им представлялось, их ожидала. Все они были уверены в том, что должны здесь умереть, и эта уверенность мало-помалу передавалась О'Доннеллу. Костры вот-вот погаснут, а дров больше не было. Кое-кто, завернувшись в плащ, уже улегся на голую холодную землю, остальные продолжали сидеть, скрестив ноги и уронив головы на грудь.

О'Доннелл поднялся и дошел до ближайших скал. Там он повернулся и попытался взглянуть в каменную ограду. За ней уже погасли огни, и оттуда не доносилось ни единого звука. Он ощутил потребность узнать, что там происходит, и решил отправиться на разведку под тем предлогом, что ему нужна вода.

Большая квадратная площадь была обнесена каменной стеной. В северо-западном углу этой стены возвышалась башня. В юго-запад-

ном углу огороженной площади находился колодец. Когда-то и его защищала башня, но она давно превратилась в руины, от нее осталось только основание. Больше на площади не было ничего, кроме убогой каменной хижины с соломенной крышей. Он не представлял себе, что может быть в этой хижине. Афзал-хан говорил, что он будет спать один в башне. Вожак не должен слишком отдаляться от своих людей.

Что за игру ведет Афзал-хан? То, что он лукавил с О'Доннеллом, было очевидно. Ясны были О'Доннеллу и многие его увертки; этот человек не отличался большим умом, как можно было бы предположить; он больше смахивал на буйвола, привыкшего побеждать за счет звериной силы и ярости.

Но почему он хитрил, и что ему на самом деле было нужно? О'Доннелл почувствовал запах жареного мяса. Значит, еда в долине была, но афганец зачем-то скрыл это. Туркменам было понятно, что Афзал-хан не собирался делить хлеб и соль с теми, кого задумал убить. Но опять перед О'Доннеллом вставал вопрос — зачем?

— Эгей, Али эль-Гази!

Услышав этот свистящий шепот из темноты, О'Доннелл резко повернулся, выхватив из-за пояса свой большой пистолет. Он напряг глаза, но ничего не увидел; слышался только шелест ночного ветра.

— Кто здесь? Кто меня зовет?

— Твой друг! Не стреляй!

О'Доннелл увидел, как от каменной стены отделилась тень и шагнула к нему. Держа палец на курке, он направил дуло пистолета в грудь незнакомца и шагнул ему навстречу, сиюсь разглядеть лицо в зыбком свете звезд. Однако тьма была такой непроглядной, что черты лица невозможно было разглядеть.

— Ты не узнаешь меня? — прошептал незнакомец, и по акценту О'Доннелл определил, что перед ним вазири. — Я же Яр-Мухаммед!

— Яр-Мухаммед! — О'Доннелл мгновенно засунул пистолет за пояс и опустил руку на огромное плечо. — Что ты делаешь в этом скопище воров?

Поверх бороды вазири сверкнула белозубая улыбка.

— Аллах! А разве я не вор, эль-Ширка? — спросил он, называя О'Доннелла именем, под которым его знал мусульманский мир. — Разве ты забыл прежние времена? Даже теперь бритты повесили бы меня, если только им удалось бы меня поймать. Ну да ладно. Я был одним из тех, кто охранял тропы в горах.

Час назад меня сменили, а когда я вернулся сюда, я слышал разговоры о туркменах, которые встали лагерем в долине, слышал и то, что их предводитель курд, убивший неверного Куровича. Так я узнал,

что эль-Ширка снова играет с судьбой. Саиб, неужели ты лишился разума? Над тобой и всеми твоими людьми простерла крылья сама смерть. Афзал-хан сказал, что ты не увидишь рассвета.

— Я подозревал его в таком умысле, — пробормотал американец. — Когда он говорил о еде...

— Видишь ту хижину? В ней полно еды. Но зачем понапрасну тратить мясо и хлеб на мертвецов? Еда в этих горах дорога, а на рассвете вы умрете.

— Но почему? Мы спасли жизнь Афзал-хану, и нет причины...

— Джелум потечет вспять, когда Афзал-хан пощадит кого-нибудь из благодарности, — прошептал Яр-Мухаммед.

— Но зачем?

— Клянусь Аллахом, саиб, неужели ты не понимаешь, зачем? Разве пятьдесят турецких лошадей недостаточная причина? В этих горах огнестрельное оружие и патроны ценятся на вес чистого серебра, и каждый здесь способен за ружье убить родного брата. Афзал-хан — разбойник, и он поступит с вами поразбойничьи.

Это оружие и кони добавят ему силы. Он тщеславен. Он хочет привлечь к себе еще людей, чтобы разделить власть в этих горах с Орканом Богатуром. Более того, он мечтает в один прекрасный день отбить Шахрзар у туркмен и не отдать его обратно

узбекам. О чем мечтает каждый бандит в этих горах, неважно, бедняк он или богач? Аллах! Конечно, о сокровищах Хорезма!

О'Доннелл молча обдумывал услышанное. В эту проклятую бандитскую орду будто огромным магнитом притягивалось зло из дальних и ближних земель. Оттого, что вазири под покровом ночи рассказал ему обо всем, бандиты не исчезли, и зло продолжало существовать. О'Доннелл едва сдержал горькую усмешку.

Завывал ночной ветер, и в его шуме тонул бормочущий голос Яр-Мухаммеда, его не могли слышать бандиты.

— Афзал-хан не испытывает к тебе особенной благодарности, потому что ты думал, что спас Ахмед-шаха. В ущелье он не напал на вас только потому, что боялся потерять убитыми много своих людей, а кроме того, лошади давали вам преимущество. Теперь он завел вас в ловушку. Здесь за стеной шесть десятков человек; еще сотня в начале долины. Незадолго до того, как взойдет луна, в долину спустятся люди с гор и залегут за этими скалами. Когда луна поднимется и можно будет целиться, они перестреляют вас.

Большинство туркменов умрет спящими, а тех, кто попырует бежать, застрелят отсюда, из-за стены. Сейчас все здесь спят, но оставлены часовые. Я выскользнул к западной стене и лежал там, думая, как бы доб-

раться до вашего лагеря, чтобы меня не застрелили.

Афзал-хан все рассчитал. Он привел вас в отличную ловушку, ваши кони далеко от вас, и вам не спастись от пуль.

— Ну что ж,— пробормотал О'Доннелл.— У тебя есть какой-нибудь план?

— План? Клянусь Аллахом, разве у меня когда-нибудь бывают планы? Нет, это только ты умеешь! Я знаю эти горы и умею стрелять и драться.— В воздухе блеснул клинок его длинного ножа.— Но я всегда следую за более мудрым предводителем. Я услышал разговоры и хотел предупредить тебя, потому что однажды ты спас меня от ножей африди, и потом ты помог мне бежать из пешаварской тюрьмы, где я томился, мечтая ускользнуть в горы.

О'Доннелл не стал благодарить вазири, да в этом и не было необходимости. Он только с благодарностью тепло взглянул на заросшего волосами разбойника. «Даже в этих варварских горах,— подумал он,— людское вероломство уравнивается людской преданностью».

— Ты можешь провести нас через горы? — спросил О'Доннелл.

— Нет, саиб; кони не пройдут по этим тропам, а туркмены в своих сапогах не выдержат этого пути и погибнут.

— До того как взойдет луна, еще почти два часа,— пробормотал О'Доннелл.— Если сейчас

велеть седлать лошадей, это выдаст нас. Кому-то из нас может повезти, и он скроется в темноте, но...

Он думал о бумагах, от которых зависела его жизнь, но не только о них. Бежать в темноте значило разрознить свои силы, даже если им удастся пробить себе путь из этой долины. Без его командования туркмены неминуемо растеряются, и те, кто окажется в стороне от основного отряда, бессмысленно погибнут.

— Идем со мной, — в конце концов сказал он, и вазири последовал за ним туда, где возле тлеющих углей спали туркмены.

Когда он начал шептать, все они поднялись и сгрудились возле него, бросая подозрительные взгляды на вазири. В темноте О'Доннелл едва различал очертания ястребиных лиц. Звезд не было видно, все небо закрывали тучи. Стены каменного укрепления казались большим черным пятном, горы нависали над долиной сплошной черной массой. Вой ветра заглушал негромкие голоса.

— Замолчите и слушайте меня, — велел О'Доннелл. — Это Яр-Мухаммед, наш друг. Он честный человек. Нас предали. Афзал-хан — проклятый пес, который задумал убить нас и завладеть нашими лошадьми. Слушайте! В этом укреплении есть крытая соломой хижина. Я проберусь туда и подожгу солому. Когда вы увидите пламя и услышите мой выстрел, перелезайте через стену. Кто-то из вас погиб-

нет, но на нашей стороне будет преимущество неожиданного нападения. Мы должны взять это укрепление и выстоять против тех, кто спустится в долину, когда взойдет луна. Это отчаянный план, но лучше него сейчас ничего не может быть.

— Басмила! — забормотали туркмены, и он услышал лязг клинков, вынимаемых из ножен.

— Да, это работа для холодной стали, — сказал он. — Вы должны перелезть через стену и захватить патанцев врасплох. И пошлите человека к тем, кто остался в загоне с лошадьми. Смелее! На все воля Аллаха.

После этих слов он скользнул в темноту, сопровождаемый безмолвным Яр-Мухаммедом, как бесшумной тенью. О'Доннелл знал, что ему удалось изменить настроение туркменов: вместо покорности судьбе теперь в их сердцах жила ярость и жажда победы.

— Если я погибну, — прошептал О'Доннелл, — сможешь ли ты довести этих людей обратно до Шахразара? Оркан Богатур наградит тебя.

— Да проглотит шайтан Оркана Богатуюра! — ответил Яр-Мухаммед. — Чего ради буду я заботиться об этих туркменских псах? Я рискую своей шкурой ради тебя, а вовсе не ради их.

О'Доннелл отдал вазири свое ружье. Почти ползком они добрались до южной стены укрепления. За стеной не было слышно ни звука и не мерцало ни единого огонька. О'Доннелл

знал, что в крошечной тьме их невозможно увидеть, как бы внимательно ни вглядывались часовые в темноту. Беззвучно они с вазири дошли и до западной стены, которая никем не охранялась.

— Афзал-хан спит в башне,— прошептал Яр-Мухаммед, наклонясь к самому уху О'Доннелла.— Спит или притворяется, что спит. Все люди собрались возле восточной стены и пытаются разглядеть туркменов. Им было разрешено погасить костры, чтобы не вызвать подозрений.

— Тогда вперед, через стену,— прошептал О'Доннелл, поднимаясь и схватываясь руками за верх стены. Он перемахнул через стену почти бесшумно, с легким шорохом, похожим на шелест тамариска на ветру, и так же тихо вслед за ним перебрался через стену Яр-Мухаммед. О'Доннелл несколько мгновений постоял в тени стены, обдумывая каждый свой шаг, прежде чем сдвинуться с места.

Перед ним стояла темной горкой хижина, она была ближе к западной стене, чем ко всем остальным. Возле нее краснели угли остывавшего костра. В башне на северо-западном углу стены света не было.

Велев Яр-Мухаммеду оставаться возле стены, О'Доннелл направился туда, где тлели угли. Когда он подошел к ним ближе, он разглядел людей, спавших между хижинной и восточной стеной. Сперва ему показалось противоестественным, что эти хладнокров-

ные убийцы мирно и безмятежно спали в такое время. Но тут же он понял, что ничего странного в этом не было. По первому слову хозяина они встанут и будут убивать, а пока он этого слова не произнес, они могли спать. И разве сам О'Доннелл никогда не спал и не ел на поле битвы среди трупов?

Часовые вдоль стены были едва различимы. Они не оборачивались; лежа неподвижно, словно каменные статуи, всматривались они в темноту, из которой кто-нибудь мог появиться. Среди углей лежала длинная наполовину сгоревшая обугленная хворостина, один ее конец мерцал красным светом. О'Доннелл изловчился и схватил ее. Яр Мухаммед невольно поежился возле стены. Ему было хорошо видно, как из темноты на мгновение протянулась рука к гаснущему костру, затем рука пропала, и к нему двинулась красная точка.

— Аллах! — прошептал вазири.— Здесь темнее, чем в преисподней!

— Тише! — раздался рядом с ним шепот О'Доннелла.— Приготовься, сейчас начнутся главные дела.

Он подул на кончик хворостины, и дерево разгорелось ярче.

— Предаюсь в руки Аллаха! — прошептал О'Доннелл и шагнул к хижине, протянув горевшую хворостину к ее соломенной крыше.

В следующее мгновение возле крыши метнулся язычок пламени, и в один миг огонь охватил сухую солому. В свете огромного костра можно было ясно разглядеть фигуры вскочивших на ноги людей. Часовые повернулись и замерли в изумлении.

О'Доннелл с воинственным криком нажал на курок своего пистолета.

Один из часовых свалился со стены, успев лишь нелепо взмахнуть ружьем. Остальные падали с криками, шатаясь, словно пьяные; под шквальным огнем О'Доннелла и Яр-Мухаммеда, который стрелял в своих недавних товарищей так, будто они были его заклятыми врагами.

Все это произошло в считанные секунды, и те бандиты, которые вскочили с земли при виде огня и звуках выстрелов, не могли увидеть за пламенем двух людей, которых к тому же скрывала тень от дальней стены. Но в следующий миг слышались другие звуки — топот ног и шорохи, сопровождавшие туркменов, перебиравшихся через стену.

Некоторые патанцы слышали эти звуки и тревожно вглядывались в темноту за горящей крышей хижины, но пламя делало окружающую тьму еще более непроглядной. Они не могли видеть неумолимо приближавшуюся к ним смерть.

Через несколько секунд над укреплением раздались крики ужаса. Из темноты на банди-

тов набросились туркмены. Их глаза горели ненавистью, а клинки рубили беспощадно. Они навалились на бандитов, словно волна, и дрались как безумные.

Разбуженные выстрелами и ошеломленные внезапностью нападения патанцы были обречены на поражение. Некоторые бежали, перебравшись через стену и не оказав даже ни малейшей попытки к сопротивлению, но оставшиеся в укреплении, крича и воя, как волки, отчаянно сопротивлялись. Горящая солома на крыше хижины придавала всей картине особенно жуткий вид. Туркменские шапки смешались с тюрбанами, повсюду звенела сталь, ятаганы отбивались от кривых сабель, и лилась кровь.

Разрядив пистолет, О'Доннелл подбежал к башне. Он ждал, что в любой момент оттуда мог появиться Афзал-хан. Однако в такие минуты человек теряет всякое представление о времени. Минута может показаться равной часу, а час способен пролететь, словно одно мгновение. На самом деле разъяренный афганец вышел из башни почти сразу же после того, как туркмены перебрались через стену. Может быть, он и в самом деле спал, может быть, его удержала осторожность. Ведь выстрелы могли обозначать, что его люди поднялись против него.

Так или иначе, но, разъяренный, как бык, он вышел с ружьем в руках. О'Доннелл мет-

нулся к нему, однако афганец успел разглядеть, что его бандиты гибнут под бешеным натиском туркменов. Он понял, что схватка уже проиграна, и побежал к ближайшей стене.

О'Доннелл попытался стащить его назад со стены, но Афзал-хан, изловчившись, выстрелил. Американец почувствовал тяжелый удар в живот и упал на землю, не в силах вздохнуть. Афзал-хан с победным криком потряс ружьем и переметнулся через стену. Пуля, посланная ему вдогонку Яр-Мухаммедом, не нашла своей цели.

К О'Доннеллу через все укрепление подбежал вазири и, опустившись возле него на колени, сился найти рану на его теле, запричитал:

— Ай-яй! Он убит! Мой друг и брат! Где можно найти второго такого? Убит пулей горца! Ай! Ай! Ай!

— Прекрати причитать,— выдохнул О'Доннелл, садясь на земле.— Я даже не ранен.

Яр-Мухаммед вскрикнул теперь уже от удивления.

— Но где же пуля, брат мой? Он стрелял в упор!

— Она попала в пряжку моего пояса,— проворчал О'Доннелл, ощупывая тяжелую золотую пряжку, которая от удара пули погнулась и сплюснулась.— Клянусь Аллахом, она спасла меня. Это было похоже на удар кузнечного молота. Где Афзал-хан?

— Он бежал в темноте.

О'Доннелл поднялся и посмотрел на схватку. Она была почти окончена. Уцелевшие патанцы перелезали через стену, преследуемые туркменами. Побеждая, туркмены были так же беспощадны, как и любые другие жители Востока. Все укрепление теперь напоминало бойню.

Хижина все еще ярко горела, и О'Доннелл был уверен, что ее содержимое сгорело дотла. Огонь, который дал туркменам преимущество, теперь становился источником опасности: из долины наверняка уже спешили к укреплению бандиты, и в ярком свете пламени они могли бы легко справиться с туркменами. Он побежал вперед, на ходу выкрикивая приказания и первым подавая пример действий.

Туркмены похватили все сосуды, какие только попадали под руку, даже шапки пошли в ход. Все дружно принялись носить воду из колодца и заливать огонь. О'Доннелл бросился в дверь хижины и начал выбрасывать из нее все подряд, в основном это были обгоревшие остатки еды, и затаптывать языки пламени ногами.

Работая так, как только способны работать люди в минуты смертельной опасности, туркмены сбили и потушили пламя, и укрепление вновь окутала темнота. Однако слабое мерцание над восточными горами указывало на то, что близок восход луны.

Перезарядив ружья, туркмены расположились вдоль стены и принялись вглядываться в

темноту точно так же, как недавно это делали патанцы. Схватка унесла жизни семерых людей, их тела положили возле колодца рядом с ранеными. Тела убитых патанцев без лишних церемоний выбросили за стену.

О'Доннелл справедливо считал, что когда началась схватка, бандиты в долине еще и не думали двигаться к укреплению. Не двигались они и позже, так как не были уверены в том, что означал огонь и выстрелы. Но теперь они должны были быть на пути к укреплению, и Афзал-хан, должно быть, пытался соединиться с ними.

Ветер донес до туркменов отдаленные выкрики и звуки беспорядочной истеричной пальбы. Это могло означать только одно: люди Афзал-хана едва не пристрелили в долине его самого, приняв его в темноте за неприятеля. Луна, пробившаяся сквозь тучи, осветила людей возле восточных скал.

О'Доннелл даже разглядел огромного Афзал-хана и, выхватив ружье из рук туркмена, лежавшего рядом с ним, выстрелил. В зыбком лунном свете он промахнулся, но этот выстрел послужил сигналом к началу перестрелки для обеих сторон. Бандиты, укрываясь за скалами, стреляли по стене, выбивая из нее мелкие камешки, но не причиняя туркменам никакого вреда.

Определив местонахождение врагов, О'Доннелл почувствовал себя увереннее. Взяв в руки факел, он направился в башню, сопровождае-

мый верным Яр-Мухаммедом, как безмолвной черной тенью. В башне нашлось много всевозможной утвари: седла, одежда, одеяла, еда и оружие, но О'Доннелл не нашел того, что искал, хотя и перевернул все вверх дном. Яр-Мухаммед расположился возле двери с таким видом, словно ему не было никакого дела до того, что искал его друг.

В конце концов О'Доннелл отшвырнул ногой какую-то тряпку и, вытирая вспотевший лоб, подошел к вазири.

— Где подлый пес хранит эти бумаги?

— Бумаги, которые он взял у Ахмед-шаха? — уточнил Яр-Мухаммед. — Их он всегда носит в своем поясе. Он не может прочитать их, но уверен, что их можно дорого продать. Люди говорили, что Ахмед-шах забрал их у того феринги, который умер.

* * *

Над долиной Курука занимался рассвет. Солнце еще не успело подняться из-за гор и только окрасило их белые вершины огненно-красным цветом. Однако никому в долине не пришло в голову тратить время на то, чтобы полюбоваться красотами рассвета в горах. В скалах разносилось эхо выстрелов, и их дымки рассеивались в рассветном воздухе. Свинец ударялся в камни и злобно свистел в воздухе, а иногда глухой шлепок означал попадание пули в человеческое тело. Люди отчаянно ругались, многие богохуль-

ствовали, бандиты встречали рассвет проклятиями.

О'Доннелл лежал возле бойницы, вглядываясь в скалы, над которыми то тут, то там поднимались дымки от выстрелов. Ствол его ружья раскалился от постоянной стрельбы. В дюжине ярдов от стены прижималась к земле кучка бандитов в белых одеждах.

Едва небо чуть посветлело, бандиты Афзал-хана начали не переставая обстреливать укрепление из-за разрушенных скал в восточной части долины. Трижды они пытались выйти из-за скал и атаковать, но всякий раз шквальный огонь туркменов отбрасывал их назад. На стороне туркменов было преимущество позиции, да и оружие у них было гораздо лучше.

О'Доннелл разместил в башне пятерых лучших стрелков, остальные должны были удерживать стены. Для того чтобы приблизиться к укреплению, бандитам требовалось покинуть укрывавшие их скалы и пройти несколько сотен ярдов по открытому пространству. Пока все бандиты оставались за скалами на расстоянии ружейного выстрела от укрепления.

Патанцы понесли ощутимые потери во время трех своих вылазок. Мастерство их стрелков и качество их оружия во многом уступали воинскому искусству и оружию туркменов. Однако несколько шальных пуль, посланных бандитами, все же попали в стенные бойницы.

В нескольких ярдах от О'Доннелла в нелепой позе застыл туркменский стрелок, его голову пуля превратила в сплошное месиво из крови и мозгов.

Другой туркмен лежал возле обгоревшей хижины. Ему пуля разворотила живот, рана была тяжелой, и бедняге предстояла долгая мучительная агония, однако он мужественно переносил страдания, и с его губ не срывалось ни единого стога.

Третий туркмен с простреленной рукой был куда менее сдержан: его проклятия могли заледенить кровь самого шайтана.

О'Доннелл взглянул на башню и по голубоватым струйкам дыма, вылетающим из бойниц, понял, что все пятеро его снайперов делают свое дело так, как надо. Их задача была посложнее, чем у тех туркменов, что обороняли стены; да и укрыты они были понадежнее. Снова и снова они пресекали попытки бандитов подобраться к лошадям в каменном загоне. Загон находился ближе к укреплению, чем к скалам, и распростерты на земле тела бандитов указывали на то, что попытки подобраться к нему были тщетными.

О'Доннелл задумчиво покачал головой. У них было много еды, которую вытащили из горевшей хижины, на территории укрепления был колодец со свежей водой; у туркмен в руках было отличное оружие и добрый запас патронов. Однако долгой осады туркменам не выдержать.

Умер один из воинов, раненный в ночной схватке. Остался в живых сорок один человек из тех пятидесяти, что выехали с ним из Шах-разара. Один из них умирал, полдюжины было ранено, у одного из раненых не было шансов выжить. А снаружи у Афзал-хана было сотни полторы бандитов.

Пока Афзал-хан не отваживался штурмовать стену. Но под непрерывным огнем бандитов силы туркменов будут таять, и если небольшой их горстке удастся пробиться и уйти из долины, то это будет чудом. Никакого определенного плана у О'Доннелла не было.

Внезапно стрельба из долины прекратилась, и над скалой на стволе ружья взвился белый флаг.

— Эгей, Али эль-Гази! — донеслось от скалы, и в этом крике легко было узнать голос Афзал-хана.

Яр-Мухаммед, ни на шаг не отступавший от О'Доннелла, дернул его за рукав.

— Это уловка! Не высовывай голову из-за стены, саиб. Афзал-хану нельзя верить.

— Не стреляй, Али эль-Гази! — выкрикнул голос Афзал-хана. — Я хочу говорить с тобой!

— Выходи! — крикнул О'Доннелл.

В тот же миг среди скал появилась могучая фигура. Несмотря на собственное вероломство, Афзал-хан не сомневался в порядочности человека, которого он принимал за курда.

Он даже поднял руки, чтобы показать, что в них ничего нет.

— Иди один! — крикнул О'Доннелл.

Кто-то из бандитов поднял ружье с белым флагом, так что его было хорошо видно из укрепления. Афзал-хан шел по долине с важностью султана. Позади него среди валунов замелькали тюрбаны.

О'Доннелл крикнул, чтобы он остановился, и в тот же миг туркмены прицелились. Афзал-хана это нимало не обескуражило, он остановился и стал ждать О'Доннелла. Через несколько минут они стояли друг перед другом; в долине уже совсем рассвело.

О'Доннелл ожидал услышать упрек в вероломстве — в конце концов, это он первым нанес удар, — но Афзал-хан был плохим дипломатом.

— Ты у меня в тисках, Али эль-Гази, — заявил он без всякого вступления. — Если бы не эта собака вазири, который маячит там за стеной, я бы еще ночью, когда взошла луна, перерезал тебе глотку. Вы все уже мертвецы, и я не хочу больше терять время. Я буду великодушен. В ознаменование моей победы вы отдадите мне либо своих лошадей, либо свое оружие. Ваши кони, впрочем, уже и так принадлежат мне, но если вы пожелаете, я их вам верну. Бросьте оружие и можете убираться из Курука на лошадях. Или, если это вас устраивает, уходите со своим оружием, но пешком. Ну, что ты на это ответишь?

О'Доннелл презрительно сплюнул в его сторону. Это был жест, типичный для настоящего курда.

— Неужели мы похожи на дураков, которых может обвести вокруг пальца рыжеусая собака? — спросил он. — Всем известно, что когда Афзал-хан сдержит слово, волки подружатся с ягнятами. Если мы поедem на лошадях без оружия, вы перережете нас в ущельях. Или перестреляете из-за скал, если мы пойдем пешком.

Ты лжешь, уверяя, что наши кони у тебя. Десяток твоих людей погибли, пытаюсь подбраться к ним и захватить их для тебя. Ты лжешь, будто мы у тебя в тисках. Это ты в тисках! У вас нет ни пищи, ни воды; в долине нет второго колодца. У вас скоро закончатся патроны, и вам будет нечем стрелять, потому что все ваши запасы остались в башне, а она у нас в руках.

Афзал-хан зарычал, и О'Доннелл понял, что попал в точку.

— Если бы мы были беспомощны, ты не пытался бы сейчас обвести нас вокруг пальца, а попросту перерезал бы нам всем глотки, не выманивая нас в долину, — добавил О'Доннелл масла в огонь.

— Сыновья шестидесяти собак! — прорычал Афзал-хан. — Я сдеру с вас кожу заживо! Вы будете заперты здесь, пока все не сдохнете!

— Если мы не сможем выйти из укрепления, вы не сможете войти в него, — возразил

О'Доннелл. — Более того, у тебя в конце концов останется лишь та горстка людей, которая сейчас разбросана по ущелью, и тогда с гор спустятся куруки, которые сейчас выжидают где-то в горах.

Перекосившаяся физиономия Афзал-хана говорила красноречивее всяких слов.

— Наш спор ничем нельзя закончить, кроме одного, — внезапно сказал О'Доннелл.

Увидев, что патанцы под защитой белого флага постепенно выходят из своих укрытий и приближаются, он повысил голос:

— Давай сразимся здесь на открытом месте один на один холодным оружием. Если победа будет за мной, мы спокойно и беспрепятственно уедем из Курука. Если победа окажется на твоей стороне, то пусть мои люди рассчитывают на твою милость.

— На волчью милость! — пробормотал Яр-Мухаммед.

О'Доннелл, внутренне напрягшись, ждал ответа афганца. То, что он предлагал, было, конечно, очень рискованно, но это был единственный для туркменів шанс выбраться из долины. Афзал-хан колебался. Он взглянул на своих людей, словно спрашивая у них, как ему поступить. Бандиты, все как один, угрюмо смотрели на него.

Было ясно, о чем они думали. Им надоела перестрелка, в которой преимущество оставалось за туркменами, и они хотели, чтобы Афзал-хан принял предложение О'Доннелла.

Их пугала перспектива возвращения куруков, запас патронов у них подходил к концу. В конце концов, если бы они лишились своего вожака, это значило бы только, что они лишились добычи, на которую рассчитывали. Афзал-хан, хоть и не отличался большим умом, но понял это.

— Я согласен, — проревел он, обнажая свою кривую саблю и отбрасывая ножны. Он взмахнул ею над головой: — Подходи, подходи и умри, ты, убийца неверных!

— Вели своим людям оставаться там, где стоят! — приказал О'Доннелл.

Услышав приказание, патанцы остановились, а над стеной поднялись головы туркменов, которые пристально наблюдали за происходившим, подняв ружейные стволы дулами вверх. Яр-Мухаммед не вышел из-за стены; он стоял возле нее, как бородатый горный дух, сжимая нож.

О'Доннелл не стал терять время. Держа в одной руке саблю, а в другой кинжал, он шагнул навстречу могучему афганцу. О'Доннелл был немного выше среднего роста, но Афзал-хан возвышался над ним по меньшей мере на полголовы. Мощные плечи и грудь афганца являли собой резкий контраст изящной фигуре мнимого курда; однако мышцы О'Доннелла были словно отлиты из стали. Его арабская сабля, хотя и не такая широкая и тяжелая, как кривая сабля Афзал-хана, была достаточно длинной, а ее лезвие было выко-

вано из знаменитой дамасской стали, его невозможно было сломать.

Противники сошлись, и зазвенела сталь. Удары сыпались так быстро, что те, кто наблюдал за схваткой, едва успевали увидеть движение сабель, хотя все были искушенными воинами, давно привыкшими к оружию. Афзал-хан дико рычал, его глаза горели ненавистью, борода развевалась на ветру, а его сабля поднималась и опускалась с такой силой, что один его удар мог бы легко снести голову верблюда.

Но всякий раз кривая сабля афганца встречала на своем пути саблю О'Доннелла, который с легкостью и проворством отражал удары Афзал-хана, будто играя со смертью. Его сабля гнулась, но не ломалась, каждый раз распрямляясь, и, подобно жалу змеи, тянулась к груди Афзал-хана, к его горлу, отчего глаза афганца налились кровью бешенства.

Афзал-хан был опытным бойцом и обладал нечеловеческой силой. Но О'Доннелл вел себя мудро, все его движения были точно рассчитаны и экономны, и это давало ему преимущество. Он сохранял самообладание, и ему удавалось все время держать наступательную позицию, даже когда бычья сила Афзал-хана отбрасывала его назад. По его лицу текла кровь — одним из сильных ударов афганцу удалось ранить его в голову — однако его голубые глаза по-прежнему лучились.

Афзал-хан тоже был ранен. Острый конец клинка О'Доннелла задел его подбородок, и теперь кровь окрасила его бороду, что придавало ему совсем уж устрашающий вид. Он рычал и размахивал своей кривой саблей, и казалось, что его неистовый бешеный натиск в конце концов сломит сопротивление О'Доннелла, несмотря на все его мастерство и хладнокровие.

Наблюдавшие за схваткой туркмены и бандиты могли заметить, что О'Доннелл старался перейти к ближнему бою. Все ближе и ближе подступал он к афганцу, все опаснее казались удары кривой сабли Афзал-хана. Однако О'Доннелл сделал быстрое, едва уловимое движение рукой с кинжалом и снова отскочил на расстояние вытянутой руки. Снова он отражал бешеные удары кривой сабли, но теперь стальное лезвие его кинжала было окрашено в красный цвет, а по широкому поясу Афзал-хана текла струйка крови.

В глазах Афзал-хана, в том, как он рычал, были боль и отчаяние. Его движения теперь напоминали движения пьяного, однако он наносил удары с удвоенным безумством.

Кривое лезвие его сабли со свистом разрезало воздух, каждый удар мог стать смертельным для американца. Отбивая очередной удар, О'Доннелл не удержался на ногах и упал на колени.

— Курдский пес! — проревел Афзал-хан, и это был торжествующий крик победителя.

Туркмены, все как один, вскрикнули. Однако вновь мелькнуло узкое длинное лезвие кинжала — молниеносно, как жало змеи, вперед и назад.

Удар кинжала О'Доннелла был направлен в пах афганца, но пришелся по ноге. Лезвие перерезало мышцы и задело вену. Афзал-хан пошатнулся и выбросил руку в сторону, пытаясь удержать равновесие. В следующий миг О'Доннелл был уже на ногах, а его сабля занесена над головой бандита.

Афзал-хан упал так, как падает дерево. Из его головы толчками била кровь. Но даже сейчас жизненная сила еще не вышла из его тела. Он продолжал жить и ненавидеть. Кривая сабля выпала из его руки, но, стоя на коленях, он выхватил из-за пояса нож и даже успел отвести руку назад, замахиваясь, но тут нож выскользнул из его непослушных уже пальцев, и сам он рухнул на землю и неподвижно застыл.

Над долиной повисло молчание, а еще через мгновение она огласилась дикими криками туркменов. О'Доннелл вложил саблю в ножны, подскочил к упавшему афганцу и засунул руку под его окровавленный пояс. Его пальцы сразу наткнулись на то, что он и надеялся найти, — он вытащил пакет из промасленной бумаги и не смог сдержать радостного восклицания.

В пылу ожесточенной схватки ни О'Доннелл, ни туркмены даже не заметили, что патанцы подходили все ближе к сражавшимся и

в конце концов образовали полукруг в нескольких ярдах от них. И вот теперь, когда О'Доннелл был занят рассматриванием промасленного пакета, длинноволосый патанский бандит метнулся к нему с занесенным ножом, собираясь ударить в спину.

О'Доннелла предупредил об опасности резкий вскрик Яр-Мухаммеда. Повернуться он уже не успел; не видя, но чувствуя своего врага, американец пригнулся, и нож просвистел мимо его уха. В то же мгновение чье-то мускулистое тело навалилось на его плечо с такой силой, что О'Доннелл упал на колени.

Прежде чем нападавший попытался нанести еще один удар, длинный кинжал Яр-Мухаммеда пронзил его грудь с такой силой, что острие кинжала вышло у патанца между лопаток. Когда враг упал, вазири выдернул из его тела свой кинжал и, схватив О'Доннелла за халат, потащил его к укреплению, вопя, как безумец.

Все произошло в считанные мгновения — нападение патанца, прыжок Яр-Мухаммеда и отступление к стене. Остальные патанцы тоже бросились вперед, воя и рыча, как голодные волки, но клинок вазири мелькал неустанно над их головами и над О'Доннеллом. Такие же сверкавшие на солнце клинки О'Доннелл видел со всех сторон и, проклиная все на свете, он пытался остановить Яр-Мухаммеда, который, отбиваясь от врагов, продолжал тащить американца, не давая встать на ноги.

Возле лица О'Доннелла двигались волосатые ноги патанцев, его слух надрывали дикие дьявольские вопли и звон стали. Каким-то образом ему все же удалось вскочить на ноги, и в то же мгновение он услышал яростные крики за стеной — это туркмены опомнились и начали действовать.

Яр-Мухаммед был похож на безумного: сверкая глазами, он размахивал окровавленным кинжалом, и патанцы падали рядом с ним, как подкошенные. С силой схватив О'Доннелла, он перебросил его через стену, как мешок с зерном, а затем перепрыгнул сам, все еще не замечая, что его друг вовсе не смертельно ранен.

Патанцы не отставали, и даже стена не могла остановить их яростного натиска; однако туркмены дали по ним залп из ружей — замешательство было недолгим, и атака возобновилась. Рыча, как дикие звери, патанцы лезли на стену, подставляя грудь прямо под ружья туркменов. Между тем Яр-Мухаммед, безучастный к происхождению вокруг него, склонился над О'Доннеллом, лихорадочно шаря по его телу в попытках обнаружить страшную рану, которую, как он думал, получил его друг.

Он настолько был убежден, что О'Доннеллу нужна немедленная помощь, что не сразу сообщил, что из уст его друга вырываются не стоны умирающего, а яростные ругательства. Когда же Яр-Мухаммед понял, что напрасно беспокоился, он заключил своего друга в жаркие объятия. Но

О'Доннелл оттолкнул его и бросился к стене, где ситуация складывалась уже не в пользу туркменов. Патанцы, сражаясь без вождя, образовали беспорядочную толпу в середине восточной стены; стрелки из башни вели по ним непрерывный огонь, но невообразимый хаос на стене мешал им достичь своей цели. Стрелки боялись попасть в своих, и их пули чаще всего пролетали в воздухе над головами сражавшихся.

Когда О'Доннелл оказался на стене, он увидел, что ближайший к нему туркмен выстрелом в упор превратил рычащую бородатую голову бандита в кровавое месиво. Вслед за этим, когда туркмен уже собирался вновь выстрелить, кинжал оказавшегося рядом патанца пробил ему горло, и туркмен свалился со стены, выпустив из рук ружье. О'Доннелл подхватил ружье и со всей силы ударил прикладом по голове патанца, уже взобравшегося на стену; приклад обагрился кровью, а патанец беззвучно сполз со стены на землю.

Бандиты и туркмены словно обезумели; борьба достигла высшего накала, кровь лилась рекой, и стену окутывали густые клубы дыма. У О'Доннелла уже не было времени оглядеться, чтобы определить, удержат туркмены стену или нет. Он видел только перекошенные рычавшие лица патанцев, маячившие перед ним, подобно кошмару. Не останавливаясь ни на миг, он молотил прикладом по этим страшным хищным лицам, пока огромного роста патанец не навалился на него, сбросив со стены.

Упав на землю, они начали отчаянно бороться. При падении О'Доннелл ударился головой о землю, и несколько мгновений все вокруг плыло у него перед глазами. Последними усилиями воли американец напряг зрение и увидел, что бородатый верзила занес над ним кинжал. Но в то же мгновение он вдруг страшно дернулся, и на лицо О'Доннелла брызнула его кровь — киберийский нож Яр-Мухаммеда снес бандиту полголовы.

Вазири оттащил безжизненное тело в сторону, и О'Доннелл, пошатываясь, поднялся на ноги. Он представлял собой ужасающее зрелище — его лицо, руки и одежда были залиты кровью, но американец, казалось, не замечал этого. Сражение на стене между тем становилось все более ожесточенным, но вот, наконец, патанцы дрогнули и начали медленно отступать к скалам.

Туркмены прочно удерживали стену, но О'Доннелл увидел брешь в их рядах и, стиснув зубы, тихо пробормотал проклятие — погибших было слишком много. Несколько патанцев тоже лежали мертвыми на стене, еще несколько — на земле внутри укрепления. Но число мертвецов за стеной было просто ужасающим.

Взглянув на эту картину, О'Доннелл невольно содрогнулся от одной только мысли, как близки были к гибели. Если бы у патанцев был вожак, который разделит бы их беспорядочную массу на несколько отрядов, чтобы атако-

вать стену в разных местах одновременно, тогда у туркменов было бы совсем немного шансов уцелеть и выстоять. Но такого вожака не было, и судьба оказалась милостива к О'Доннеллу и его людям.

Патанцы залегли в скалах, периодически постреливая в сторону стены. Ветер доносил до О'Доннелла обрывки их ожесточенных споров и ругательств, но он уже не обращал на них никакого внимания, занявшись ранеными и пытаясь оказать им посильную помощь. Пока он был занят этим, бандиты вновь попытались ринуться в атаку, но энтузиазма у них за это время поубавилось, и первые же ружейные выстрелы с башни заставили их повернуть назад.

О'Доннелл быстро вернулся к углу стены и вновь стал изучать пакет, завернутый в промасленную бумагу, который он взял у Афзал-хана. В нем оказалось письмо — несколько листочков высококачественной бумаги, исписанных тонким изящным почерком. Письмо было не на урду, как сначала ожидал О'Доннелл, а на русском, с примечаниями на полях, сделанными другой рукой по-английски. Эти примечания поясняли суть письма, и по мере того как О'Доннелл читал их, лицо его все больше и больше мрачнело.

Как попало это письмо в руки неизвестного англичанина, написавшего свои примечания на полях, О'Доннелл не знал. Письмо предназначалось человеку по имени Сулейман-паша и красноречиво свидетельствовало о том, о

чем О'Доннелл и сам догадывался, — о существовании заговора внутри заговора, зловещего кровавого заговора, скрывавшегося под маской международной политики...

Сулейман-паша был не только международным шпионом — он был предателем. Он предал людей, которым служил. Все нити этого дьявольского заговора, несомненно, вели на юг, и О'Доннелл тихо выругался, прочтя имена людей, пользовавшихся доверием правительства, которому они якобы служили. Теперь он твердо знал — это письмо ни в коем случае не должно попасть в руки Сулейман-паши. Теперь он, Кирби О'Доннелл, должен взять на себя ту работу, которую делал неизвестный англичанин, — он погиб, и его дело осталось незавершенным. Это письмо надо доставить на юг, где зловещие щупальца вероломного заговора уже подбираются совсем близко к беспечному и недальновидному правительству. О'Доннелл задумался, но, увидев приближающегося вазиря, быстро сунул письмо за пазуху.

Яр-Мухаммед криво улыбался. В пылу схватки он лишился переднего зуба, а его черная борода была всклокочена и залита кровью, что придавало ему устрашающий вид.

— Слышал, как эти псы препираются друг с другом? — спросил он. — Они всегда так, только железная рука Афзал-хана сдерживала их. Теперь его бандиты откажутся подчиняться кому бы то ни было из их числа. Они боятся куруков, и у нас тоже есть причины их опа-

саться. Куруки будут ждать в горах за перевалом Акбара.

О'Доннелл кивнул, соглашаясь со словами Яр-Мухаммеда. Он был уверен, что горстка патанцев еще удерживает башню на перевале, но после того как погиб Афзал-хан, они в любой момент могут ее оставить. Он увидел, как с гор один за другим начали спускаться люди, и понял, что горные тропы больше не охраняются. Разведчики куруков вскоре доложат своему вождю, что путь свободен, и тогда в любой момент можно ожидать их нападения.

Солнце палило нещадно, и жара становилась невыносимой, доставляя все больше и больше страданий раненым, находившимся внутри укрепления. Со стороны скал изредка доносились разрозненные выстрелы и отзвуки продолжающейся перебранки между оставшимися без вожака патанцами. Новую атаку они уже не предпринимали, и Яр-Мухаммед с довольным видом ухмыльнулся в бороду.

По нараставшим звукам яростного спора в скалах стало ясно, что лишенная предводителя банда разбойников окончательно распалась. Патанцы спускались со скал в долину по одному или небольшими группами. Они начали грызться между собой из-за лошадей; сначала дело дошло до рукопашной, а затем и до стрельбы. Упавшая духом из-за неудачного сражения, повлекшего за собой многочисленные потери, страдающая из-за недостатка пищи и

воды, терзаемая страхом перед врагами, банда патанцев лопнула, как мыльный пузырь, рассеявшись на множество мелких осколков, исчезнувших из виду в считанные мгновения. Поднявшись на стену и окинув взглядом долину, О'Доннелл увидел, что она пуста. Теперь в ней оставались только он и его люди.

Желая убедиться, что патанцы действительно ушли, О'Доннелл вывел из загона лошадь и вместе с Яр-Мухаммедом осторожно двинулся по равнине, чутко прислушиваясь ко всем звукам. Следы на траве говорили о том, что бандиты направились к югу, стараясь пробираться по труднодоступным горам, чтобы избежать встречи с мстительными куруками, которые, по всей вероятности, все еще прятались среди выступов за перевалом Акбара.

О'Доннелл испытывал невольное уважение к курукам, и вот теперь он мрачно усмехнулся, подумав о странных превратностях судьбы, которая распорядилась так, что его врагами стали люди, которых он хотел бы видеть своими друзьями.

— Поезжай назад к туркменам,— обратился он к Яр-Мухаммеду.— Вели им седлать лошадей. Пусть привяжут раненых к седлам и нагрузят свободных лошадей едой и водой в кожаных мешках. Теперь у нас много лишних лошадей, оставшихся от тех, кто погиб. Скоро солнце начнет садиться, так что надо не мешкая трогаться в путь. Мы поедем по следам патанцев в темноте, потому что сейчас, когда

горные тропы ими не охраняются, куруки, которые явно прячутся где-то неподалеку, могут ринуться в равнину, когда она будет освещена лунным светом. Пусть они найдут ее пустой. Может быть, мы сможем пройти через перевал, пока они еще прячутся в горах, готовясь к нападению на равнину. По крайней мере, сделаем такую попытку, а уж в остальном положимся на волю Аллаха.

Яр-Мухаммед одобрительно улыбнулся — ему всегда по душе были активные действия, а любое вынужденное томительное ожидание он переносил с трудом — и, прищпорив коня, помчался по равнине. О'Доннелл посмотрел ему вслед, зная, что в вопросах подготовки к походу на Яр-Мухаммеда можно было положиться, как на самого себя.

Американец соскочил с коня, привязал его к низкому деревцу и начал пробираться между каменистых отрогов, не упуская из виду следы, оставленные отступившими патанцами. Сумерки уже начали сгущаться, но зоркие глаза О'Доннелла по-прежнему хорошо различали следы, приведшие его к узкому ущелью, спрятавшемуся между двумя отвесными склонами. Если бы за ними сейчас были враги, то О'Доннелл оказался бы перед ними, как на ладони, но он был уверен, что здесь нападение ему не грозит. Не зная точно, что произошло на равнине, куруки, будучи крайне подозрительными и осторожными, вряд ли подошли бы к ней сейчас слишком близко, даже если люди, удер-

живавшие башню, покинули ее. Американца сейчас меньше всего беспокоило какое-либо нападение.

Он вытащил из-за пазухи бумажный пакет и задумчиво посмотрел на него, терзаемый сомнениями. В его руках были документы, которые во что бы то ни стало надо было доставить до ближайшей британской сторожевой заставы. Для человека, который в одиночку решится пройти по этим горам, такой поступок равнялся бы самоубийству, но вдвоем, взяв с собой запас еды и воды, еще можно было бы рискнуть.

Он мог бы взять Яр-Мухаммеда, нагрузить лошадь или две провизией и потихоньку ускользнуть от туркменов, резко свернув на юг. Пусть тогда Сулейман-паша делает с Орканом все, что хочет, — гораздо раньше, чем посол узнает о его бегстве, он и вазирь будут уже далеко. Но как тогда быть с воинами, оставшимися там, за стеной, которые сейчас готовятся к походу домой и которые целиком доверили себя Али эль-Гази?

Они слепо следовали за ним, подчиняясь любому его приказу, проявляя при этом мужество и безграничную веру своему предводителю. Если он бросит их сейчас, то тем самым обрекает их на неминуемую гибель. Они не смогут пройти по этим горам без него. Те, кто не умрет от голода и жажды, будут убиты охваченными чувством мести куруками, которые, конечно же, не забыли того поражения,

которое нанесли им смуглолицые туркменские всадники.

На лбу О'Доннелла выступила испарина. Нет, даже ради сохранения мира во всей Индии он не сможет бросить людей, доверяющих ему. Он был их вождем, и его первый долг — быть с ними.

Но как тогда быть с этим проклятым письмом? Оно содержало в себе ключ к заговору Сулейман-паши. Оно рассказывало о надвигающейся опасности, зреющей сейчас в Хиберских горах, о мятеже, который должен охватить Индию, о заговоре, который можно было бы задушить в зародыше, если бы англичане вовремя о нем узнали. Но если он вернется с туркменами в Шахразар, ему придется отдать письмо в руки Сулейман-паши, иначе Сулейман выдаст его Оркану — а это означало пытки и мучительную смерть. О'Доннелл чувствовал себя словно в тисках, мучительно выбирая — пожертвовать собой, своими людьми или беззащитным народом Индии.

— Ага, да это сам Али эль-Гази! — раздался вдруг сзади приглушенный свистящий шепот, и американец увидел, как за выступом неподалеку замаячила чья-то тень. Очевидно, его держали под прицелом, и О'Доннелл с досадой отказался от попытки дотянуться до пистолета, висевшего у него на поясе сзади.

— А ну, не двигаться! — строго предостерег голос. — Верить тебе нельзя, так что луч-

ше не делай лишних движений, а не то сразу получишь пулю в лоб.

Скосив глаза, О'Доннелл взгляделся в неясную тень за выступом и различил знакомые черты Сулейман-паши.

— Ты! Но как, во имя Шайтана...

— Не имеет значения. Дай-ка мне бумаги, которые ты держишь в руке. Давай их сюда живо, или, клянусь Аллахом, я отправлю тебя в ад, проклятый курд!

О'Доннелл не двигался с места, до боли стиснув зубы. Без пистолета, который был сейчас бесполезен, так как до него нельзя было дотянуться, он ничего не мог сделать. Его душила такая ярость, что он едва сдерживался, чтобы не закричать.

Сулейман-паша сделал шаг назад от О'Доннелла и спрятал бумаги себе в пояс. Он разрешил американцу повернуться к нему лицом, по-прежнему держа его под дулом пистолета.

— После того как ты уехал, — неторопливо произнес он, злорадно улыбаясь, — мне тайно сообщили с Севера, что бумаги, за которыми я тебя послал, гораздо более важные, чем я думал. Я решил не ждать в Шахразаре твоего возвращения, опасаясь, как бы дело не приняло нежелательный оборот, и отправился в Курук с небольшим отрядом гилзов, которые хорошо знали дорогу. Но за перевалом Акбара мы попали в засаду, которую устроили те самые люди, которые были нам нужны. Они убили моих людей, но пощадили меня, потому что

меня знал один из их вожаков. Они сказали мне, что их загнал сюда Афзал-хан, и я начал догадываться, что там еще произошло. Они сказали, что за перевалом было сражение, потому что слышали звуки стрельбы, но что это за сражение, они не знали. В башне, что находится на перевале, никого не осталось, но куруки все же опасались какой-нибудь ловушки. Они не знают, что те, кому они хотят отомстить, уже ушли с равнины.

Я хотел поговорить с тобой как можно быстрее, поэтому добровольно вызвался один пойти в разведку, чтобы разузнать для них обстановку, и тогда они показали мне пешеходные тропы в горах. Я подошел к равнине как раз в тот момент, когда оттуда уходили последние патанцы, и спрятался здесь в надежде застать тебя одного. А теперь слушай! Туркменам конец. Куруки собираются уничтожить их всех до одного. Но я могу спасти тебя. Мы переоденем тебя в одежду мертвого патанца, и я скажу, что ты мой слуга, который убежал от туркменов. В Шахразар я не вернусь — у меня дела в Хиберском регионе, и я могу воспользоваться услугами такого человека, как ты. Мы вернемся к курукам и объясним им, как лучше напасть на туркменов и уничтожить их. За это они предоставят нам проводников и охрану, чтобы мы могли двигаться на юг. Ну так как, пойдешь ко мне на службу, курд?

— Нет, и будь ты проклят, свинья!

В пылу ненависти О'Доннелл произнес эти слова по-английски. Челюсть Сулейман-паши отвисла от неожиданности — он не думал, что человек, которого он считал курдом, вдруг заговорит по-английски. И именно в тот момент, когда Сулейман-паша опешил, О'Доннелл бросился на него, как кобра.

Смятение Сулейман-паши действительно длилось всего лишь мгновение, но этого было достаточно, чтобы американец выхватил пистолет из его онемевших пальцев. Внезапно очнувшись, Сулейман-паша начал бороться со всей яростью и ожесточением, на которые только был способен, но кинжал О'Доннелла безжалостно вонзался в его тело, не оставляя ни малейшей надежды остаться в живых. Они покатались по земле, скрывшись в тени огромного выступа; О'Доннелл, обезумев от ярости, продолжал наносить удар за ударом, пока не осознал, что его кинжал вонзается в мертвое тело.

Он с трудом поднялся на ноги и, шатаясь, как пьяный, сделал шаг вперед. Только сейчас он заметил, что держит в левой руке пакет из промасленной бумаги, который выхватил в пылу схватки из-за пояса врага. Тьма уже окончательно сгустилась, и лишь звезды освещали своим призрачным светом мрачные холодные горы. До слуха О'Доннелла донесся стук подков и скрип кожаных подпруг — к нему приближались его воины. Его сердце забилося, когда он услышал приглушенный смех Яр-Мухаммеда.

О'Доннелл сделал глубокий выдох и закрыл глаза; напряжение последних часов медленно покидало его. Теперь он сможет повести своих людей через перевалы обратно в Шахразар, уже не опасаясь Оркана Богатура, который никогда не узнает его тайну. Он сможет убедить туркменов, что в их же интересах будет как можно быстрее доставить письмо британскому командованию. Он сможет под видом Али эль-Гази оставаться в Шахразаре в полной безопасности, и он не допустит там нового заговора...

О'Доннелл улыбнулся и, вытерев кровь с кинжала, вложил его в ножны. Отдыхать еще рано — впереди куруки, сжигаемые жаждой мести, нетерпеливо ожидали встречи со своими врагами, притаившись за перевалом Акбара. И все же теперь душа О'Доннелла была спокойна, и предстоящее сражение в горах его совсем не тревожило. Он знал, что все будет хорошо, и чувствовал себя так, как будто уже вернулся в шахразарский дворец.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Начиная с этого тома, мы представляем вниманию читателей самую полную подборку писем Роберта И. Говарда, написанных им в период с 1923 по 1936 год.

До августа 1930 года Роберт Говард поддерживал переписку только со своими знакомыми из Техаса; к началу 1933 года он в основном писал братьям по перу, публиковавшим свои произведения в журнале «Сверхъестественные истории».

Сведения о техасцах, с кем поддерживал переписку Говард, являются довольно отрывочными. Среди известных нам лиц Тевис Клайд Смит, Хэролд Прис, Труэтт Винсон, Бут Муни и Герберт Клатт. К сожалению, сохранились письма только к Смигу и Прису.

В начале 20-х гг. в школе Кросс Плэйнс не существовало одиннадцатого класса. Осенью 1922 года Говард отправился в высшую школу Браунвуда, чтобы закончить образование.

Одним из его друзей по школе был Труэтт Винсон (1905—1983). Именно Винсон, принимавший активное участие в работе над газетой общества Одишких Скаутов, вольно или невольно стал инициатором знакомства Говарда со Смитом, Клаттом, Присом и Муни. После окончания школы Винсон стал работать счетоводом в компании «Уокер-Смит», занимавшейся оптовой торговлей бакалейными товарами в Браунвуде; какое-то время он пытался заниматься пересылкой книг по почте. Как и Хэролд Прис, Винсон поддерживал идеи социалистического учения, что было характерно для либерально настроенных граждан того времени; они считали мессией Норман Томас, а также мучеников за идею — Сакко и Ванцетти. Вероятно, Говард начал переписываться с Винсоном после возвращения в Кросс Плэйнс в середине 1923 года. Судя по письмам Винсона к Говарду, в этой переписке отсутствует то паясничанье, которое иногда ощущалось в его переписке со Смитом.

Пока Говард учился в браунвудской высшей школе, Винсон познакомил его с девятиклассником по имени Тевис Клайд Смит (1908—1984). Смит, мечтавший заниматься литературной деятельностью, издавал журнал Одишких Скаутов — «Журнал обо всем на свете», и вскоре они вместе с Говардом стали работать над серией рас-

сказов для этого журнала; однако вскоре работа над журналом, а также их совместная деятельность внезапно прекратились. Переписка Говарда со Смитом началась, когда он вернулся в Кросс Плэйнс в конце школьного года; она продолжится вплоть до 1933 года, хотя уже в 1932 году они лишь изредка обменивались письмами.

Несмотря на то что Смит был, несомненно, самым близким его другом, письма Говарда к нему — часто лишь короткие заметки, во многих случаях перегруженные стихами, пародиями и набросками. В нескольких письмах мы вообще ничего, кроме них, не обнаруживаем. Я думаю, подобная особенность может быть объяснена тем, что Говард и Смит часто виделись друг с другом. Кроме того, Говард трижды на довольно долгий срок останавливался в Браунвуде, и в переписке, следовательно, не было необходимости: осенью 1924 года, когда он учился на курсах в коммерческой школе Говард Пэйн, с осени 1926 года до мая 1927 года, когда он учился на курсах для бухгалтеров в том же учебном заведении, и во второй половине 1929 года, когда он проживал на Мелвуд Авеню, 816, по причинам, которыми мы пока не нашли удовлетворительного объяснения.

Хотя Говард и прочил Смигу успех на литературном поприще, тому так и не удалось зарабатывать на жизнь писательским трудом, и, в конце концов, после окончания колледжа, он стал работать на «Уокер-Смит». Он сам издал несколько книг об истории своего родного края, несколько художественных произведений и несколько сборников стихов («Пограничье», «Картонный Бог», «Видения в небесах»); в 1971 году Дональд Грант опубликовал «Алые Клиники Черного Китая» — сборник произведений, написанных совместно с Говардом.

О Герберте Клатте (1907—1928) имеются лишь туманные и отрывочные сведения, ибо он прожил всего лишь двадцать один год на ферме, принадлежавшей его семье в Эйлмане, близ Гамильтона, штат Техас. Принимавший деятельное участие в издании журналов Одиноких Скаутов, он стал писать передовые статьи для журнала Труэтта Винсона «Тореадор» (лозунг редакции: «Мы здесь, чтобы убить быка!»). Вскоре на странице, где значились имена редакторов журнала и сведения о нем, появилось еще одно имя — Роберта Говарда. Переписка Клатта с Говардом началась в начале 1925 года, приблизительно в то же самое время, когда Говард издавал — если напечатанный рассказ тиражом в три экземпляра можно считать изданием — «Хук справа». Незадолго до того, как его внезапно поразила неизлечимая болезнь, Клатт начал преподавать в церковном училище в Эйлмане.

В конце августа 1927 года, когда у Труэтта Винсона начались недельные каникулы, Говард решил поехать вместе с ним в Сан-Антонио; во время поездки они также побывали в Остине, чтобы встретиться там с Хэролдом Присом (род. 1906), одним из приятелей Винсона по обществу Сидинокх Скаутов. В конце 1920-х гг. Прис работал на полставки в редакции адресной книги по Техасу и некоторым районам Среднего Запада. В дальнейшем он стал преуспевающим писателем, среди его произведений можно назвать «Далтонскую шайку» и «Человека Одинокх Звезды».

Много лет спустя Винсон напишет воспоминания о своем давнем приятеле и друге по переписке, озаглавленные «Последний кельт».

Одним из знакомых Приса по обществу Одиноких Скаутов был не по летам талантливый юноша из Декатура, штат Техас, по имени Бут Муни (1912—1977). Го-

вард был одним из членов-основателей списка подписчиков на журнал «Хунта» (о котором будет говориться впоследствии), и поэтому он и Муни познакомились примерно в марте 1928 года, и переписка не прекращалась в течение всего времени, пока существовал журнал. Муни в 1950-х гг. стал близким другом и автором биографии Линдона Б. Джонсона, а также написал несколько книг («Свои люди», «Рузвельт и Рэйберн: политическое Единство»).

«Хунта» заслуживает нескольких отдельных слов, ибо Говард и все его друзья по переписке из Техаса публиковали свои произведения в этом альманахе. Даже Клатт, несмотря на то, что он умер один или два месяца спустя после выхода этого журнала, принял участие в создании первого выпуска. Возможно, что идея создания «Хунты» принадлежала Буту Муни, который был первым его редактором; он временно прекратил работу над журналом весной 1929 года, когда стал студентом баптистского колледжа в Декатуре, ссылаясь на нехватку времени. Сестра Хэролда Приса, Линор, возглавила журнал начиная с июньского выпуска 1929 года и занималась редакторской деятельностью вплоть до выхода последнего выпуска (апрель или май 1930 года), а потом прекратила из-за «отсутствия заинтересованности со стороны подписчиков». Тираж «Хунты» сократился до одного экземпляра каждого выпуска и распространялся среди подписчиков, число которых редко превышало двенадцать. Поэтому остается удивляться тому факту, что некоторые его выпуски все же сохранились.

Вероятно, не было ни одной ясной причины, по которой переписка Говарда со своими техасскими друзьями сошла на нет. Я подозреваю, что одним из факторов выступила Великая Депрессия, когда для многих

людей чрезвычайно насущной стала потребность зарабатывать на жизнь. Кроме того, к 1930 году Говард из начинающего писателя, сражающегося за публикацию хотя бы одного рассказа, превратился в автора, регулярно отсылающего свои произведения в «Сверхъестественные истории». Неудивительно, что для него стала крайне заманчивой перспектива переписываться со своими собратьями по перу. Появление июньского выпуска «Сверхъестественных историй» за 1930 год, в котором был опубликован рассказ Лавкрафта «Крысы в стенах», было первым в цепочке событий, которые подвели Говарда к периоду «Сверхъестественных историй».

Письмо с замечаниями, которое Говард отправил редактору журнала, Фарнсуорту Райту, было передано Лавкрафту, который ответил на него 20 июня 1930 года. Завязавшаяся переписка, вне всякого сомнения, занимала весьма важное место в жизни Говарда; она состояла из четырех сотен печатных листов.

Лавкрафт, ставший первым американским автором, пишущим фантастические рассказы в XX веке, не нуждается в представлении. Читатели, заинтересованные в эпистолярном творчестве Лавкрафта, могут найти его письма к Говарду в «Избранных письмах».

Тевису Клайду Смигу,
24 августа 1923 года

Салям, сагиб Клайд!

Я уже почти было собрался ехать в Браунвуд, как вдруг наступила холодная, дождливая погода, и я отказался от своего намерения. Кроме того, я не знал, дома ты или нет, потому что еще не получил твое письмо.

Поэтому, если все будет складываться благоприятным образом, я надеюсь приехать прежде, чем начнутся занятия в школе.

Я рад, что ты придерживаешься именно такой точки зрения по Восточному вопросу. У большинства людей при слове «Восток» на ум приходит Новая Англия, и они считают меня круглым болваном. Даже тот парень, который издаёт газету¹, говорит, что не может печатать длинные статьи, «но будет рад опубликовать короткие».

Клянусь Чингисханом, разве мне удастся сказать многое в «короткой статье»?

Что касается рукопашного боя, я предпочел бы драться с европейцами или с кем угодно еще, кроме жителей Востока. Однако, как правило, они — плохие стрелки. В войне с Азией следует использовать морской флот.

За исключением японцев и пиратов из Китая и Малайзии, жители Востока — никудышные мореплаватели.

¹ С. М. Буэтт, редактор журнала «Кросс Плэйнс ревью».

Я пытаюсь получить работу на почте, хотя сомневаюсь, что мне удастся это сделать¹.

Что касается девочек, то по соседству со мной живут пять девушек, и я — единственный парень, за исключением брата самой хорошенькой из них.

Одна из них живет в доме напротив, другая — в соседнем доме, а все остальные тоже достаточно близко. Они милые и очень симпатичные.

Я живу здесь уже четыре года, и до сих пор ни одна девушка не обратила на меня внимания. И, как мне представляется, это положение вряд ли переменится.

Единственный, кто мог распространять эти сплетни о девушках, — Орин Уильямс. Может быть, он какой-нибудь родственник Труэтта?

Однако я вовсе не женоненавистник. Я с глубочайшим уважением отношусь к прекрасному полу.

Просто обычно я предпочитаю другие развлечения. Я не из тех, кто бежит за юбками.

Но оставим разговоры о девочках, давай лучше вернемся к чему-нибудь более важному. Например, к восточному вопросу.

Если бы на нас напала армия неприятеля, каким образом мы могли бы обороняться?

Мы слишком полагаемся на нашу армию и флот. В Азии нерегулярные войска, и сами граждане представляют для нападающей армии такую же опасность, как и регулярная армия. Но нам следует помнить, что каждый житель Востока — это армия, состоящая из одного человека.

¹ Говард начал работать на почте в Кросс Плэйнс осенью 1925 года, а затем работал в течение очень недолгого времени. Этот эпизод вскользь и с большой долей вымысла упоминается в его автобиографическом романе *«Пост-Оукс и Сэнд-Рафс»*.

Что мы знаем о боевых действиях на Востоке? Если на полк нападет татарская орда, фанатичные гази или размахивающие мечами монголы, какие распоряжения будут отдавать офицеры? В девяти случаях из десяти, это будет команда «сомкнуть ряды и начать штыковую атаку». И было уже много примеров тому, как человек, вооруженный винтовкой со штыком не в силах тягаться с тем, у кого в руках меч. Кроме тех случаев, когда он использует ее по прямому назначению, а не в качестве колющего оружия.

Преимущество меча уже было доказано в сражениях под Баннокберном, под Севастополем и под Кабулом.

Если сталь должна встретиться со сталью, то люди должны быть одинаково вооружены. Длинные копья и короткие мечи против длинных мечей. Если ты не веришь этому, почитай хроники сражений между Римом и Македонией.

Ты когда-нибудь читал о викингах? Огромные, громкоголосые, желтоволосые великаны. Бойцы, в упоении размахивающие мечами. Украшенные крыльями и рогами шлемы, огромные сабли. Неистовые, бесстрашные и неуязвимые скандинавские воины. И все же, если бы на мечах сражались скандинавские викинги и монголы (или татары, тунгусы, или гуркхи), я бы поставил на жителей Востока.

Я говорю совершенно серьезно.

Ты знаешь женщину, из-за которой пала Британия? Вортигерн, король бриттов, женился на Ровене — кажется, сестре или кузине Хенгиста, возглавлявшего ютов. Кстати, сам Хенгист был не ютом, а датчанином, по крайней мере, я так слышал. А Хорса, я думаю, был ютом.

Итак, когда Вортигерн бросил свои обученные римской тактике войска против завоевателей, Ровена умолила короля взять ее с собой и предоставить ютам больше

послаблений. И, в конце концов, бриттов оттеснили в Уэльс и Шотландию.

Об этом говорит история. Но она умалчивает о том, что кузен Вортигерна, Утер, сверг Вортигерна и Ровену с трона, сам захватил его и оттеснил варваров к Северному морю. Но Утер был убит в сражении с кутами.

Я знаю, потому что тогда я был воином в армии Вортигерна. Армия была недовольна королем, и, если бы Утер поднял мятеж, больше половины войска стало бы на его сторону. Поэтому именно женщина способствовала завоеванию Британии.

В истории нигде не упоминается о том, что Аскалон и Газа однажды пошли войной против Гата. Но это было так, и в этой войне происходили жестокие, кровопролитные сражения, набеги, битвы и осады по всей Палестине, ибо маленькие городки вставали на сторону то одной, то другой клики. И в разгаре гражданской войны свирепые башаниты с севера напали на Палестину. И если бы не Гаалек, советник короля Гата, Моага, Палестина могла бы пасть.

Гаалек вырвал победу в тот момент, когда поражение, казалось, было неизбежным. Ибо он играл на струнах человеческой души, как музыкант играет на лютне, и воспользовавшись властью денег и враждой между племенами, превратил людей Моаба в своих союзников. И воины Гата сражались бок о бок с дикими племенами моавитян, изгнав башанитов из Палестины, а Аскалон и Газа пали под их натиском. И Гаалек своей мудростью усмирил ярость Моага, и ни один город не пострадал.

Ибо Ноат, царек из Газы, хотел превратить Гат в руины и образовать на его месте свое собственное царство, и когда он был убит в сражении, города мечтали о прекращении войны.

Все это происходило на туманной заре истории, прежде чем в Ханаан пришли израильтяне, когда египетское царство начало вытеснять и завоевывать племена, живущие вдоль берегов Нила.

И Атлантида, и древний Аккад были тогда империями.

Я тогда был ремесленником в Гате. Позже я оставил свое занятие и стал возницей в армии Гата. Газа была очень богатым городом, но не таким богатым, как Аскалон, ибо тогда Аскалон был знаменитым портовым городом, и в его гавань заходили торговые суда из Зоана, Сидона, Тира и Киттима, который люди называют Кипром, а также суда с Крита, Атлантиды и Эллады, из Тарсиса и Фив.

В Газе было меньше сокровищ, но сражения были кровопролитными, ибо Газа всегда славилась своими отважными воинами.

После того как мы перелезли через городские стены, на улицах начались бои и многие воины Гата были убиты женщинами.

Гаалек с трудом добился того, чтобы женщин не вывозили из города и чтобы моавитяне не стремились захватить как можно больше награбленного добра. Они принадлежали к другой вере и могли бы разграбить храм Дагона, если бы Гаалек им это позволил.

Но Гаалеку во всем сопутствовала удача, и Палестина снова стала царством.

Но разве ты найдешь имя Гаалека на страницах истории? Нет. История тех древних времен была написана врагами филистимлян — израильтянами.

Многие историки недоумевают, почему филистимляне были столь могущественным племенем, — ведь они были родом из Финикии — совсем небольшого государства. Я могу сказать тебе, почему. Когда первые филистимляне пришли из Финикии, чтобы поселиться в Ханаане, в этом государстве проживало очень много других племен. Эти аборигены были настоящими великанами. Финикийцы же-

нились на их женщинах и поработили обитателей этих мест. Две расы смешались. На всем, кроме огромного роста, сказало влияние финикийской крови. Древняя ханаанская кровь дала финикийцам телосложение и искусство ведения войн. Вот так низкорослые ремесленники стали расой могущественных воинов, во всем остальном оставаясь финикийцами.

Я знаю это, ибо в те незапамятные времена я был филистимлянином.

Кроме шуток. В скором времени я постараюсь приехать в Браунвуд.

Напиши мне как можно быстрее.

Кули Али Хан

* * *

*Тевису Клайду Смигу,
9 сентября 1923 года*

Сагиб Клайд!

Прежде всего я должен извиниться за то, что не написал тебе раньше. Но у меня было много дел; я садился за работу рано утром и заканчивал только поздней ночью.

Я прохожу от пяти до пятнадцати миль в день, я не преувеличиваю — собираю одежду и отношу ее в прачечную, а когда не занимаюсь этим, то стираю и чищу ее¹. Не слишком приятно, но пока меня устраивает. Я работаю за комиссионное вознаграждение и в месяц зарабатываю не меньше сорока долларов, а иногда и больше.

Мне предлагали работу на хлопкоочистительном заводе за пятьдесят долларов в месяц, но я вряд ли согла-

¹ Говард работал в магазине готового платья, который принимал вещи в чистку.

шусь, потому что эта работа не стоит тех дополнительных десяти долларов и, кроме того, мне пришлось бы работать допоздна и получать деньги только в конце месяца, в то время как сейчас я получаю их каждую субботу.

Как школа? К. С. Бойлс собирается в Говард Пэйн, он помощник редактора в тамошней газете. Он просил меня написать что-нибудь для них¹.

Надеюсь, что в этом году мне удастся заработать немного денег. Возможно, эта работа лишь на короткий период, но ведь есть еще хлопковые поля и прочие места.

Хорошо бы ты приехал навестить меня. Я не уверен, смогу ли я тебя принять так же хорошо, как ты, но я, во всяком случае, мог бы попытаться.

Если у тебя есть тяга к исследованиям, здесь найдется несколько местечек, которые могут заинтересовать тебя. И потом, у нас много чудных мест, где можно искупаться.

Если бы тебе захотелось посмотреть на борьбу, то здесь можно найти две или три дюжины людей, которые с радостью согласились бы оказать тебе такую услугу. (Большинство местных жителей не похожи на меня — тихого и спокойного человека.)

Возможно, тебе захочется побыть в обществе представительниц прекрасного пола; если да, то твое желание может быть в какой-то мере выполнено. (Переступать эту меру я бы никому не посоветовал).

По крайней мере, если ты приедешь ко мне, я сделаю все возможное, чтобы развлечь тебя. Я очень надеюсь, что ты приедешь.

¹ К. С. Бойлс (1905—?) стал редактором университетского журнала «Желтый пиджак» и позже писал вестерны под псевдонимом Уилла С. Брауна. Единственные сохранившиеся рассказы Говарда, опубликованные в этом журнале, были написаны им в течение 1926–27 учебного года.

Иногда случается нечто необычное, хотя и не всегда приятно.

Я мог упомянуть двух молодых леди, которые подрались на главной улице города, или начальника полицейского участка, выгнавшего убийцу индейских кровей и человека, подозреваемого в краже машины, из города, или бесконечные магазинные кражи, но я думаю, ты мне не поверишь.

Как бы то ни было, лучше бы ты приехал и сам взглянул на все это.

Пиши как можно скорее

Р. Г.

* * *

*Тевису Клайду Смитту,
16 июля 1925 года*

Салям, сагиб!

Эй там, милорд! Черт, я надеюсь, что ты приедешь. Все уже готово. Пять галлонов¹.

Тебе удалось передать мое письмо Экле?²

Если достанешь машину, ты сможешь не торопясь доехать к нам за два часа. Я предполагаю, что у тебя в семь свидание, но ты можешь выехать отсюда в пять и спокойно вернуться в назначенное время.

Если приедешь, у тебя будет возможность посмотреть на город, охваченный нефтяной лихорадкой, потому что, как я уже говорил тебе, в округе нашли нефть примерно на четыреста баррелей, и все помешались на этом. Каждая большая компания в Техасе имеет здесь своих представителей, и договора переходят из рук в

¹ Возможно, имеется в виду домашнее пиво.

² Клайд Смит встречался с Эклой Лэксон, на которой и женился в 1927 году (их брак скоро распался).

руки так часто, что начинает кружиться голова. Эти ребята ждут не дождутся, чтобы я написал о том, как у них продвигаются дела; они буквально дерутся за печатную машинку¹.

Как ты уже мог догадаться, я печатаю это письмо на новой пишущей машинке.

Напиши, когда у тебя будет время.

Р. Г.

* * *

*Тевису Клайду Смитту,
26 августа 1925 года*

Салям!

Я все время думаю. Что представляет собой действительность и что такое иллюзия? Никто не может утверждать, будто мы мыслим абстрактно, но совершаем конкретные действия, ибо в таком случае мы низводим сами себя до уровня машин, не способных думать. Когда в чьей-нибудь голове рождаются мысли, приобретают ли они сразу какую-то невидимую, неосознаваемую, но конкретную форму? И рождаются ли они вообще? Или они просто проникают в наш мозг снаружи? Быть может, человек — это не более чем сосуд для неоформившихся, но тем не менее реально существующих мыслей? Может, на самом деле мы вовсе не размышляем и не контролируем свои действия при помощи мыслей, а, наоборот, нас контролирует какая-то сила извне? Индусы, как тебе известно, считают, что ни одна вещь не имеет своего начала. Они утверждают, что мысли — это символы, свидетельствующие о про-

¹ В это время Говард работал стенографом и писал заметки о нефтяном промысле для нескольких газет Техаса и Оклахомы.

шлых жизнях, о космических скитаниях души, которые на некоторое время располагаются у нас в голове. Значит, мысли — это либо порождение нашего ума, либо вещество, появившееся ниоткуда, существующее вечно, либо проявления высшей, непостижимой силы извне? Что, если мы просто марионетки, пляшущие на нитях Судьбы?

Поставь перед собой этот вопрос и ответь на него честно: какую часть твоей жизни ты можешь назвать ясной и понятной, незатуманенной иллюзиями и сомнениями? Можешь ли ты с полным основанием утверждать: «Это одно, а это — другое; это правда, а это — ложь; вот конкретный факт, а вот просто игра воображения; это непонятно, а это — ясно»?

Если так, то существует ли что-нибудь невозможное? Я сильно сомневаюсь в этом. Возможно, тренировка ума — это всего лишь попытка подготовить его к влиянию извне; укрепляя свой разум, мы все более попадаем в ту или иную зависимость.

Подсознание имеет на нас гораздо большее влияние, чем мы можем себе представить. Оно полно загадок, обманчиво и туманно, но все же обладает невероятным могуществом.

Его контролирует наше сознание, но и оно, в свою очередь, находится под влиянием подсознания. Подсознание — это та часть разума, которую нельзя уничтожить, хранилище забытых мыслей и образов.

Возьми, к примеру, двух детей. Попытайся настроить их друг против друга.

Разумеется, они начинают драться, царапаясь и таская друг друга за волосы. Почему? Почему они не никогда не начнут честную драку кулаками? Разве один вид драки не менее естественен, чем другой?

Нет. Драка на кулаках — это изобретение человека. Наши древнейшие предшественники никогда не дрались

кулаками. Подсознание приказывало им, и они повиновались.

В нас гораздо сильнее первобытные инстинкты. Самые яркие впечатления, надолго западающие в память, ребенок испытывает в раннем детстве. Впечатления, заложенные в нас еще с древнейших времен, сопутствуют нам всю жизнь.

Я участвую в боксерском поединке. Мой противник наносит удар правой рукой. Я парирую удар левой и наношу ответный удар правой. Почему же мои инстинкты не подсказали мне, как действовать более успешно? Более того, почему инстинкты не подсказали моему противнику нанести удар левой рукой, что, несомненно, более правильно? Искусство борьбы совершенствовалось гораздо раньше, чем бокс. В прошлой жизни я, должно быть, был спокойным, начитанным человеком. А теперешние великие борцы в своих прошлых жизнях, без всякого сомнения, были воинами.

В какое-нибудь другое время, находясь в ином теле, я тоже стану бойцом. И именно сейчас я закладываю основу для этого превращения. То, чего некоторые достигают благодаря подсознательным инстинктам, я добиваюсь упорным трудом и занятиями. Я механически делаю «нырок в сторону», защищаюсь, наношу удары, парирую их и веду бой; кто-то скажет, что это получается у меня инстинктивно, но это совсем не так. В этом случае действуют скорее мои тренированные мускулы, а не мой разум — они не могут действовать одновременно. Но приобретенные рефлекссы, ставшие одним целым с разумом в этой жизни, просуществуют еще многие века. И, возможно, через тысячу лет я, облаченный совсем в другой наряд, услышу одобрительный гул толпы, выкрикивающей мое имя — имя нового чемпиона.

Напиши мне, как только у тебя будет время.

X.

* * *

*Тевису Клайду Смиту,
28 августа 1925 года*

Салям!

Я снова думал над этим вопросом. Ты когда-нибудь задумывался о том, что, возможно, мы окружены вещами, которые выходят далеко за пределы нашего сознания?

Мы знаем, что существуют звуки, которых мы не слышим; они либо слишком высокие, либо слишком низкие по сравнению с обычными шумами. Есть крошечные существа, которых мы не можем разглядеть невооруженным взглядом. Но раз встречаются вещи, которые мы не можем распознать по той причине, что они либо слишком высоки или слишком низки, слишком малы или слишком велики, слишком тихи или слишком громки, то почему не может быть таких, которые мы не можем распознать из-за того, что не можем ощутить их — они невидимы и неслышимы для наших чувств. Наши чувства обманчивы. Мы не можем посмотреть на предмет и утверждать, что мы видим его таким, какой он есть на самом деле, или услышать звуки музыки или какой-либо другой звук и быть уверенными в том, что мы улавливаем его подлинный тембр. В действительности это удастся нам крайне редко.

Существуют ли мысли настолько высокие, настолько величественные, что они недоступны нашему уму? Если бы ощущения человека находились в гармонии со Вселенной, он был бы ее властелином.

Но перед нами возникает главное препятствие — наше тело. Мое тело кажется мне просто досадной помехой; оно напоминает мне нелепую повозку, в которую впряжены кони желания — душа. Я чувствую, что без тела я мог бы оттолкнуться от земли и подняться к тем недостижимым, темно-синим вершинам исполнения желаний и разгадки тайн, но из-за неуклюжего и совершенно бесполезного тела я могу поймать лишь краткие мгновения счастья

в скучных и однообразных просторах нашей земной действительности. Хотя у моего мерзкого тела может быть и какое-то свое предназначение. Возможно, абстрактное желание должно принять конкретные очертания, прежде чем будет сделан шаг к исполнению желаний и познанию истины.

В моей душе, если таковая у меня имеется, борются идеалист и материалист. Чем больше я узнаю, тем меньше я знаю; чем лучше мне удастся формулировать собственные мысли, тем меньше мне хочется это делать. В любой вещи наличествует масса правдивого и ложного. Иногда мне кажется, что все вокруг — порождение какой-то чудовищной шутки, и достижения человека, и его знания, приобретаемые им постепенно, ценой невероятных усилий на протяжении веков, — это всего лишь колеблющаяся дымка над песками Времени, песками, которые однажды поглотят меня. Значит ли это, что мой облик изменится, что нынешняя форма уступит место более легкой и прекрасной, или все сведется к тому, что пыль смешается с пылью? Я не могу дать ответа на этот вопрос.

Напиши, если будет время.

X.

* * *

*Тевису Клайду Смиту,
сентябрь 1927 года*

Салям!

Только что получил твое письмо и ответу на него, как только будет время. Да здравствует производство мыла¹ — будем приземленными материалистами, хотя так никто никогда не говорил.

¹ Смит получил работу — он ездил по западному Техасу и Оклахоме, рекламируя мыло «Камэй».

Мы с Труэттом совершили короткую увеселительную поездку в Сан-Антонио. Мы провели там чудесную неделю и умудрились не дойти до состояния, когда один ждет, пока другой не ляжет спать — в целях собственной безопасности.

Я снова в Кросс Плэйнс, пока не занимаюсь ничем особенным, но скоро собираюсь приняться за дело. Я до сих пор ненавижу это проклятое место, но иногда мне даже нравится бывать здесь. Последний раз, когда я был в Браунвуде, этот город очень сильно действовал мне на нервы. Вчерашний вечер я провел самым чудесным образом, впервые за долгое время. В Кросс Плэйнс прошло собрание Американского Легиона (прокричим им трижды ура, черт бы их побрал) и матч по борьбе с отборочными соревнованиями по боксу. Участвовали Малыш Дула из Браунвуда и Дик Бауэрс, крепкий парень из Брекенриджа. Парень из Брекенриджа оказался сильным противником, и некоторое время матч обещал быть достаточно интересным, однако я был на стороне Малыша. Во время матча Дуле сильно досталось, и зрители стали выкрикивать язвительные замечания в адрес Бауэрса, стоило ему только выйти на ринг. Теперь я не высмеиваю боксеров, но когда ребята из Брекенриджа стали отпускать шуточки насчет Дулы, я ответил им парой осторожных фраз, и обе команды болельщиков стали обмениваться любезностями, какие можно услышать разве что в каком-нибудь великосветском салоне. Особенно когда Бауэрс ударил Дулу, когда была дана команда «Брейк!»; и один из болельщиков, рядом с которым я сидел, поднялся и потребовал у рефери, чтобы тот вышвырнул Бауэрса с ринга. Какой-то из болельщиков Брекенриджа ответил ему, что это забота самого Дулы, и я принял его замечание на свой счет, чтобы уверить его в том, что Дула может великолепно справиться с вышеупомянутой задачей, и все стали отпускать

замечания по поводу манер, обычаев, внешности и моральных устоев жителей Брекенриджа вообще и той компании, которая присутствовала на матче в частности. Весь цвет молодежи Брекенриджа сидел прямо перед нами; несколько раз они пытались подняться с мест, но у них ничего не вышло. Я был самым мирным в команде болельщиков и думаю, вряд ли был похож на заведомую феенебельных гостиных, потому что на мне была довольно простая одежда, под глазом красовался великолепный черно-синий фингал, а щека была ободрана в результате драки на этом же стадионе несколько дней назад.

Во время поездки я купил несколько книг, среди них «Баллада о Белом Коне» Г. К. Честертон¹. Читал ее когда-нибудь? Она просто великолепна.

Так вот, если ты не ответишь мне в ближайшие несколько дней, ты получишь от меня по почте небольшую посылку, в которой будет бомба.

X.

P.S. С тех пор, как мы в последний раз виделись с тобой, я написал пять больших поэм и короткий рассказ.

* * *

Тевису Клайду Смиту,
октябрь 1927 года

Салям!

Я пытаюсь найти различия между тем, что мы ищем, и тем, что мы страстно желаем иметь, призраками и тенями вещей, которые мы желаем получить, и вещами,

¹ Первый раз был опубликован в 1911 году, 9-е издание — в 1927 году.

которые у нас уже есть, нахожу подтверждения бесполезности каких-либо достижений и неясных теней исполнявшихся желаний, даже если предположить, что я приложу усилия к достижению чего-либо и поэтому, обращаю свое внимание на самое бессмысленное из выполняемых нами дел — писание писем.

Прежде я забивал себе голову и изводил себя тем, что задавался вопросами причины и морали, пытаюсь найти мотивы, лишённые корыстного начала — но уже давно оставил это занятие, придя к окончательному выводу, что нужно стремиться к приобретению материальных благ — хотя в моем случае погоня за ними существенно осложняется тем, что во мне нет основных требуемых для этого качеств, отсюда это физическая и умственная лень и полное отсутствие каких-либо идей.

Пока я писал все это, я получил от тебя письмо, которое несказанно обрадовало меня, дорогой мой. Ха-ха. Я думаю, то, чем ты сейчас занимаешься¹, вполне подходит для твоей артистической натуры.

Вот речь, которая может пригодиться тебе для работы: «Моя дорогая леди, в ваших интересах выслушать меня; если ваш муж пьяница, сын — сексуальный извращенец, а ваши сестры и тетки — слабоумные идиотки (а скорее всего так оно и есть), — тогда вам стоит обратить внимание на мои слова». А затем начинай рассказывать о своем товаре.

Как ты себя чувствуешь? Мне кажется, тебе на пользу должны пойти длительные прогулки. Я сейчас вешу около 164 фунтов и накачиваю мышцы правой руки. Мне кажется, я мог бы сорвать с петель даже закрытую на замок дверь. Может, нам удастся как-нибудь побоксировать. Я пью немного больше чем следует, но ду-

¹ Реклама мыла «Камэй».

маю, что скоро завяжу с этим и буду в самой отличной форме.

Да, Клатт звонил мне на днях и намекал, что придет навестить меня; я приглашал его к себе так часто, что он, наверное, хочет отдохнуть, но держу пари, что он разочарует меня. Как бы то ни было, он не сказал, когда придет. Напиши мне, если получишь это письмо.

X.

P.S. С тех пор как я написал это письмо, я продал еще один рассказ. Я получил за него сто долларов; это значит, что его опубликуют¹. Но я не знаю, когда это произойдет и понравится ли он тебе. Пока я писал его, я получил больше удовольствия, чем когда-либо получал от произведения в прозе. Сейчас меня интересует главным образом психология. Последний рассказ² был в чистом виде исследованием психологии снов, а этот касается в основном психологии первобытного человека. Не знаю, опубликуют ли они его, как серию рассказов или как целую повесть.

Тевису Клайду Смиту,
январь 1928 года

Салям!

Послушай, тебе не кажется, что ты мерзавец? Ты давно уже должен был написать мне письмо, но я все-таки напишу тебе. Хэролд Прис хочет, чтобы ты написал ему, поэтому немедленно садись за стол и черкни ему что-нибудь прилич-

¹ Возможно, речь идет о «Царстве теней», опубликованном в «Сверхъестественных историях» в августе 1929 года.

² Возможно, речь идет о рассказе «Змея из ночного кошмара», опубликованном в «Сверхъестественных историях» в феврале 1929 года.

ное, ведь у тебя бойкое перо, ладно? Его адрес: 905 Мэйн Стрит, Даллас, Техас. С ним стоит поддерживать дружеские отношения. Более того, это кое-что мне напоминает: я говорил ему, как и тысяче других людей, что ты — второй по величине американский поэт. Последний раз, когда я был у тебя, ты старался изо всех сил, чтобы мое утверждение казалось ошибочным и безосновательным. А теперь послушай: если ты работаешь двадцать три часа в сутки и спишь всего час, измени свой образ жизни и спи по полчаса; освободившиеся полчаса посвяти писательскому труду. Надеюсь, у тебя наберется достаточно стихотворений к тому времени, когда я приеду к тебе в очередной раз, а если нет, я подожду пока ты заснешь, а затем с дьявольским криком схвачу тебя за пальцы ног и разорву тебе ступню до самой щиколотки.

С этим все ясно, поэтому продолжаю. Давай подумаем о женщинах, хотя они не стоят того, чтобы занимать наши мысли. Когда я был моложе, мне казалось, что завоевав исключительную, прекрасную, невинную девушку, ты должен относиться к ней так, как верховные жрецы Вавилона относятся к своим идолам. Но я изменил свое мнение; если я когда-нибудь (ради практики) захочу сделать девушке предложение, то буду вести себя как пещерный человек и сделаю это, нанеся быстрый удар в челюсть, а затем нанесу предательский удар в солнечное сплетение. Дамочки, молоденькие девчонки и девки любят, чтобы мужчины были грубыми.

Боец армии Спасения

* * *

*Тевису Клайду Смиту,
январь 1928 года*

Я не солгал тебе в тот субботний вечер, когда сказал, что уезжаю на следующее утро; я действительно собирался это сделать, но наступившее утро обещало дождливый

день; я все колебался, как мне поступить, но Труэтт уговорил меня остаться. Мы пошли к Ручью, как собирались еще давным-давно, и бродили там довольно долго. Мы вернулись после полуночи, вот почему я не заглянул к тебе в воскресенье утром.

Давай поговорим о жизни; сегодня вечером я чувствую себя чертовски усталым. Кто ты? А кто я? Слушай, я скажу тебе: Жизнь — это Сила, Жизнь — это Электричество. Ты и я — атомы этой силы, зубчики в колесах Вселенной. Жизнь непредсказуема, так же, как и самые тривиальные происходящие с нами события, но есть дороги, по которым мы идем и не можем с них свернуть. Или ты думаешь, что можем? Тогда поднимись хотя бы на семь дюймов над землей и попробуй остаться в таком положении без какой-либо поддержки; посмотри на звезду невооруженным взглядом и скажи мне, растет ли на ней трава; нырни на дно океана и поднимись обратно или пройди по воде; попробуй прожить тысячу лет.

Вот что я тебе скажу: мы всего лишь крупинки звездной пыли, атомы неведомой силы; сами мы бесильны, но вместе все же представляем собой огромную силу, которая использует нас так же безжалостно, как огонь пожирает дрова. Мы частички какого-то вещества, сами по себе беспомощные. Мы просто электрические разряды; электроны, постоянно колеблющиеся между двумя магнитными полями — рождением и смертью. Мы не можем избежать пути, по которому проложены наши дороги. Как самостоятельные существа, мы по-настоящему не существуем, не живем. Нет жизни, нет бытия; есть просто колебательные движения. Что такое жизнь, как не слабый, неуверенный жест, начинающийся и заканчивающийся забвением? Кто в истории человечества достиг того, чего желал достигнуть на самом деле? Нет, то, что люди называют

жизнью,— это лишь электрон, вспыхнувший между полями рождения и смерти. Как нет начала, так никогда не будет и конца.

Я снова возьмусь за старое — попытаюсь казаться великим поэтом.

Я перечитывал твоё стихотворение снова и снова. Ты — поэт и обязан развивать свой талант. Должен извиниться перед тобой; мне почти нечего сказать, и я должен волей-неволей написать стихотворение, чтобы письмо не было оскорбительно коротким. Ты, разумеется, прочтешь эту чушь из вежливости, даже если будешь умирать от скуки. Но я никогда и не претендовал на звание стихотворца. Я посылаю свои стихи только близким друзьям, которые знают, на что я способен и не ожидают от меня ничего выдающегося.

Напиши мне, когда будет время.

Тевису Клайду Смигу,
20 февраля 1928 года

Тот, кто написал *«Касидах»*¹, неплохо складывает слова в предложения, но мне не кажется, что ему удалось сказать нечто важное. То, что написано в его книге, понятно любому человеку, умеющему думать. Вот что выводит меня из себя в поэтах. Внезапно у них появляется мысль, и они начинают разглашать ее по всему миру — а ученый признает ее как факт и забудет о ней. *«Материалисты»*, не правда ли? Идиоты, которые болтают о движении молекул, да? Но Бог свидетель, мир, все челове-

¹ Поэма *«Касидах из Хаджи Абду Эль Йезди»* переведена сэром Ричардом Фрэнсисом Бартоном (1821—1890), впервые была опубликована в 1880 году.

ство обязано куда больше науке, нежели всем этим чертовым поэтам, писателям, идеалистам, реформаторам и религиозным деятелям. Возможно, идеалисты правы и нет такого понятия, как материя, но ведь огонь существует, а также холод, голод, смерть и ненависть. И ученые сделали гораздо больше, чтобы подчинить себе эти вещи, нежели любой из этих глупцов, которые высокомерно считают их *«материалистами»*.

Какой-нибудь чертов идеалист не видит в эволюции ничего, кроме мерзости, — но что может быть чудеснее во всей Вселенной, чем теория самозарождения? Человека, произошедшего от одной единственной клетки? Предположим, что знание этого факта ничего не дает нам сейчас и не обещает прекрасного будущего. Но ведь ничего из того, что мы знаем, не пропадет втуне, не так ли? Боже мой, неужели все эти глупцы, вроде автора *«Касидах»*, хотят, чтобы люди отбросили в сторону все знания, кроме тех, которые нужны им сию минуту? Я обрушиваю на их головы все возможные проклятия. Я только что прочитал *«Пользу религии»*. Эптон говорит, что все настоящие *«мыслители»* остерегаются мыслить в космических масштабах. Всемогущий автор предаст чистилищу забвения таких, как Геккель, Спенсер², а также Йогов. Я не готов еще посадить Эптона на трон Всемогущего и склониться перед ним, и поэтому делаю попытки с ним не соглашаться. Я думаю, что такого человека, как Геккель, который в течение десяти лет пытался найти одноклеточное насекомое, определенно можно назвать *«мыслителем»*. Я разочарован;

¹ Эрнст Геккель (1834—1919), автор произведения *«Загадка Вселенной»* и многих других трудов по биологии, эволюции и философии; Герберт Спенсер (1820—1903), английский философ, пытавшийся примирить науку и религию в том смысле, что окончательно ничего не известно, в таких работах, как *«Система Синтезированной Философии»*.

мне казалось, что Эптон Синклер сильнее. Как бы то ни было, ученые трудятся все упорнее в угоду глупцам и получают меньше признания, чем кто бы то ни было. Мне кажется, что автор *«Касидаха»* — идеалист (или был таковым) в первоначальном значении этого слова, верящий, что все вокруг — это Душа, а материя не существует; что внешность — это лишь обман зрения, а единственная подлинная вещь — Душа. Мне все это кажется странным и непонятным, но я ведь и не претендую на то, что у меня есть какие-то исключительные умственные способности.

Ты прав насчет Вандербильта. Я его терпеть не могу, но не могу не восхищаться безжалостностью этого старого недоноска. Есть какие-нибудь вести от Хэрлда Приса? Он сейчас в Винчита Фоллис.

Что раздражает меня почти во всех, так это их чертова узколобость (это не имеет никакого отношения к Прису; у меня нет никаких оснований считать его узколобым). Если людям малоинтересны какая-то вещь или занятие, они считают себя вправе называть их бесполезными и плохими. Черт возьми, надеюсь, что у меня хватает ума восхищаться тем, чем я не особенно интересуюсь. Мне нет дела до множества вещей, но я тем не менее, признаю их великолепие. Но так поступает лишь чертова горстка людей. Средний человек не находит видимых причин для существования вещей, если они не нужны или не нравятся его высочеству. Вот почему история мира — это одна-единственная нескончаемая война против нетерпимости. Есть, например, люди, которые с пеной у рта готовы доказывать, что единственная обитаемая планета — это Земля. Черт возьми, это единственная населенная планета в нашей вселенной и в любой другой тоже. Все, что существует в каком-либо виде, было сделано специально для величайшего божества — человека. Чертовы дураки, будь они прокляты. Черт поberi, да

они ведь помешаются, пытаясь понять идею бесконечности космоса; их умственные способности слишком ограничены для этого. Муравьи, вот кто они, муравьи, а человек, который пытается вдолбить им хоть что-нибудь — еще больший глупец, чем они. Да, разум человека должен стремиться к *величию*, и когда он дойдет до точки, где любая обычная человеческая мысль покажется банальной, тогда он может выйти за пределы человеческого разума — и если и там он ничего не найдет, то закончит свое существование. Джек Лондон умер, потому что не мог разделить Человеческое и Космическое. Эптон Синклер никогда не выходил за пределы человеческого. А Платон вышел, и Христос, и Конфуций, и Сиддхартха. Это удастся некоторым йогам. Геккель сделал это, и Спенсер, и Хаксли, и Дарвин. Кант заглянул туда, но ничего не увидел. Ницше никогда не разделял космическое и человеческое; так же поступал и Шопенгауэр.

Хорошо. Пусть те, кто хочет, останутся ублюдками. Что касается меня, я хочу знать, откуда взялся и какое отношение имею ко всей остальной Вселенной. Быть может, знание этого не так уж важно для жизни, но если рассуждать и дальше таким образом, то окажется, что у среднего труженика вполне хватает для нее знаний. Ни одно знание не бесполезно, оно никогда не пропадает втуне; и тот, кто презирает человека, стремящегося к знаниям, — лицемер и глупец.

Вернемся к поэтам. Правда заключается в том, что они обычно слишком поглощены собой и сексом, чтобы всерьез задуматься о Вселенной; а когда у них в голове рождается какая-нибудь простая мысль, их настолько поражает ее правдивость и сила, что ее немедленно начинают считать сверхоригинальной и заявляют о ней во всеуслышание — не обязательно, как о пути к спасению, но что-то в этом роде. Я думаю, что необходимо нести эту правду в широкие массы

населения, но напыщенные слова поэта, как правило, кажутся ученому попыткой доказать, что солнце встает и садится. Для настоящего ученого великие, первоначальные, фундаментальные факты самоочевидны. Ученый никогда не осуждает поэта, и поэт тоже не имеет права осуждать науку. Еще кое-что касательно поэтов — поэт очень остро все ощущает и поэтому может так ярко выразить себя и заставить других испытать те же чувства — но никогда по-настоящему не думает. Ибо настоящая поэзия — это чувства, а не мысли. Поэт никогда не приходит к окончательному выводу путем логических умозаключений. Но он необыкновенно остро и безошибочно *чувствует*, однако чувствам без обоснованных фактов и исследования нет места в науке. Следовательно, поэт, не превзойденный в области чувств, просто выставляет себя на посмешище, когда пытается справиться с Наукой. Эдгар По понимал это — ты читал его сонет, посвященный науке. Вирек был единственным поэтом из тех, кого я знаю, кому удалось найти компромисс между чувствами и разумом. Я говорю именно о поэтах, а не о писателях. Поэт чувствует, а писатель думает. Строка, написанная поэтом, глубже по содержанию, если иметь в виду ту область чувств, которую он затрагивает, но она проигрывает по сравнению с широтой видения писателя. Вирши, сочиненные поэтами, будут жить в веках, но писатель в своем творчестве затрагивает более приземленные стороны жизни. В конце концов, лирическую поэзию называют одним из проявлений сексуального влечения.

Я бы хотел отправиться в Европу, прослушать курс антропологии и заниматься научными исследованиями: Не то чтобы я особенно стремился внести свой вклад в сокровищницу мирового знания и обогатить мир своими идеями, черт с ними — я просто хочу сделать это

для собственного наслаждения и удовлетворения, ради признания и уважения людей, чье мнение действительно имеет значение. Я имею в виду членов научных обществ. Но у меня нет на это ни малейшего шанса; мне придется работать в поте лица, чтобы зарабатывать на жизнь; но кое-что, черт возьми, все же остается — я буду думать так, как считаю нужным, несмотря на мнение толпы.

Ты посмотрел какие-нибудь фильмы за последнее время? Мы возносим на пьедестал этих шутов из Голливуда; я обожаю фильмы и ту небольшую толику искусства, которая в них есть, но мне кажется, что профессия актера — самая жалкая и развращающая человека из всех, что я знаю. Но, может быть, мне когда-нибудь придется иметь с этим дело, поэтому сейчас я изучаю всевозможные актерские приемы. Вот когда начинаешь получать от работы истинное удовольствие — когда изучаешь основные правила и приемы. Поэтому меня так интересуют основы науки. Некоторых способна заинтересовать только готовая статья — но не меня. Когда я начинаю чем-то интересоваться, то хочу увидеть самые ранние стадии процесса и наблюдать за его развитием. Черт побери, человек стоит обеими ногами на вертящейся и постоянно меняющей свой облик земле, наблюдает и думает — и все же ничего не знает.

Следующий день. Быть может, я слишком сурово обошелся с автором «Касидаха». Это действительно великая поэма, хотя она и открывает уже давно известные истины, мне, например, они стали понятны уже много лет назад. Тем не менее поток колкостей, который автор обрушил на естественные науки, абсолютно необоснован и непродуман, и это меня неприятно поразило; а когда что-нибудь изумляет меня в физическом или умственном смысле, я становлюсь похожим на быка; моей единственной задачей становится сокрушить то, что стоит

у меня на пути. Давай представим себя соколами и взглянем с высоты на жалкие людские старания. Совершенствование? Спенсер ясно показывает, что совершенствование невозможно. Я никогда не ищу совершенство в чем бы то ни было, но стремление к совершенству в соответствии с моими собственными жалкими критериями. И моими критериями являются Сила, Мощь, Власть. Именно Сила — ее я называю приближением к совершенству. Я старательно вспоминал наиболее могущественных людей (по моему мнению) во всей мировой литературе, и вот мой список:

Джек Лондон, Леонид Андреев, Омар Хайям, Юджин О'Нил, Уильям Шекспир.

Все они, в особенности Лондон и Хайям, настолько превосходят всех остальных, что любые сравнения тут бесполезны, и незачем тратить на это время. Читая произведения этих людей и восхищаясь ими, чувствуешь, что жизнь — это не такая уж бессмысленная штука. Сегодня я утвердился в своем умственном превосходстве, ибо провел время с исключительной пользой для ума — я дал сто очков вперед этим мужланам, которые проверяли себя на силомере: встал так, чтобы стальные рукоятки оказались на уровне грудной клетки, и стрелка тут же пошла вверх до отметки 249 фунтов; а они испугались — чего, как ты думаешь? — что они могут впитаться им в ребра. Сверхчеловек!

Странно; я написал длинный рассказ для журнала «Аргоси», и прошлой ночью мне приснилось, будто мне вернули его обратно вместе с письмом редактора, написанным чернилами. И это действительно случилось. Он написал, что некоторые эпизоды были очень «удачными», а некоторые — «отвратительными». Он сказал, что дело «выгорит», если я «настроюсь на правильный лад», поэтому подробно объясняет, почему отверг мою рукопись. Это на самом деле так, его замечания были

очень ясными и емкими. Он говорил, что когда я описывал место действия (которое должно было происходить в средние века), я использовал слишком много описаний «джунглей в духе Юджина О'Нила» (однако редактор все же не обвиняет меня в плагиате). Основная причина, по которой мне не удалось продать рассказ, — «необъяснимые чудеса». Дело же вот в чем — изначально я написал рассказ для «Сверхъестественных историй», и лишь затем решил попытаться в «Аргоси», вот и все¹. Значит, если какая-то жалкая вымышленная история, основной темой которой является оккультизм, может настолько заинтересовать журнал, который никогда не печатает подобных произведений, то у меня нет особых поводов для разочарования. Редактор извинялся за то, что так долго возился с рассказом, говоря, будто хотел написать мне личное письмо и поэтру рассказ лежал у него на столе в течение двух недель, пока у него не нашлось свободное время; он утверждает, что им присылают около ста рукописей в день. В конце письма он заявляет (все, что я написал, — это его собственные слова, я имею в виду те, что в кавычках): «Кажется, вы поняли, что значит писать остросюжетные произведения, многие из ваших рассказов отличаются этим. Если вы будете обращать внимания на указанные мной недочеты, ваши рассказы можно будет опубликовать, и я с удовольствием ознакомлюсь с ними. Удачи!»

Я знаю, что тебе все это смертельно наскучило, и я не стану перегружать тебя своими проблемами, но раз ты собираешься заняться писательским трудом, я поду-

¹ «Красные тени», опубликованы в «Сверхъестественных историях» в августе 1928 года. Письмо, указанное здесь, принадлежит перу А. С. МакУильямса, помощника редактора «Аргоси».

мал, что критические замечания по поводу моих произведений помогут тебе, хотя мы с тобой пишем на совершенно разные темы. Можешь прочесть письмо из журнала в любое время, когда захочешь. В нем есть много общих критических замечаний, написанных человеком, который знает о вкусах читающей публики. И я хочу написать такой рассказ, который смогут опубликовать.

Р. Г.

СОДЕРЖАНИЕ

Воин снегов

Перевод с англ. К. Плешкова 5

Золото пустыни

Перевод с англ. Н. Дружининой 337

Приложение

Перевод с англ. Т. Темкиной 411

Литературно-художественное издание

ГОВАРД РОБЕРТ ИРВИН
ВОИН СНЕГОВ

Составитель *Александр Тишинин*

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*
Художественный редактор *Елена Иванова*
Верстка *Екатерины Пеняевой*
Корректор *Вера Безмянская*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.04.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 7000 экз.
Заказ 1235.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.

194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.
E-mail: sevzap @infoagro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОМАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гонимые смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

Роберт Ирвин Говард

(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

— Смертный! — Глаза Итиллин вспыхнули ледяным пламенем. — Боги холода сделали тебя своим избранником, ибо ты — единственный, кто перешёл испытание Вечной Стужей.

Полуволк-получеловек, ты спасёшь этот мир от гибели. Но умрёшь, прежде чем успеешь насладиться плодами победы!

•Северо-Запад®